

**Академия военно-исторических наук
(Верхне-Волжское отделение)**

**ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского»**

**Вестник
Верхне-Волжского
отделения Академии
военно-исторических
наук**

V

**Ярославль
2006**

УДК 902
ББК 63.3 (0) 62.
В 387

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Рецензенты:

В.Т. Юнгблуд, доктор исторических наук, профессор
В.В. Швецов, доктор исторических наук, доцент

Вестник Верхне-Волжского отделения Академии воен-
но-
В 387 исторических наук: материалы научной конференции. –
Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006. – 208 с.

Редакционная коллегия:

В.Т. Анисков – заслуженный деятель науки России, доктор исторических наук, профессор, председатель Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук (главный редактор);

М.В. Новиков – доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии военно-исторических наук (ответственный редактор);

С.Н. Картавый – кандидат исторических наук, доцент, действительный член АВИН, ученый секретарь Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук.

УДК 902
ББК 63.3 (0) 62

ISBN 978-5-87555-237-3

© Ярославский государственный
педагогический университет
имени К.Д. Ушинского, 2006.
© Авторы материалов, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

А.Р. Хаиров Военная промышленность в годы Первой мировой войны.....	5
Кабанова Л.В. Гражданская война в России: социальные аспекты общественно-политической истории....	30
М.В. Новиков Война в Испании (1936–1939 гг.) и политика СССР в исследованиях отечественных и зарубежных историков.....	46
М.А. Рутковский Верхнее-Волжские профсоюзы и физкультурное движение накануне Великой Отечественной войны.....	64
В.В. Жарков Военные преобразования в СССР в межвоенный период.....	68
С.Н. Картавый Истребительная авиация РККА накануне и в годы Великой Отечественной войны.....	73
В.А. Коробов Советское военное искусство в годы Великой Отечественной войны – уроки и выводы.....	81
А.А. Киселев Развитие тактики глубокого боя Советских Вооруженных Сил в период Великой Отечественной войны.....	92
К.А. Киселев, М.А. Киселев Развитие тактики наступательного боя Советских Вооруженных Сил в период Великой Отечественной войны.....	104
Н. В. Рощина Организация управления войсками, совершенствование техники связи в операциях Великой Отечественной войны.....	109
А.М. Лушников Субъективные заметки о военачальниках Второй мировой войны.....	120
Н.Я. Гребенев, М.И. Каратуев, М.И. Фролов Об особенной роли крестьянства в завоевании Победы. К обсуждению в связи с новейшим исследованием В.Т. Анискова.....	133
В.Н. Гурьянчик Трансформация образа врага в сознании советских солдат.....	150

В.Т. Анисков О «военном коммунизме» в историческом контексте.....	157
С.Г. Осьмачко Патриотические движения населения Верхнего Поволжья по оказанию помощи фронту в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): донорское движение и сбор трофеев с полей сражений	164
А.И. Сазонов Инженерные войска в битве под Москвой.....	171
А.С. Воронцов Некоторые особенности тылового обеспечения советских войск в ходе Сталинградской битвы (осень 1942 г.).....	180
С.Л. Воронцов Действия штурмовых групп и штурмовых отрядов при ведении боевых действий в Сталинграде (осень-зима 1942-1943 гг.).....	191
С.В. Шалыгин Действия бандформирований на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны	199

А.Р. Хаиров
Военная промышленность в годы
Первой мировой войны

Перед Первой мировой войной производство оружия, боеприпасов, предметов обмундирования, инженерного имущества в России опиралось на хорошо развитую военную казенную и частную промышленность. Артиллерию, винтовки, патроны, снаряды, порох, взрывчатые вещества производили на специализированных (в отличие от простых предприятий тяжелой промышленности) государственных и частных заводах, которых в 1914 г. насчитывалось 17 [1]: Петербургский, Обуховский, Пермский заводы (производили полевую, морскую, крепостную артиллерию и снаряды); Тульский, Сестрорецкий, Ижевский заводы (делали винтовки и пистолеты); Петербургский, Луганский, Тульский (изготавливали патроны); Охтенский, Шостенский, Казанский, Шлиссельбургский (специализировались на порохе), в 1912 г. началось строительство Тамбовского порохового завода; Охтенский и Самарский заводы (выпускали взрывчатые вещества); Ижевский сталелитейный завод (выпускал специальные стали); Олонецкий и Гороблагодатский заводы, принадлежавшие горному ведомству, (изготавливали артиллерийские снаряды). К числу специализированных заводов морского ведомства относились: Балтийский и Адмиралтейский судостроительные заводы, ремонт производился в мастерских Кронштадта, Николаева и Севастополя. Кроме этого в России было 7 сухопутных и 2 морских арсенала, которые ремонтировали оружие. Из частных предприятий, на выпуске артиллерии и снарядов для нее специализировались: Обуховский и Путиловский (изготавливали пушки, лафеты, снаряды и артиллерийское снаряжение), "Русское общество для производства снарядов" (бывшее "Парвиайнен"), "Русское общество артилле-

рийских заводов" (организованное в 1913-1914 гг. английской фирмой "Виккерс"), "Общество Брянских заводов" (выпускавшее артиллерийское снаряжение), "Общество механических, гильзовых и трубочных заводов П.В. Барановского" и др. Значительная группа частных предприятий была задействована в военно-морском производстве, это: Франко-русский завод (бывший "Берда"), "Общество Невского судостроительного и механического завода", "Общество Николаевских верфей" и Охтенское адмиралтейство (производившие военные суда). Свыше 15 частных военных и военно-морских заводов перед Первой мировой войной специализировались на производстве военной продукции. Предметы инженерного снаряжения в мирное время поставляли военному ведомству гражданские заводы, которые в годы войны почти полностью переводились на выпуск военной продукции.

На развитии дореволюционной военной промышленности России отражалась ее экономическая отсталость по сравнению с передовыми странами Европы. Относительно слабое развитие машиностроительной, металлургической, топливной, химической промышленности непосредственно отражалось на развитии военной промышленности. Технический уровень военной промышленности определялся в значительной мере состоянием механизации производства. До революции в цехах многих заводов машиностроения преобладал ручной труд, слабо механизировалась внутризаводская транспортировка. Многие заводы имели только заготовительный и сборочный цеха, необходимые сложные детали завозились из-за границы. Удельный вес продукции машиностроительной промышленности в 1913 г. составлял лишь 7 % в общей продукции крупной промышленности, а удельный вес России в мировом машиностроении составлял 3,5 %. На казенных заводах существовала сложная регламентация утверждений нововведе-

ний в разных инстанциях, что задерживало техническое усовершенствование и введение новых образцов оружия. Начальник Главного артиллерийского управления А. А. Маниковский писал: "Нам неизбежно приходилось плестись в хвосте европейских армий, постоянно запаздывая с улучшениями, идеи которых нередко зарождались у нас, но за неимением у нас самих технических возможностей они становились достоянием заграничных заводов" [2]. Военные заводы дореволюционной России характеризовались небольшой производительностью и перед войной получали низкие производственные задания. Даже для создания запасов стрелкового оружия заводы перед войной загружались на 10-15 % их производственных мощностей [3]. В мирное время военные заводы загружались заказами, не связанными с их основной специализацией, лишь бы их поддержать. Вместе с тем, не принимались меры к своевременному обеспечению их соответствующим оборудованием, запасами материалов и топлива, необходимых на случай войны. Недостаточная в мирное время загрузка военных заводов заказами приводила к распылению обученных кадров рабочих. (С началом войны часть квалифицированных кадров рабочих военных заводов была призвана в армию и заводы сразу оказались в трудном положении.) В России не было системы подготовки рабочих военной промышленности. (Этот урок был учтен Советской властью, была создана система бронирования специалистов и подготовки квалифицированных кадров, что улучшило положение в годы Великой Отечественной войны, хотя трудности с кадрами были.) Только накануне Первой мировой войны частные военные заводы полностью переключились на производство оружия, а перед этим - выпускали продукцию гражданского назначения (этот урок тоже был учтен).

Руководство военной промышленностью (казенной и частной) со стороны государства имело недостатки: хотя

оружейные, патронные, орудийные и сталелитейные заводы формально подчинялись одному органу - Главному артиллерийскому управлению (ГАУ), фактически руководство было рассредоточено между многочисленными отделами, канцеляриями и делопроизводствами. Распыленность руководства имела своим последствием невыполнение заводами заказов, которые давались не по плану, а по мере потребности. Только в 1914 г. аппарат ГАУ был реорганизован. Вся промышленность дореволюционной России находилась в значительной финансовой зависимости от иностранного капитала. В обеспечении энергетическим оборудованием, станками для обработки металлов, химической аппаратурой Россия зависела от импорта. Это негативно сказывалось на военном производстве. Например, Россия не имела собственного производства ферровольфрама, нужного для создания оружия. Его поставляли иностранные фирмы, полностью монополизировавшие рынок. С началом войны спрос на ферровольфрам резко увеличился, и купить его за рубежом стало почти невозможно (пришлось осенью 1915 г. начать строительство опытного завода по его производству, но вступить в строй он смог только в 1917 г.). Перед войной химическое сырье для производства динамита в Россию поставлялось из Германии, поэтому с началом войны с ним сразу возникли трудности. Вся промышленность (особенно военная) размещалась неравномерно, концентрируясь в нескольких центрах, что создавало определенные трудности. Так, сырье, топливо и материалы приходилось доставлять из других районов или из-за границы, что в условиях неритмичной работы транспорта ставило производство в трудное положение, кроме того, западные районы оказались рядом с театром военных действий, и заводы из них пришлось эвакуировать.

На развитие военной промышленности сказалось общее финансовое положение страны. Финансирование

было недостаточным, и большая часть его шла на строительство крепостей и стратегических дорог. Кредиты армии и флоту сокращались, что сказалось на работе промышленности, обеспечивавшей их вооружением. Отечественный металл стоил дорого, поэтому судостроительные заказы загружались на 14-20 %. В военную промышленность проникал банковский капитал, начавший до войны создавать монополии в этой отрасли. В. И. Ленин отмечал, что крупнейшие предприятия военной промышленности имели наиболее ярко выраженные черты типичных предприятий финансово-монополистического капитала. Он отмечал преобладающее влияние иностранного капитала в частных военных предприятиях. Например, Русско-азиатский банк с французским банком и фирмой "Шнейдер" в 1911-1912 годах добились преобладания над Петербургским международным банком в делах общества Путиловских заводов. Эта финансовая группа установила контроль над "Русским обществом для производства снарядов", захватила важные позиции в акционерном обществе механических, гильзовых и трубочных заводов П. В. Барановского, в Русско-Балтийском судостроительном обществе. С началом строительства Черноморского флота по программе, принятой в 1910 г., Петербургский международный банк взял на себя финансирование строительства новых судостроительных заводов в Николаеве. Все военное судостроение на Черном море оказалось в руках группы Петербургского банка. Возникшие под эгидой банков группы предприятий в области военной и военно-морской частной промышленности являлись монополистическими объединениями типа трестов. Сращивание банковского капитала с промышленным привело к образованию финансового капитала в области военной промышленности. А участие высших государственных чиновников и представителей дома Романовых в военных монополиях, и широкое

применение подкупа ознаменовалось складыванием здесь государственно-монополистического капитализма. Зависимость от иностранных фирм негативно сказалось на развитии военной промышленности в России, ибо с началом войны приток иностранного капитала сокращается, западные государства разворачивали военное производство у себя, поэтому сократилась иностранная техническая помощь.

Правительство не предвидело масштабов войны и хотело вести ее на сделанных в мирное время запасах, поэтому не приняло мер к мобилизации частной промышленности для обеспечения армии вооружением и снаряжением. Уже первые месяцы войны выявили огромный недостаток вооружения и боеприпасов, что стало одной из причин поражений русских войск. Армии за три года войны требовалось 17,7 млн. винтовок, вместо планировавшихся 6,6 млн. [4], требовалось 31170 пулеметов, а было 500 пулеметов (к январю 1915 г.), было 8000 артиллерийских орудий (к январю 1917 г. потребность в них составляла 10840) [5]. С начала войны дефицит патронов составлял 2 млрд. штук (начинался кризис с патронами: ежегодная потребность в них составляла 3 млрд. патронов, а производство 3 русских патронных заводов - 550 млн. штук в год) [6]. В месяц требовалось 1,5 млн. снарядов, а заводы могли дать 500 тыс. Казенные и частные заводы не могли покрыть потребности в оружии и боеприпасах, уже в сентябре и октябре 1914 года стали поступать сообщения о тяжелом положении с ними с фронтов.

Именно в годы Первой мировой войны был накоплен богатый опыт по мобилизации промышленного потенциала страны на нужды обороны. В те тяжелые годы страна вырабатывала методы и способы преодоления дефицита и налаживания производства и снабжения. Этот опыт вместе с учетом ошибок и недостатков промышленности и предвоенной подготовки были использованы советским

государством в трудные годы Великой Отечественной войны. Они, а также созданные в эти годы промышленное производство и кадры, помогли стране выстоять в годы гражданской войны и интервенции, а затем стали важными предпосылками в достижении успеха во Второй мировой войне. Поэтому, необходимо учитывать опыт Первой мировой войны, накопленный в России.

С начала войны оборонные предприятия получили дополнительные заказы на производство вооружения и снаряжения для армии. К концу 1914 г. казенные артиллерийские заводы начали работать с полной нагрузкой, без ремонта оборудования, без выходных дней, с понижением технических требований продукции со стороны военной приемки. Но недостаток вооружения продолжал нарастать. В период зимней кампании 1914-1915 гг. в Карпатах и во время отступления русских войск из Польши летом 1915 г. в действующей армии были сотни тысяч невооруженных солдат. К началу 1915 г. в армии обеспеченность снарядами составляла менее 25 % нормальной потребности [7]. Поэтому власти начали поиск способов и средств выхода из сложного положения.

Вначале попытались по привычке просто закупить все за границей. Военный атташе во Франции граф А. А. Игнатьев сумел весной 1915 г. дать заказ французской фирме Шнейдера на 2,3 млн. 3-дюймовых снарядов [8]. Требования русских ведомств к французам все росли, но Франция сама вела войну и нуждалась в оружии и боеприпасах. Так, удалось получить 250 тыс. однозарядных винтовок "Гра", снятых с вооружения французской армии [9]. На совещании по артиллерии французы прямо сказали А. А. Игнатьеву: "Мы удивляемся, что вы обращаетесь к нам за содействием. Одни ваши петроградские заводы по своей мощности намного превосходят весь парижский район. Если бы вы приняли хоть какие-нибудь меры по ис-

пользованию ваших промышленных ресурсов, вы бы нас оставили далеко позади себя" [10]. До самой Октябрьской революции закупки за границей только росли. Исходя из этого, генерал Игнатьев писал: "К весне 1916 года дела на родине действительно шли из рук вон плохо. Сотни телеграмм с требованиями доставки самых разнообразных товаров указывали на беспомощность военного министерства удовлетворить насущные потребности фронта".

Со времен Петра I в подобных ситуациях использовались административные методы чрезвычайных органов с широкими полномочиями, привлекавшие средства общества для обороны страны. Правительство 15 февраля 1915 года по инициативе Ставки образовало Особую распорядительную комиссию по артиллерийской части во главе с великим князем Сергеем Михайловичем. Это должно было положить начало мобилизации частной промышленности. Комиссия выработала план обеспечения военных заводов топливом и рабочей силой, а так же план увеличения выхода продукции. К началу 1915 г. были учтены все запасы снарядов в тылу на складах и предприятиях. Были увеличены заказы на вооружение и боеприпасы за границей. Но этих мер было недостаточно. Необходимо было мобилизовать частную промышленность и расширить работу казенной промышленности. Мобилизация частной промышленности была проведена с опозданием лишь во 2 половине 1915 г. (Остальные страны сделали это раньше, а первой - Германия.) В условиях острой нехватки вооружения в мае 1915 г. было создано Особое совещание по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами боевого довольствия. Под давлением верхов буржуазии, требовавших увеличения своего влияния в этом совещании, правительство подготовило новое Положение об Особом совещании по обороне, которое после обсуждения в Государственной думе и Государственном совете 17 августа

1915 г. утвердил царь. Согласно ему, "Особое совещание" явилось "высшим государственным установлением", имевшим право требовать содействия всех общественных и правительственных организаций, устанавливать предельные цены, срок и очередность исполнения заказов, налагать секвестр, проводить реквизиции, собирать сведения о работе предприятий [11]. "Особых совещаний" было пять: "Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства"; по обеспечению топливом путей сообщения, учреждений и предприятий, работающих на оборону; по перевозке топлива, продовольствия и военных грузов; по продовольственному делу; по делам беженцев. Система "Особых совещаний" включала в себя как органы по регулированию отдельных отраслей народного хозяйства (Металлургический комитет в 1915-1917 гг., Центральное бюро по закупке сахара и др.), так и различные военно-бюрократические учреждения. Членами "Особого совещания по обороне" с правом совещательного голоса были представители ведомств, Государственной думы, Государственного совета, буржуазных общественных организаций. Решения "Особых совещаний" принимались только председателями совещаний (соответственно министрами: военным, торговли и промышленности, путей сообщения, земледелия). Буржуазия получила большие возможности влиять на распределение военных заказов и регулирование экономики в своих интересах (хотя решающее слово оставалось за государством). Особое совещание по обороне, возглавляемое военным министром (далее нас будет интересовать только оно), - было главным правительственным органом по вопросам промышленности, связанной с войной; оно имело подготовительные и специальные комиссии, а на местах - заводские совещания, которые возглавляли районные уполномоченные Особого совещания по обороне. Основными направлениями деятельности

Совещания были: контроль за деятельностью основных казенных заводов, постройка новых заводов в России и за границей, реквизиция частных заводов и материалов, распределение заказов, организация перевозок и снабжения армии, оформление заказов за границей в Англии, Америке, Японии.

В ходе войны начали переключаться на военное производство казенные заводы горной и металлургической отраслей промышленности; усилилась милитаризация частных заводов. Помимо правительственных органов мобилизацию частной промышленности буржуазия проводила через специально созданные организации: военно-промышленные комитеты, союзы земств и городов и т. д. Роль частных металлообрабатывающих предприятий в производстве вооружений возрастала. Так, 19 крупных частных заводов с начала войны по январь 1916 г. наладили выпуск 134 новых видов оборонной продукции. Во 2-й половине 1914 года только 21 % общего объема военной продукции дали частные заводы, в 1-й половине 1915 г. - 24 %, во 2-й половине 1915 г. - 55 % [12]. Со 2-й половины 1915 г. частные заводы начали осваивать новые заказы в течение 3-4 месяцев. Правительство продолжало ориентироваться преимущественно на расширение казенных заводов и сдачу заказов за границу. Через 9 месяцев после начала войны русские оружейные заводы увеличили производство винтовок до 50000 штук в месяц, а к 1917 г. - до 130000 [13]. Но винтовок и патронов не хватало. Их пытались закупать за границей. В Японии закупили 400000 винтовок и 80 млн. патронов. В США в 1915 г. разместили заказы на фирме "Ремингтон" на 1,5 млн. винтовок, на "Вестингауз" - на 1,8 млн. [14]. Россия влила в американский рынок 1800 млн. золотых рублей без достаточно положительных для себя результатов. Только фирма "Винчестер" сделала 300000 винтовок в срок, но от дальнейших заказов отказалась,

фирмы "Вестингауз" и "Ремингтон" к сроку сделали только 10 % заказа. Такое предпочтение иностранных фирм не нравилось отечественным предпринимателям и порождало в их среде недовольство правительством.

Отечественная промышленность делала все возможное, чтобы увеличить производство. Вместо 480000 винтовок в первый год войны промышленность стала изготавливать 1600000, выпуск пулеметов увеличился в 25 раз, выпуск артиллерийских орудий в 1916 г. составил 5135 штук [15]. Ведущая роль по-прежнему принадлежала крупным предприятиям. Так, Тульский оружейный завод в годы войны дал армии 1,5 млн. винтовок и 27000 пулеметов [16]. Но этого было недостаточно. Только винтовок не хватало более 7 млн., острая нехватка снарядов и патронов была на всех фронтах, хуже дело обстояло с автомобилями, самолетами и другими видами новейшей техники (большая часть их самих и моторов к ним поступала из-за рубежа). Крупная буржуазия преследовала не интересы отечества, а получение высоких прибылей: этим объясняется успех в мобилизации частной промышленности во 2-й половине 1915 г. Особое совещание по обороне проводило мобилизацию частной промышленности по нескольким направлениям. Во-первых, - раздача заказов крупным заводам через заводские совещания и органы Особого совещания на местах (в 1916 г. более 5200 предприятий с 1947000 рабочими работало на оборону). Во-вторых, - создание правительственных принудительных объединений предпринимателей (как при Петре I). Например, в начале 1915 г. при ГАУ возникла комиссия во главе с ученым-химиком генералом академиком В.Н. Ипатьевым, поставившая производство взрывчатых веществ на базе казенных Охтенского и Самарского заводов, а также 96 мобилизованных частных предприятий в Донбассе. Организация С.Н. Ванкова (генерал, начальник Брянского арсенала) была создана на осно-

ве кооперации крупных и средних предприятий для производства 3-дюймовых снарядов. Про отставного генерала Ванкова в своих воспоминаниях генерал А.А. Игнатъев писал: "Этой личности, оставшейся для меня загадочной, удалось создать трест из московских купцов и промышленников. Они были допущены к работе на оборону только под нажимом на царских чиновников военной комиссии Государственной думы" [17].

Банков привлек через Московское общество фабрикантов и заводчиков предприятия Московского промышленного района, установил связи с металлургическими заводами. Его поддерживали синдикат "Продамет", капиталистические группы А.И. Путилова, И.В. Второва и др. Созданная Ванковым организация уже весной 1915 г. приступила к выдаче заказов на производство снарядов в объеме до 1 млн. штук [18]. В начале мая 1915 г. 37 заводов, расположенных в российской провинции, стали производить снарядные корпуса, 12 химических заводов изготавливали взрывчатые вещества, 3 завода выполняли заказ на производство калибров инструментов. В 1916 г. в организации Ванкова было 110 предприятий, а к середине 1917 г. - 500. Привлечение частной промышленности позволило Ванкову наладить массовое производство снарядов. Трехдюймовые снаряды в Центральной России производили заводы, фабрики и железнодорожные мастерские: Ярославская большая, Норская, Романовская, Ростовская, Нерехтская мануфактуры; в Середнем уезде фабрики Горбунова, Скворцова и Дороднова, фабрики сел Родники, Вичуги и города Кинешмы Костромской губернии; текстильные фабрики товарищества Куваевской ситцевой мануфактуры, товарищества мануфактур И. Гарелина с сыновьями, товарищество мануфактур Никона Гарелина и сыновья, товарищество мануфактур наследников Н.Ф. Зубкова, товарищество Ивано-Вознесенской ткацкой мануфактуры и многих других.

Снаряды производили Ярославские, Вологодские и Рыбинские железнодорожные мастерские, заводы Якобсон-Лившиц в Ярославле, Журавлева в Рыбинске, чугунолитейный завод наследников М.Н. Калашникова, завод Иваново-Вознесенского товарищества механических изделий в Иваново-Вознесенске, спичечная фабрика Дунаева в Ярославле. К марту 1917 г. промышленные предприятия получили заказы на производство 16540 тыс. корпусов 3-дюймовых снарядов. Организация Ванкова исполнила заказ на производство 6-дюймовых бомб (740 тыс. штук) и снарядов для румынской армии [19].

Для увеличения производства снарядов тыл русской армии был разбит на несколько районов: Московский, в состав которого входили город Москва и ближайшие уезды; Южный, охватывавший Донецкий бассейн и города Екатеринослав, Харьков, Курск, Полтава, Славянск, Кременчуг, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Бердянск, Одесса, Владикавказ и Баку; Киевский, Петроградский, Ярославский, Тамбовский, Иваново-Вознесенский военно-промышленные комитеты; Орехово-Зуевский военно-промышленный комитет и ряд отдельных заводов, фабрик и мастерских [20]. Организация Ванкова оказывала предприятиям, производившим снаряды, техническую и технологическую помощь, что позволяло устранить дефекты производства, оперативно производить приемку готовой продукции и отправку ее на фронт, объединить работу ряда заводов на основе промышленной кооперации, руководить производством снарядов на предприятиях, ранее не занимавшихся их производством, вступать в контакты с местными властями для более быстрого обеспечения предприятий сырьем, топливом и материалами, оперативно вмешиваться в рабочий вопрос. Она осуществляла и регулировала использование рабочей силы, предоставляла рабочим отсрочку от мобилизации в армию, направляла солдат на во-

енные заводы, финансировала предприятия за счет полученных от ГАУ кредитов (она израсходовала на производство снарядов 600-700 млн. рублей, до конца 1917 г. - произвела 13 млн. снарядов - 44 % 3-дюймовых отечественных снарядов). К производству снарядов были привлечены крупнейшие металлургические заводы Юга России: Керченский, Днепровский, Брянский, Дружковский, Сулинский, Гартмана, Макеевский и др., поставляющие сталь заводам, делавшим снаряды. Производство запальных стаканов было организовано на ряде фабрик и заводов Москвы и Юга России: Киевское объединение предприятий по производству колючей проволоки возникло в марте 1915 г., в него входило 20 предприятий, изготовивших 200000 пудов проволоки. Все эти организации являлись по своему характеру государственно-монополистическими объединениями особого типа [24]. В них входили предприятия в принудительном и добровольном порядке, под воздействием обстановки войны в зависимости от казенных заказов и от государственного регулирования. Применялись и меры государственного принуждения - секвестр частных заводов и мастерских. За годы войны правительство секвестрировало 94 предприятия; главным образом - полукустарные мастерские немецких владельцев, а также крупные заводы - Путиловский, Невский, Русско-Балтийский, общества "Беккер" в Петрограде, завод Гужона в Москве. В качестве причин назывались: подчинение их государственному контролю, пресечение рвачества хозяев, а так же прекращение забастовок (например, по этим причинам в 1916 г. секвестрировали Путиловский завод, в 1917 г. - завод Гужона). В качестве причины секвестрирования военно-морских заводов некоторые исследователи полагают стремление их хозяев переложить на казну убытки от прекращения программы военно-морского судостроения.

Из опасения рабочих волнений правительство не

осуществило предложенную начальником ГАУ генералом А.А. Маниковским милитаризацию заводов, работающих на оборону [25]. Оно ограничилось переводом рабочих оружейных заводов на положение военнообязанных, установив особый надзор, вычеты с рабочих на военные нужды, удлинённый рабочий день. Правительство осуществляло надзор за военными заводами назначением на них правительственных инспекторов. К сентябрю 1916 г. 796 предприятий было взято под такой контроль. Но все меры государственного регулирования не затрагивали сущности капиталистических производственных отношений. Буржуазия им подчинялась, так как война давала ей огромные прибыли. Так, прибыль владельцев Ярославской большой мануфактуры Карзинкиных за 1915 и 1916 гг. составила более 9136 тыс. руб. Фабрика товарищества Ярославской большой мануфактуры для нужд обороны производила: "бязь № 53" (рубашечная ткань) и "миткаль № 82" (для белья), пряжу обыкновенную, крученую и ткацкие товары для других фирм Московского и Шуйско-Ивановского районов, принявших заказы военного ведомства; в механическом отделении фабрики по заказам Ярославского отдела Московского военно-промышленного комитета изготавливали, закаливали и штамповали стаканы для артиллерийских снарядов [26]. Вместе с тем, стоит отметить, что класс буржуазии был неоднороден. Все выгоды от государственных заказов достались крупной буржуазии, связанной с правительством. Именно ее представители были связаны с особыми совещаниями и входили в монополистические группы, являвшиеся по сути военно-промышленным комплексом. Но средней и мелкой буржуазии прибылей досталось меньше, в силу оторванности ее от политической власти. Поэтому ее представители, пользуясь неудачами правительства на войне, попытались вырвать у правительства больше власти. Для этого была использована Государст-

венная дума. В то же время возникает ряд общественных организаций (Всероссийский земский союз, Союз городов и др.), которые частным порядком брались решать проблемы вооружения армии и регулирования деятельности тыла, внося в громоздкую машину русского государства определенные коррективы, обладая большей гибкостью и мобильностью [27].

Для большей консолидации средней и мелкой буржуазии на почве богатых военных заказов были созданы военно-промышленные комитеты (ВПК). Они были организованы в конце мая 1915 г. на IX Всероссийском съезде представителей торговли и промышленности. При организации ВПК буржуазия имела цель не только мобилизовать мелкую и среднюю промышленность на нужды войны, но и взять в свои руки распределение военных заказов, влиять на рабочий класс и добиться политических уступок от правительства. Предлогом для подобного послужило "патриотическое желание спасти страну". Во время отступления русских войск из Галиции, выявившего неподготовленность армии и неспособность правительства справиться с быстрой перестройкой хозяйства на военный лад, буржуазия решила организовать снабжение войск и нажиться на поставках. 25-28 июля 1918 г. в обстановке военных неудач на фронтах и напряженности в тылу состоялся I съезд ВПК. Наряду с обсуждением организации управления снабжением армии, обеспечением промышленности топливом, металлом и рабочей силой, от правительства потребовали политических уступок (в том числе - создания правительства, пользующегося доверием Государственной думы). В.И. Ленин отмечал это стремление либеральной буржуазии "воспользоваться поражением и растущей революцией, чтобы добиться у испуганной монархии уступок и дележа власти с буржуазией" [28]. На I съезде избрали Центральный ВПК во главе с А.И. Гучковым (председа-

тель) и А.И. Коноваловым (заместитель), высказались за привлечение рабочих к участию в комитетах (это было нужно для осуществления "классового мира"). В состав руководства Центрального ВПК, областных и местных комитетов вошли представители промышленности, банков и технической интеллигенции (Н.А. Рябушинский, П.И. Терещенко, Третьяков и др.). Правительство 27 августа 1915 г. утвердило Положение и Наказ о порядке образования и деятельности военно-промышленных комитетов, которые должны организовывать заказы на военное снаряжение и контролировать их исполнение. Главная роль в руководстве Центральным ВПК принадлежала лидерам буржуазии Москвы (в отличие от Петроградских группировок, связанных с Особым совещанием).

К началу 1916 г. было создано 240 местных комитетов, объединенных в 33 областных. ВПК привлекли к обслуживанию армии около 1300 средних и мелких промышленных предприятий и создали до 120 собственных заводов и мастерских. Но политические и экономические планы, связанные с организацией комитетов, были выполнены не полностью. Лидеры буржуазии в состав правительства не вошли. В хозяйственной области комитеты не стали решающими центрами военной перестройки всей экономики страны. Объясняется это тем, что правительство уже имело свой разветвленный аппарат в виде Особых совещаний, которые и занимались военной перестройкой тыла и мобилизацией промышленности для нужд армии. На долю ВПК выпала роль посредника между государством и местной промышленностью, преимущественно средними и мелкими предприятиями, по распределению заказов и выдаче авансов. Разрешив их существование, правительство не обеспечило условий для их деятельности. ВПК не имели собственных средств и содержались за счет процентов от сумм военных заказов. Поэтому в погоне за прибылью они стре-

мились брать больше заказов без учета реальных возможностей их выполнения. В результате всего этого роль комитетов в снабжении армии была незначительной. Деятельность ВПК по закупке станков и металла для предприятий ограничивалась правительственными ассигнованиями. Распределение металла было совершенно изъято из ведения комитетов. Поставив задачу "всемерно расширять круг предприятий, работающих на оборону", Центральный ВПК заказал 4000 станков в стране и за границей. От ГАУ он получил заказ на 2,5 млн. снарядов. Но реально достижения были скромные.

Возникшие за короткий срок на всей территории России, ВПК охватили работой почти всю незадействованную прежде среднюю и мелкую промышленность, деревенских ремесленников и кустарей. Деятельность около 250 военно-промышленных комитетов была направлена прежде всего на распределение военных заказов, получаемых самостоятельно или чаще через Центральный ВПК от военного и других ведомств, от Земгорода или непосредственно от воинских частей [29]. В зависимости от региональной специфики комитеты брались за выполнение заказов и на артиллерийское, интендантское, военнотехническое, химико-фармацевтическое снабжения армии, и на вещевое довольствие, привлекая к несвойственной для них работе гражданские предприятия, собственными силами оборудуя мастерские, строя новые заводы и фабрики. Военно-промышленные комитеты привлекали к работе на оборону научно-технические силы страны. Технический прогресс в экономику часто шел через частную промышленность. Около одной трети членов ВПК составляли ученые, инженеры, техники. Известные профессора Н.Е.Жуковский, Н.Д. Зелинский, А.Е. Чичибабин и другие сотрудничали с ВПК [30]. Профессор Е.О. Патон, работая на нужды Киевского ВПК, разработал новую систему мос-

тов, которая на 30 % оказалась легче и дешевле известной системы Эйфеля. Практически все технические высшие и средние учебные заведения активно сотрудничали с комитетами. Военно-промышленные комитеты выдвинули идею проведения Всероссийского съезда по вопросам изобретений, Всероссийского совещания по использованию винокуренных заводов для целей обороны и для развития производительных сил страны. Члены военно-промышленных комитетов активно участвовали в работе высших государственных органов в России и за рубежом. Комитеты охотно шли на сотрудничество с союзниками, перенимая опыт мобилизации и налаживая связи для дальнейшей совместной деятельности.

Деятельность мобилизованной промышленности видна на примере Ярославля: на оборону к 7 июня 1916 г. работало более 18 ярославских предприятий, ранее занимавшихся сугубо гражданским производством. Свинцово-белильный и маслобойный заводы Вахрамеева делали "гранаты французского образца", мастерская при Ярославском техническом училище Пастухова делала "снаряды к бомбometу типа "Г.Р." и производили установку запасных "стаканов французского образца", шрапнельные стаканы делала кондитерская фабрика "Н.Т. Патеревский с сыновьями", машиностроительные заводы "Н.Я. Якобсон, Г.Л. Лифшиц и компания" делали токарные станки для снарядов, трансмиссионные части для снарядных заводов, снаряды для бомбометов, баки для водоснабжения и различные части для лесопильных, кожевенных, сапожных и других фабрик и заводов, работающих на оборону [31]. Фугасы делали даже в Коровницкой тюрьме. Помимо боеприпасов разные ярославские промышленные заведения изготавливали аммуницию. В том числе: валяли сапоги Валяльно-войлочные заводы Шаброва, Разводова, Байбородиных; валяные сапоги и войлочные попоны делала Валяльно-сапожная фабри-

ка И.С. Кашина; кожаные сапоги - Механическая фабрика обуви П. Д. Львина, равендук (непромокаемая ткань) и ткань для сумок и патронташей - на Равендуковой фабрике Н.Н. Полетаева, гранатные сумки, патронташи, вещевые мешки и другую амуницию - в Амуничной мастерской товарищества Романовской льняной мануфактуры; ящики для снарядов и телефонных повозок делали в Деревообделочной и столярной мастерской Корзина, Пятанова и Салова и т.д. Ярославский губернский военно-промышленный комитет при губернской земской управе принял заказы на общую сумму 7 млн. рублей, а ежемесячный расход равнялся приблизительно 400000 рублей. Всего по 1 декабря 1916 г. на приход комитета поступило 3857254 рубля 55 копеек, на тот же момент было израсходовано 2934810 рублей 64 копейки. Представители Ярославского комитета подписали договоры с Московским военно-промышленным комитетом на поставку 3 гранат французского образца, все дело по изготовлению этих гранат сосредоточилось на Ярославской большой мануфактуре [32].

Примером деятельности военно-промышленного комитета может служить история Курского ВПК. Образован он был 2 августа 1915 г. по инициативе курского биржевого комитета. На заседании членов-учредителей определили организационную структуру комитета: распорядительный орган - общее собрание членов, исполнительный орган - правление [33]. Определили цель - мобилизация местных производительных сил на нужды войны, или как было записано: "привлечение к военным целям ремесленных и кустарных сил губернии". Всего с 1915 г. - по начало 1917 г. заключили 32 договора о поставках в армию. Из них 18 заключены с производителями - кустарями и кооператорами (9 договоров) и скупщиками (9 договоров) о поставках предметов снаряжения (126500 предметов обозных принадлежностей) и обмундирования (6000 предметов).

Проводилась переориентация предприятий на производство военной продукции: 14 договоров заключили с 7 заводами (3 механическими и 4 сахарными). Они обязались поставить 31800 снарядов, мин, гранат и 6070 предметов снаряжения [34]. Ввиду отсутствия в губернии военного производства в договорах преобладали производимые кустарями предметы снаряжения (81,3 % предметов). Комитет пытался создать собственные предприятия. В июне 1916 г. ему передали Курский казенный винный склад вместе с частью оборудования для реорганизации в снарядный завод. Для производства бензола пытались использовать бездействующие винокуренные заводы, но безуспешно.

До февраля 1917 г. комитеты получили от казны заказы на сумму 400 млн. рублей; денежные авансы при этом достигали двух третей общей суммы заказа. С выполнением принятых заказов комитеты сильно запаздывали. На почве борьбы за заказы и, особенно, за использование иностранных кредитов для нужд промышленности между ВПК и правительством возникали постоянные разногласия, которые неоднократно обсуждались в Совете Министров и разрешались не в интересах комитетов. Центральный ВПК и его представители в Особых совещаниях всеми мерами противодействовали попыткам правительства снизить военные сверхприбыли, ввести монополию на топливо и элементы планирования военного хозяйства. После отставки военного министра генерала Поливанова в середине 1916 г. правительство резко сократило военные заказы комитетам, ставился даже вопрос о закрытии ВПК. (Это было связано как с плохим исполнением заказов, так и с растущими политическими претензиями комитетов; правительство, в котором усилился консерватизм, почувствовало конкурента.) Буржуазия воспользовалась ВПК как средством политической консолидации своих сил. В этом проявилась связь военных вопросов и политики, в силу которой все политиче-

ские силы пытаются влиять на вопросы войны и военного снабжения и всегда так или иначе связаны с ним.

По мере затягивания войны и роста военных неудач в обществе нарастала социальная напряженность. Это выразилось в росте рабочего движения: в 1915 г. бастовало 550 тыс. рабочих, в 1916 г. - уже 1 млн. Буржуазия стремилась подчинить своему влиянию рабочих путем вовлечения их представителей в ВПК. Предполагалось, что они будут агитировать среди работников военных предприятий за необходимость усилить производительность труда, будут проводить политику "гражданского мира". Правительство разрешило создать "рабочие группы" при ВПК. Развернулась избирательная компания в "рабочие группы" ВПК. Оппозиционные к правительству партии относились к выборам по-разному. Большевики стояли за бойкот, но использовали выборы для агитации против империалистической войны, эсеры и меньшевики стояли на оборонческих позициях. Выборы удалось провести в 70 комитетах из 239 областных и местных ВПК, рабочие представители были избраны только в 36. В "рабочую группу" Центрального ВПК было избрано 10 человек во главе с меньшевиками Гвоздевым и Абросимовым. Но рабочее движение в стране нарастало. Им хотела воспользоваться буржуазия для достижения своих политических целей. На фронты выезжали представители Думы и ВПК, вели зондаж командующих армий (об этом вспоминал генерал А.А. Брусилов) [35]. Правительство пыталось предотвратить назревавший переворот. Оно запретило съезд ВПК и 27 января 1917 г. арестовало "рабочую группу" Центрального ВПК. Гучков и Коновалов выступили перед председателем Совета Министров князем Голицыным с ходатайством за меньшевика Гвоздева, предлагая взять его "на поруки". Опираясь на ВПК, буржуазия добилась от правительства ряда важных уступок.

Военная промышленность работала в чрезвычайно сложных условиях. При постоянных перебоях в снабжении топливом, сырьем и квалифицированной рабочей силой она сумела произвести минимально необходимое количество оружия и боеприпасов. На складах к концу войны скопилось его достаточное количество (недаром его хватило всем воюющим сторонам в гражданскую войну). Командиры Красной Армии Тухачевский, Триандафилов и др. вспоминали, что в гражданскую войну они воевали "царским оружием". Но развал транспорта и кризис в снабжении вели к перебоям в деятельности военной промышленности. Из-за недостатка топлива и сырья вставали предприятия, например, в Петрограде стоял пороховой завод компании Виннера.

Трудности испытывали и крупные предприятия, как Путиловский завод. Из-за перебоев в снабжении некоторые предприятия прекращали военное производство, например, военно-морские предприятия. Не смотря на меры правительства, росло рабочее движение на производстве, в том числе и забастовки. Войска на фронте снабжались плохо из-за перебоев на транспорте. Военно-промышленные комитеты очень скоро вышли за рамки полномочий, определенных уставными документами, решая наряду с хозяйственными проблемами вопросы политической жизни страны. Комитеты заняли оппозиционную сторону в отношении к государственной власти, разделяя взгляды Прогрессивного блока [36]. На это правительство немедленно ответило сокращением заказов, рядом запрещающих инструкций и политическим надзором. В результате острого кризиса произошел государственный переворот в феврале 1917 г.

В февральском перевороте активную роль сыграли военно-промышленные комитеты. Поэтому после свержения самодержавия лидеры ВПК заняли важное положение

в государстве. А.И. Гучков стал военным министром, А.И. Коновалов - министром торговли и промышленности [37]. С февраля по октябрь 1917 г. ВПК получили от казны заказов на 200 млн. рублей. Но остановить кризис производства они не могли. Производство продолжало останавливаться, положение на транспорте не улучшилось, снабжение заводов оставалось плохим. В мае 1917 г. проходил III съезд ВПК. В его работе принимали участие меньшевики и эсеры. Съезд прошел под знаком требований наведения порядка и борьбы с нараставшим революционным кризисом. Не удивительно, что позднее руководители ВПК поддерживали идею сильной власти в стране во время мятежа генерала Л.Г. Корнилова. Но сделать они ничего серьезного не могли. Мелкие и средние предприятия не смогли освоить даже полученные кредиты. О результатах деятельности ВПК говорит тот факт, что из полученных за годы войны (к 1 января 1918 г.) 600 млн. рублей использовано было только 330 млн. Основную тяжесть военного производства несли на себе крупные промышленные предприятия. Поэтому после февральской революции Особые совещания продолжали действовать. Они оставались важными рычагами управления в руках государства. (Временное правительство сохраняло Особые совещания, кроме особого совещания по продовольствию, функции которого перешли к Общегосударственному продовольственному комитету.) Но остановить кризис государство уже не могло. Он затронул все общество и мог разрешиться только коренными переменами всех социально-экономических отношений. Российская военная промышленность в ходе Первой мировой войны сделала много для обеспечения армии вооружением и боеприпасами. За 1914-1918 гг. было произведено: 3,3 млн. винтовок, 28 тыс. пулеметов, 11,7 тыс. артиллерийских орудий, 3,5 тыс. самолетов, 67 млн. снарядов, 13,5 млрд. патронов, 20 тыс. автомобилей [38]. По показателям

военного производства Россия уступала передовым западным странам. Это стало следствием слабой материальной базы большинства предприятий, отставания металлургии, технической и финансовой зависимости от заграницы. Но промышленность внесла существенный вклад в оборону страны. Она стала базой новой экономики.

Примечания

1. Коваленко Д. А. Оборонная промышленность Советского Союза в 1918-1920 гг. – М., 1970. – С. 17.
2. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в 1914-1918 гг. Т. 1. – М., 1920. – С.55-56.
3. Коваленко Д.А. Указ. соч. – С. 19.
4. Маниковский А. А. Указ. соч. Т.1. – С. 119, 124, 152.
5. Там же. – С. 181-182.
6. Там же. – С. 287, 291, 292.
7. Айрапетян М.А., Кабанов П.Ф. Первая мировая империалистическая война 1914-1918 гг. – М., 1964. – С.51-52.
8. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. – М., 1988. – С. 510.
9. Там же. – С.520.
10. Там же. – С. 509-510.
11. Большая советская энциклопедия: 3-е изд. Т. 18. – М., 1974. – С.575.
12. Коваленко Д.А. Указ. соч. – С.27.
13. Маниковский А.А. Указ. соч. Т.1 – С. 129.
14. Там же. – С. 134.
15. Верховский А.И. На тревожном перевале. – М., 1959. – С. 436.
16. Советская военная энциклопедия. Т.8. – М., 1980. – С. 135.
17. Игнатьев А.А. Указ. соч. – С.510.
18. Касаров Г.Г. Производство снарядов на частных пред-

- приятнях российской провинции в годы Первой мировой войны // Экономический потенциал России. Ч.2 – Кострома, 1995. – С.10.
19. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. – М., 1973. – С. 112.
20. История организации уполномоченного ГАУ генерал-майора С.Н. Ванкова. 1915-1918. – С.151-173.
21. Касаров Г.Г. Указ. соч. – С. 11.
22. История организации уполномоченного ГАУ генерал-майора С.Н. Ванкова. 1915-1918. – С. 180-182.
23. Касаров Г.Г. Указ. соч. – С. 12.
24. Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). – М., 1958. – С.41; Сидоров А.Л. Указ. соч. – С. 109-121.
25. Маниковский А. А. Указ. соч. Т. 2. – С.271, 346.
26. ГАЯО - ф.73, оп.9, д.802, л.27; ф.906, оп.4, д. 1170, л.98.
27. Сергеева С.Л. Деятельность военно-промышленных комитетов в годы Первой мировой войны // Экономический потенциал России. Ч.2. – Кострома, 1995. – С.20.
28. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 21. – С.346-347.
29. Сергеева С.Л. Указ. соч. – С.21.
30. РГВАф.13251, оп.4, д. 1169, л. 6.
31. ГАЯО ф.906, оп.4, д. 1170, л.97.
32. ГАЯО ф.1138, оп.1, д.6, л. 1-3.
33. Захаров В.В. Курский военно-промышленный комитет // Экономический потенциал России. Ч.2. – Кострома, 1995. – С. 22.
34. Там же. – С. 23.
35. Семенов С. Брусилов. – М., 1980. – С. 136.
36. Сергеева С.Л. Указ. соч. – С. 20.
37. Советский энциклопедический словарь. – М., 1981. – С. 357, 627; Исторические силуэты. – М., 1991. – С. 95.

38. Большая советская энциклопедия: 2-е изд. Т.32 –М., 1955. – С. 348.

Л.В. Кабанова

Гражданская война в России: социальные аспекты общественно-политической истории

Гражданская война, вне всякого сомнения, была критическим периодом в истории советской власти. Общественно-политическая ситуация этого периода явилась результатом постоянного давления чрезвычайных обстоятельств, хотя идеология и программы политических партий, конечно, сыграли свою роль.

Демократическое развитие послереволюционной России, с опорой на коалицию с правыми силами против большевиков, вряд ли являлось возможным. Известно, насколько все, кто составит костяк белых армий, ненавидели тех, кто стоял за правительством Керенского. В случае прихода к власти белых правительств институты, подобные Учредительному собранию, не могли бы функционировать. Эсеры, меньшевики, а позднее также и либералов монархисты и националисты, особенно из числа офицерства, рассматривали как основных виновников прихода большевиков к власти. Вот почему не лишено оснований утверждение о том, что Учредительное собрание, в котором преобладали эсеры, было бы в любом случае разогнано.

Эсеры доказали свою полную неспособность эффективно обороняться. Они практически не сопротивлялись, когда матросы-большевики приказали им разойтись. Позднее, обосновавшись в Самаре, они опять не смогли собрать достаточные силы, способные защитить их. Они полностью зависели от Чехословацкого корпуса. Первоначально эсеры, создавая правительство Комуча в Самаре и Народную армию, рассчитывали, что полное доверие офицерст-

ву, выступившему против большевистской власти «возродит в них демократические симпатии. Оказалось, что среди офицерства слишком много людей, озлобленных на смерть, – по словам Чернова, – бесконечно искалеченных злобою ко всему, что пахнет демократией» [1]. В их собственных войсках командовали белые офицеры, которые только и ждали момента, чтобы убрать руководство эсеров. Это и случилось несколько позже в Сибири, где белые ликвидировали эсеровскую верхушку.

Реальность тех лет заключается в том, что сражались не демократия и авторитаризм, а два различных авторитарных политических лагеря, способных противопоставить друг другу мощные армии и в бою выяснить, кто сильнее. Как мы знаем, сторонники Учредительного собрания, не сумевшие на равных тягаться в этом споре, и были сметены с исторической сцены.

Большевики, придя к власти, сумели создать центральное правительство, а также наиболее важные гражданские учреждения и местные органы управления. В то же время они создавали военную машину, включая производство вооружений. Фактически заново рождалось государство. Динамизма большевиков явно не было у противоположной стороны. Ни на одной из крупных территорий, занятых белыми, (ни в Сибири, ни на Юге) не удалось создать жизнеспособную государственность, несмотря на заявления белых о том, что в этих вопросах у них гораздо больший опыт, чем у большевиков. О печальном положении дел в центральных и местных органах управления на занятых белыми территориях свидетельствуют многочисленные документы, в особенности мемуары белых офицеров, написанные во время и после событий. Белые правительства не смогли развернуть агитационную работу, подобную большевистской, и убедить население, в особенности крестьян, в том, что их власть сумеет решить про-

блемы, стоящие перед страной, с учетом их интересов.

Следует отметить, что большевики имели влияние в самом центре исторических московских земель, где они черпали основную свою поддержку. Исторический центр России, ресурсы нации и государства, сложившиеся в ходе истории в этом регионе послужили им во время гражданской войны и позднее, при восстановлении страны. Огромные окраины, где действовали белые, были также хорошо обеспечены сырьем, зерном и людскими ресурсами (казаки). Но это не давало белым желанных шансов окружить и взять Москву. Наоборот, окраины оказались слишком разобщенными, удаленными друг от друга и, вместо того чтобы стать плацдармом победы, превратились в трясину, поглотившую армию белых.

Не только большевики, но и представители противоположного лагеря, особенно П.Н. Милюков и генерал А.И. Деникин, искали в социальных факторах, таких, как классовый состав противоборствующих сторон и страны в целом, причины побед и поражений в гражданской войне. Негативная роль тосковавших по прошлому помещиков, действия буржуазии, их политика по отношению к крестьянству, позиция и действия рабочих – вот факторы, которые исследовал Милюков. Деникин, хотя и отрицал, что деятельности его лагеря был присущ классовый характер, тем не менее, признавал, что ему так и не удалось донести до населения суть своей классовой позиции, кстати, весьма неприглядной. Деникин также негодовал по поводу двуличия буржуазии, которая пожалела средств на спасение того дела, которое сама же провозгласила.

Необходимо учитывать, что оба лагеря гражданской войны представляли собой коалиции сил. У каждой стороны было вполне определенное, хотя и не абсолютно монолитное ядро, вокруг которого спланивались широкие слои населения, которые порой колебались, переходили с одной

стороны на другую, возвращались или создавали собственный лагерь. Зачастую военные и партизанские соединения с красными знаменами в руках и комиссарами в своих рядах поворачивали оружие против коммунистов, даже убивали их и переходили на сторону противника, либо сражались в одиночестве, либо какое-то время бездействовали. За эту колеблющуюся часть общества и шла борьба.

Красная Армия состояла преимущественно из рабочих, бедного крестьянства и разночинцев. На стороне белых в основном воевали представители бывших привилегированных классов, богатого крестьянства и особенно офицерства. Проблема заключалась в том, кто из них сможет выдвинуть и обосновать стратегию, которая обеспечит поддержку широких слоев городского населения и, что более важно, мелкого крестьянства. В этом важнейшем вопросе большевики одержали верх. Белые же, которые долго были сильнее в военном отношении, сразу же столкнулись с трудностями, как только прибегли к принудительной мобилизации крестьянства. По словам Ленина, для белых это было гибелью, ибо их основные силы оказались растворенными в огромной крестьянской массе [2].

Гражданская война настолько накаляла ситуацию в стране, что ядро каждой из сторон давало трещины в разные моменты, особенно в конце войны. Неразбериха, усталость, признаки раскола в конце концов сказались и на партии — инструменте большевиков, аналога которому белым создать не удалось. Но, к счастью для красных, это произошло уже после поражения белых армий.

Гражданская война принесла народу невероятные страдания, жестокость и разруху. Помня о голоде, разрухе транспорта, людских потерях, особо следует привлечь внимание к бедственному положению обеих русских столиц. Ни одну из них белым так и не удалось захватить, однако социально-экономическая ситуация в этих городах была

наиболее тяжелой. В 1917 г. в Москве и Петрограде население в общей сложности составляло 4 млн. В 1920 г. оставалось только 1 млн 674 тыс. жителей. Рабочий класс Петрограда сократился до минимума: сказались прежде всего миграции, мобилизации, фронтовые потери, 380 тыс. промышленных рабочих покинули производство, из них только 80 тыс. вернулись после окончания войны [3]. Это явление можно охарактеризовать как катастрофу.

Промышленный рабочий класс страны уменьшился наполовину и был сильно разбавлен или деклассирован в результате деятельности черного рынка, безработицы и бегства людей в провинцию. Города, промышленные предприятия стали паразитировать за счет деревни, так же как и армии всех участвовавших в войне сторон. Помимо этого, боевые действия, формирование и экипировка армий разъедали и разрушали экономику.

Выбор населения отражает соотношение численности вооруженных сил. В Красной армии к концу гражданской войны было около 5 млн. человек, а потери составляли 1 млн 200 тыс. человек. Колчак в разгар своей кампании сумел мобилизовать около полумиллиона человек. Деникин начал стремительное продвижение на север в середине 1919 г., имея под знаменами 300 тыс. штыков. По мере развития наступления он мобилизовал еще несколько сотен тысяч солдат, главным образом из крестьян. Похоже, что основной причиной его неудач были как раз эти новобранцы [4]. Оценки общих потерь от войны, эпидемий и голода различны. В советских источниках встречается цифра 8 млн человек, включая неродившихся детей [5]. Однако число погибших в результате разгоревшегося по обе линии фронта террора трудно подсчитать.

Весьма достоверно отражает настроения крестьянства история дезертирства в отношении как красных, так и

белых. Цифры, называемые в отношении только красных, ошеломляют. Некоторые исследователи говорят о миллионе дезертировавших, поэтому никакие данные о размерах армий нельзя считать надежными. Многие записывались в армию, попадали в части, а затем потихоньку растекались. Другие вообще не являлись на призывные пункты, оставались у себя в деревнях или уходили в леса. На каких-то этапах они иногда возвращались, порой даже в массовом порядке, что являлось весьма важным для исхода войны [6]. Аналогичная ситуация существовала в противоположном лагере.

Цифры, показывающие число дезертиров, которые начали возвращаться в Красную Армию в середине 1919 г. и позднее, важны: они помогают понять причины быстрого разгрома белых осенью того же года и одновременно показывают преимущественно крестьянский состав Красной Армии. Когда красные набирали в армию только добровольцев, большинство солдат были из рабочих. После того как была введена всеобщая воинская повинность, Красная Армия на 80% стала крестьянской. Ее младший командный состав был в этот период на 60% из крестьян, но в среднем и старшем командном звене их было намного меньше [7]. Немалую роль в усилении Красной армии сыграла открытость власти, налаженный диалог с низами с помощью форм подобных беспартийным конференциям. Такого диалога с массами на территории белых правительств не было.

Отдельный вопрос гражданской войны – террор по обе линии фронта. Террор не был монополией красных. На Западе не так широко известно, что белые армии имели все виды разведывательных и контрразведывательных подразделений, особые отряды по борьбе с диверсиями и карательные отряды. Все они прибегали к индивидуальному и массовому террору против населения, выискивая коммунистов и членов Советов, участвуя в казнях и массовых экзе-

куциях целых деревень. Все это подробно описывается, иногда со злорадством, иногда с отвращением в мемуарах белых. Хаос и произвол давали значительный простор разрушительным проявлениям человеческой психики.

Говоря о потерях, которые понесла страна, нужно отметить, что политической структуры дореволюционной России больше не существовало. В условиях гражданской войны сохранилась только партия большевиков и остатки других партий, которые либо присоединились к большевикам, либо были наняты ими в качестве «буржуазных специалистов». Налицо была и потеря другой группы оппонентов большевистской власти: владельцев промышленности и капитанов индустрии, активных носителей предпринимательского таланта страны. Подобные потери потребовали значительных затрат времени и усилий на их воссоздание.

Проявления общественного упадка ударили по всем классам, группам и объединениям различным образом и в разной степени. Неурожай и голод 1920 и 1921 годов и волнения крестьян и рабочих, потерявших терпение, стали серьезным испытанием для новой власти. Даже в высших эшелонах руководства шла борьба группировок и началось личное противостояние. Интриги не прекращались вокруг мощной и в то же время традиционно уязвимой фигуры Л.Д. Троцкого. Его политическое влияние определялось не только его талантом, но, что особенно важно, поддержкой Ленина. Сотрудничество и взаимное доверие между этими двумя руководителями были важным источником силы красных в первые годы советской власти. Такого единства ключевых фигур в стане белых армий достичь не удалось. Судя по некоторым воспоминаниям, кризис отношений Ленина и Троцкого наступил в начале июля 1919 г. Однако в 1922 г. вновь появились признаки нового сближения двух лидеров. Но война, безусловно, подорвала здоровье Лени-

на, что вскоре ограничило его возможности повседневного руководства страной. Троцкий, вышедший из войны в лучах славы, в ходе интриг оказался изолированным от руководства партией. В партии победителей и в ее руководстве в конце гражданской войны не все было благополучно.

Проблема создания Красной Армии была связана с использованием бывших царских офицеров. Неприязнь к привилегированным экспертам из буржуазии, выражавшаяся в травле специалистов, была широко распространена не только среди рядовых коммунистов, но и среди активистов среднего и высшего уровня партийного и государственного руководства. Достаточно вспомнить конфликты времен гражданской войны, когда против использования «спецов» (особенно на высоких должностях) выступила «военная оппозиция», имевшая своих инициаторов даже в ЦК РКП (б). К концу гражданской войны обстановка стала спокойнее, но тем не менее она оставалась довольно сложной. Ситуация стала меняться, когда во времена нэпа многие старые специалисты приняли новый режим и даже находили оправдание того, что продолжают работать на него. Взаимоотношения между партией и бывшими царскими специалистами были сложными. Однако тот факт, что многие специалисты помогали строить советскую систему, не был лишь результатом принуждения.

Во время гражданской войны противники Советов не имели подобного большевистской партии универсального института. Она сыграла решающую роль в создании центральных и местных органов управления, в формировании и обучении армии. Из числа членов партии вышли командиры Красной армии. После завоевания власть стала в высшей степени централизованной, подчиненной самой строгой дисциплине, практически военной структурой. Кадры находились в состоянии мобилизации и расставлялись в соответствии с необходимостью, которую определял

Центральный Комитет партии и подведомственные ему структуры. Выборы секретарей местных партийных организаций стали редкостью и были заменены назначением сверху. Центр стал всемогущим, хотя о таком развитии событий впоследствии часто сожалели как о неизбежном зле в условиях войны. В общем-то обстановка на самом деле требовала этого. Вместе с тем существовали различные фракции, и внутрипартийные дискуссии продолжали иметь место, а общероссийские конференции и съезды созывались регулярно.

Авторитет Ленина, как руководителя партии и страны, был огромен, но вместе с тем, во время гражданской войны каких-либо признаков «религиозного» поклонения Ленину в партийных организациях не существовало. Критика линии партии и лично Ленина часто принимала острый характер. Едва ли хоть один лидер или активист любого уровня в то или иное время не участвовал в полемике по поводу проводимой Лениным политики или даже не выступал против нее.

Одним из факторов, способствовавшим переменам партии, явились непостоянство ее численного состава и меняющийся социальный состав, характерные для тех лет. В период с октября 1917 г. по лето 1918 г. в партии состояло около 350 тыс. членов. Эта цифра впоследствии снизилась до 150 тыс., а затем вновь начала расти, достигнув к весне 1921 г. 600 тыс. [8]. К концу гражданской войны многие желавшие вступить в партию считали, что новая власть пришла надолго. Рост партийных рядов отражал тот факт, что какой-либо альтернативы новой власти больше не было и не предвиделось, несмотря на невероятное количество различных волнений, порожденных политикой «военного коммунизма». Моральные качества вступавших в ряды коммунистов беспокоили партийное руководство,

понимавшее необходимость эффективного управления государством. Обстановка усугублялась тем, что в правящую партию устремилось большое число карьеристов и жуликов, надеявшихся воспользоваться официальным положением РКП(б) в жизни общества и государства.

Партийная статистика свидетельствовала к весне 1921 г. о том, что около 90 % членов вступили в партию в период гражданской войны. Дореволюционные кадры, даже те, кто вступил в партию в 1917 г., потонули в огромной массе вновь принятых, многие из которых были активными участниками боевых действий и вполне естественно являлись продуктом военной, если не милитаристской политической культуры. Новые пополнения привнесли в партию этот дух, и он присутствовал в тех или иных формах в течение десятилетий [9].

Важным фактором русской истории всегда являлось крестьянство. Каждый раз, когда в условиях гражданской войны крестьяне колебались, соответственно менялись линии фронтов [10]. Поддержка крестьянства была не чем иным, как расчетом, жестко увязанным с владением земель. Этот аспект революции - перераспределение частного землевладения - был исключительно важным для широких слоев крестьянства. Белые были слепы в этом решающем вопросе и поплатились. После того как белые были побеждены, крестьяне решили действовать против большевиков, чтобы отплатить им, в свою очередь, за их несправедливости и ошибки.

От нэпа страну отделяло всего лишь несколько месяцев, когда деревня взорвалась обширной серией восстаний и партизанских выступлений [11]. Деревня после гражданской войны превратилась в жесткую систему, которая трудно поддавалась изменениям, особенно до тех пор, пока город оправлялся от своих собственных бед. Возврат сельского населения к патриархальщине происходил одновре-

менно с разрушением и ослаблением весьма уязвимых (по меркам тех лет) ячеек общества. Поэтому более обобщенно можно говорить об упрощении всей социальной системы. Главное наследие гражданской войны заключалось в следующем: когда новая власть наконец-то получила возможность повести страну к провозглашенным ею целям, отправная точка оказалась гораздо дальше от этих целей, чем в 1917 г., не говоря уже о 1914 г. [12].

По мере того как крестьянство все больше доминировало, а город ослабевал, стала проявляться и другая сторона наследия гражданской войны. Демократические институты революции (профсоюзы, рабочие комитеты, Советы), которые первоначально играли важную роль, оказались ослабленными, атрофированными или вовсе исчезли. Бюрократические же и принудительные черты государственной власти, наоборот, укрепились и в конечном счете стали господствующими. Традиции самой партии претерпели ту же метаморфозу. Хотя курс на милитаризацию, проводившийся в период гражданской войны, был уже не нужен, руководство партии, тем не менее, энергично делало ставку на превращение РКП(б) в административную машину, подчиненную приказам сверху. Особое место отводилось деятельности аппарата, призванного проводить официальную политику, оставляя при этом как можно меньше места для обсуждения принятых решений.

Ситуация в стране характеризовалась взаимодействием двух процессов, вызванных к жизни Гражданской войной (возврат к патриархальщине и глубокое огосударствление). Напряжение и расслоение, вызванные бедствиями гражданской войны, привели к тому, что почти естественным стало выглядеть широкое применение административных и насильственных методов. Тот факт, что в государственных учреждениях работали многие участники ре-

волюции, имевшие чаще всего простое происхождение, позволял прикрывать эту углублявшуюся тенденцию к широкому авторитаризму. В результате революционные массы постепенно отстранялись от полноценного участия в общественной жизни в качестве полноправных партнеров. Одновременно бюрократы и комиссары нового, все еще находившегося в зачаточном состоянии, государства становились основой системы. Кроме того, административные меры, задуманные, главным образом, как средство против буржуазии (трудовая повинность и принудительный труд), вскоре стали применяться к другим группам и, наконец, к людям, являвшимся основной опорой советской власти.

Милитаризация страны была всепоглощающей, и это негативно сказывалось на социальной поддержке со стороны властей даже промышленных рабочих. Обстановка, сложившаяся на более поздних этапах гражданской войны, вселяла особенно глубокую тревогу в общество и тем самым требовала от властей постоянной бдительности. В том же направлении работали постоянные изъятия «государственных пошлин», бесцеремонное тасование кадров, также проводившееся по инициативе центра.

В целом Гражданская война нанесла сокрушительный удар по свободолобивым замыслам творцов революции 1917 г. По существу, изменилось направление исторического развития страны, произошел сдвиг общества назад. Война породила такие параметры общественной системы и политического климата, которые сильно сужали возможности выбора путей дальнейшего развития России. Получалось так, что некоторые из наиболее страшных перспектив являли собой скорее неизбежный выход, чем альтернативу. В результате уничтожения многих культурных, политических и экономических завоеваний прошлого страна и новое государство оказались более открытыми для возрождения некоторых наиболее архаичных черт русской

исторической и политической жизни, чем для развития передовых и прогрессивных традиций.

Еще одним предвестником будущих столкновений и кризисов становилось то обстоятельство, что крестьянство и государство, хотя находились под воздействием одних и тех же обстоятельств, развивались, тем не менее, в разных направлениях. Они жили как бы на различных этажах исторического здания. Менталитет сельских масс, сформировавшийся в условиях коммун, в относительно изолированных и по большей части небольших сельских поселениях, был глубоко патриархальным, а их культура, естественно, была весьма ограниченной. Государство же было авторитарным, по признанию самих большевиков, оно было диктатурой, имевшей широкие перспективы и горизонты. Столь сложное переплетение обстоятельств внесло свою лепту в смешение позиций и взглядов как всего населения, так и людей, вступавших в правящую партию широким потоком. Соответственно комплектовался и партийно-государственный аппарат, во многом состоявший из таких разнородных элементов. Авторитаризм, разумеется, в этих условиях был неизбежен. Вопрос лишь в том, какого типа он должен был быть. С этим был связан и вопрос о том, какой социализм должен был быть создан и мог ли он быть создан.

В этом контексте уместно отметить, что многие руководители правящей партии, работавшие как в центре, так и на местах, искренне верили в возможность построения социализма и даже коммунизма немедленно, несмотря ни на что. Широко известные предупреждения о необходимости переходного периода, особенно в такой отсталой стране, сбрасывались со счетов. Уже тогда, да и позднее, некоторые понимали, что без создания необходимых предпосылок нельзя «сразу строить коммунизм», не прибегая к массовому принуждению. Фактически такое принуждение

являлось обратной стороной «военного коммунизма» — крайним эгалитаризмом, неприятием рынка, верой во все-силие плановой экономики. Споткнулся на вопросе о «военном коммунизме» Троцкий, отождествив милитаризм с социализмом. Судя по всему, большинство членов правящей партии одобряли политические методы времен гражданской войны и считали, что именно эти методы вели страну к конечной цели.

Несмотря на всю непопулярность во времена нэпа словосочетаний типа «методы военного коммунизма» или «дух военного коммунизма», одно из главных направлений прежнего политического курса оказалось весьма живучим. Речь идет об отождествлении государства и социализма. На практике это сопровождалось чрезмерной централизацией власти и подавлением самостоятельной инициативы масс, без чего невозможно здоровое развитие любого современного общества. Бесперывно возникали учреждения, призванные обеспечить государственный контроль. Множилась не только численность контролеров, но и тех, кто, в свою очередь, был обязан проверить их работу. Иначе говоря, практика всеобщего огосударствления времен военного коммунизма пустила глубокие корни.

Как ни велики и масштабны были трудности, большевики вышли из гражданской войны победителями. В ходе наисложнейшей борьбы правящая партия накопила огромный опыт организации масс, управления страной, формирования нового типа государства. Можно отметить, что несмотря на противоречивые и яростные споры об оценке исторической деятельности большевиков в начале XX века, можно согласиться с точкой зрения западного исследователя: «Большевики выиграли контроль над русским сердцем — обширный фундамент, с которым они никогда не расстались» [13]. Однако, например, Ш. Фицпатрик объясняет многие процессы 1920-х годов особым характером

партии, сложившимся как ассоциация ветеранов гражданской войны [14]. Война оставила в наследство и целый узел проблем, который предстояло разрубить. Трагические события начала XX века должны стать уроком для правильного выбора пути развития страны.

Примечания

1. Чернов В.М. Пред бурей: Воспоминания. Мемуары / В.М. Чернов – Мн.: Харвест, 2004. – 416 с. – С. 378-379.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. – С. 284.
3. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны. Территория и население. – М., 1986.
4. Дробижев В.З. и др. Изменения социальной структуры советского общества. 1917-1920. – М., 1976. – С. 333.
5. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны. Территория и население. – М., 1986. – С. 127-128.
6. Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне. – М., 1968. – С. 347.
7. Левин М. Социальные аспекты гражданской войны в России // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: в 2 т. Т.1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира / под общ ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Российский гос. гум. ун-т, 1997. – С. 37.
8. Струмилин С.Г. Рабочий класс в Октябрьской революции и на за щите ее завоеваний. – М., 1984. – С. 348.
9. Гражданская война в России: перекресток мнений. - М.: Наука, 1994. – 377 с.
10. Ш. Фитцпатрик Гражданская война в советской истории: западная историография и интерпретации. – С. 344-364.
11. Крицман Л. Героический период русской революции. – М., 1925. – С. 226.

12. Книпович В. О земле – М., 1921.
13. Одиннадцатый Всероссийский съезд Советов: Стенографический отчет.- М., 1924. – С. 17-19.
14. Тан-Богораз. Революция в деревне. – М.; Л., 1924. – С. 7.
15. Mawdsley evan The Russian civil war – London; Sydney; Wellington, 1987. – 351 p. – С. 15.
16. Гражданская война в России: перекресток мнений. – М.: Наука, 1994. – 377 с.
17. Фитцпатрик Ш. Гражданская война в советской истории: западная историография и интерпретации. – С. 344-364. – С. 354.

М.В. Новиков

**Война в Испании (1936–1939 гг.) и политика СССР
в исследованиях отечественных
и зарубежных историков**

17 июля 1936 года испанские правые под руководством консервативного генералитета подняли мятеж против легитимного демократического правительства Испанской Республики, сформированного после победы на выборах 16 февраля 1936 года широкой коалиции левых и центристских партий и движений, объединенных в предвыборный блок под именем Народного фронта. Произошедшее удивительным образом напоминало события 19-летней давности в России: февральская революция 1917 года и приход к власти российских демократов, попытка правоконсервативного военного мятежа под руководством генерала Корнилова в августе и, правда, совершенно другой финал. Мятеж в Испании возник как чисто внутренний конфликт между двумя оформившимися в ходе противостояния группировками - правоконсервативной и демократической, которые, в свою очередь, были крайне неодно-

родны и составлявшие их политические партии, движения, социальные группы, исходя из своих программных установок, решали порой задачи, которые вступали в противоречие с деятельностью их партнеров по блоку.

Правоконсервативная группировка, во главе которой благодаря стечению обстоятельств оказался генерал Франко, проявивший себя в ходе конфликта как посредственный военный руководитель, но в то же время как дальновидный политик [1], смогла преодолеть раздражавшие ее противоречия и выиграть с помощью Гитлера и Муссолини войну. Демократическим силам Испании не удалось решить эту проблему и именно это обстоятельство стало главной причиной поражения Испанской республики.

В ходе начавшегося военного конфликта выявилось примерное равенство противостоящих сил, что стало одной из причин его быстрой интернационализации. Другой – явилось состояние военной промышленности Испании в мирное время, находившейся в состоянии глубочайшего технологического кризиса и способной с трудом обеспечить устаревшим оружием 100-тысячную армию [2].

В течение первой недели противостояния противоборствующие стороны обратились за военной поддержкой к европейским державам: правительство республики к правительству Франции с просьбой продать оружие за твердую валюту, мятежники – к руководству Германии и Италии – с отсрочкой платежей. Следует считать доказанным факт неучастия государственных структур Германии и Италии в подготовке мятежа, спонтанный характер принятия Гитлером и Муссолини решения об оказании мятежникам первоначальной ограниченной военной помощи, а также то обстоятельство, что импульсивный Гитлер принял это решение оперативнее, чем Муссолини [3]. В современной исторической литературе нет принципиальных разногласий относительно причин принятия руководством Анг-

лии и Франции политики невмешательства в испанский конфликт — политики неоказания помощи легитимному демократическому правительству Испанской республики [4]. Англо-французские политические деятели считали правительство Испании слишком левым и, помня о событиях в России 19-летней давности, всерьез опасались перерастания демократических преобразований в Испании в большевистскую фазу, что было для них неприемлемо.

Что касается политики СССР в отношении испанского конфликта, то в силу очевидных причин (недоступность архива Сталина, практическое отсутствие мемуаров советских государственных политических деятелей того периода), несмотря на большое количество отечественных и зарубежных публикаций по этому вопросу, многие аспекты, а особенно мотивация действий советского руководства, остается в вероятностной сфере.

Отечественные историки, и советские и современные российские были лишены возможности внести серьезный вклад в изучение истории гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. по объективным причинам — в советский период по идеологическим, затем по материальным. Тем не менее, попытки осмысления ими этого феноменального события мировой истории предпринимались начиная с 1936 г. [5] и не прекращаются до сих пор [6]. Созданная в СССР концепция событий в Испании отличалась во многих существенных вопросах от того, что было написано профессиональными зарубежными историками демократической ориентации и прямо противоположна консервативным оценкам. Так, признанное во всем мире название «Гражданская война в Испании» в СССР было заменено на название «Национально-революционная война испанского народа», что явилось отражением отрицания сущности войны в Испании как войны граждан одного государства друг против друга. Преувеличивая значение итало-

германской помощи франкистам, советская историография безуспешно пыталась представить события в Испании как войну революционного испанского народа против объединенных сил мирового фашизма, стремившегося, якобы, к превращению Испании в зависимую от Гитлера и Муссолини страну с потерей ею национального суверенитета.

Британский историк Дженет Хартли верно подметила основные особенности советской историографии гражданской войны в Испании - своеобразная интерпретация проблем, тенденция к изучению частных вопросов, слабое исследование первичных источников [7]. Действительно, советские историки долгое время следовали одной - официальной концепции гражданской войны, основные положения которой были сформулированы руководителями Коминтерна и КПИ еще в 1936-1939 годах. Многие ее положения можно принять и в наши дни, однако, из того периода в нашу историческую науку перекочевало много мифов. Так, Г. Димитров в статье «Ко второй годовщине героической борьбы испанского народа» пытался доказать, что мятеж в Испании стал следствием международного фашистского заговора [8], чего в действительности не было. Далее, он утверждал, что на стороне республики после мятежа осталось всего несколько тысяч солдат [9]. На самом деле почти половина армии осталась верна правительству Народного фронта. Авторами других мифов стали генеральный секретарь ЦК КПИ Х. Диас, член Исполкома Коминтерна П. Тольятти и др. Их нельзя в этом винить: их статьи, выступления были частью той смертельной борьбы, в которой они участвовали и где были допустимы любые идеологические выпады. Присущая нашей системе вера в непогрешимость вождей и в истинность их высказываний упрощала задачу советским историкам, заставляя подгонять под готовые выводы исторические факты.

Справедливо и утверждение Дж. Хартли, что советские историки предпочитали исследовать частные проблемы. В 70-е - 80-е годы по истории гражданской войны была издана только одна обобщающая концептуальная работа - монография М.Т. Мещерякова «Испанская республика и Коминтерн». Что касается использования источников, то здесь критика Дж. Хартли воспринимается не как вина, а как беда советских историков. Действительно, даже лучшие работы советских историков основаны на опубликованных документах и на исследовательских работах советских и зарубежных авторов. Вряд ли могло быть по-другому, когда советские архивы были закрыты, а зарубежные мало доступны сначала по идеологическим, а потом и по материальным причинам.

Постепенный пересмотр советских стереотипов был предпринят еще в 80-х годах моими учителями-наставниками С.П. Пожарской и М.Т. Мещеряковым [10]. Несомненно это было связано со все возрастающим влиянием зарубежной историографии, с которой они были хорошо знакомы, в том числе и через личные контакты с зарубежными историками. Трансформации последующего десятилетия позволили подготовить и защитить уже в современной России две докторские и ряд кандидатских диссертаций по истории гражданской войны в Испании и, прежде всего, по ее различным международным аспектам [11]. В ходе их подготовки были опубликованы монографии и статьи, прочитаны десятки докладов [12].

В нашей докторской диссертации и одноименной монографии «СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936-1939 гг.» была предпринята попытка концептуального переосмысления политики СССР и Коминтерна в связи с гражданской войной. Подобное стало возможным в результате изучения десятков монографий и сотен статей ведущих зарубежных специалистов, представ-

лявших различные политические течения и научные школы. Материалы российских архивов, открытых в начале 90-х годов, позволили уточнить, подтвердить или опровергнуть те концептуальные положения, которые обсуждались за рубежом на протяжении предыдущих десятилетий [13].

В частности, навсегда ушел в историю миф о советской военной помощи Испанской республике как проявлении бескорыстного пролетарского интернационализма, ибо это была, прежде всего, выгодная для СССР коммерческая сделка руководства Советского Союза и Испанской республики, которая преследовала достижение Советским Союзом вполне определенных внешнеполитических целей. Там же было предложено отказаться от мифа о международном фашистском заговоре как причине мятежа испанских правых сил и показан «импровизированный» характер вмешательства Гитлера и Муссолини в испанские события. Были внесены коррективы в терминологию, в частности, вместо «национально-революционная война испанского народа» - «гражданская война в Испании», вместо «испанские фашисты» - «франкисты» и т. д.

Важные уточнения концептуального характера международных аспектов гражданской войны в Испании содержатся в докторской диссертации, в опубликованных работах профессора Белгородского государственного университета В.В. Малай. Так, автор справедливо отмечает, что общая установка британских правящих кругов в предвоенный период исключить «СССР из предполагаемого альянса при оформлении противостоящих блоков накануне новой войны» [14] имела самые серьезные последствия для хода и исхода гражданской войны в Испании. Еще «на стадии подготовки соглашения о невмешательстве британская дипломатия приложила максимум усилий для недопущения к его подписанию крупнейшей европейской державы» - Советского Союза [15]. И хотя на этом этапе Британии не

удалось добиться политической изоляции СССР в Испанском вопросе, она достигла желаемого к ноябрю 1937 г., используя, в том числе, и ошибки советской стороны [16].

Как верно подчеркивает В.В. Малай, советской дипломатии «не всегда доставало гибкости и тактического мастерства, чтобы использовать в сложной международной обстановке кануна Второй мировой войны слабости в позициях западных стран наряду с разногласиями между ними. Сталинское руководство не видело, с точки зрения интересов СССР, принципиальной разницы между тоталитарной фашистской диктатурой и буржуазной демократией и не проводило больших отличий между ними. Совокупность этих факторов не могла не вызывать ответной реакции западных держав, в том числе, и Великобритании» [17].

Большая и полезная работа проделана военным историком Ю.Е. Рыбалкиным. В кандидатской диссертации, статьях и монографии автор внес серьезные уточнения в проблему оказания Советским Союзом военной помощи Испанской республике. Е.Ю. Рыбалкин был одним из первых, кому довелось прикоснуться к архивным документам военного ведомства, хранящимся в Российском государственном военном архиве и Центральном архиве Министерства обороны, и ввести их в научный оборот. В то же время, в монографии, изданной в 2000 году, было странно видеть не относящиеся напрямую к теме исследования, заимствованные автором из явно устаревшей литературы заявления о том, что советское руководство, твердо стоявшее «на стороне всех пролетарских, демократических и национально-освободительных революций», якобы, не минуты не колебалось, какую позицию занять в связи с мятежом в Испании. «Проблема, - пишет автор, - состояла в том, чтобы определить, каким образом и в каких масштабах могла быть оказана помощь» [18]. Не менее странным выглядит также тезис о том, что «Фашистская партия «Испанская

фаланга», реакционная военщина страны готовилась к путчу генеральными штабами Германии и Италии. Более того, можно с уверенностью утверждать, что именно военная разведка Германии обусловила его возникновение и, в конечном итоге, во многом предрешила исход борьбы испанского народа за свободу и демократию» [19].

Оригинальная и местами не бесспорная трактовка причин вмешательства СССР в испанский конфликт представлена в кандидатской диссертации А.В. Постернака и сформировалась она в результате серьезного знакомства с французской историографией гражданской войны в Испании. По мнению автора, заявление временного представителя СССР в Комитете по невмешательству С. Кагана в октябре 1936 г. означало поворот в советской политике относительно Испании: если другие государства безнаказанно пренебрегают договором, то военные поставки законному правительству тем более не будут его нарушением. Французские дипломаты расценили этот демарш как окончательную победу левого крыла ВКПб: Сталин под давлением троцкистов – сторонников мировой революции – перешел к поддержке республиканцев с возможной целью превратить Пиренейский полуостров в плацдарм «красных сил» на краю Европы.

Фактически же, - подчеркивает А.В. Постернак, - эволюция позиции СССР была связана скорее с изменением политической конъюнктуры, чем с давлением внутренней оппозиции, мнение которой в условиях «чисток» 1936-1937 г.г. вряд ли могло учитываться. В середине сентября республиканское и советское правительства пришли к соглашению относительно депортации золотого запаса республики в Москву. Операция по его перевозке была завершена к февралю 1937 г., поэтому все поставки СССР в Испанию были оплачены. Помощь начала сокращаться лишь после истощения золотого фонда республики – к лету 1938

г. В конечном счете Советский Союз получал прямую материальную выгоду, а помощь Мадриду стал преподносить как поддержку законного правительства. По мнению А.В. Постернака, деятельность СССР в Комитете по невмешательству была связана не столько с жестким отстаиванием прореспубликанских позиций, сколько с поддержанием собственного международного престижа. Эта задача представлялась довольно трудной: Советскому Союзу было необходимо сохранить имидж лидера международного коммунизма и одновременно укрепить союз с западными демократиями, в первую очередь, с французской. Поэтому представитель СССР выдвигал заведомо невыполнимые требования (контроль советскими судами стратегически важных участков Пиренейского полуострова, вывод марокканских частей в качестве добровольческих), отказ от которых затем рассматривал как уступки западным державам. Другой формой поддержания авторитета СССР среди сторонников республики были регулярные обещания представителя СССР И. Майского в комитете по невмешательству покинуть Комитет в случае продолжения фикции невмешательства или отказ от участия в его решениях при сохранении членства, что само по себе выглядело довольно двусмысленно. Однако по кардинальным вопросам, связанным с признанием прав воюющих сторон или выводом волонтеров, Советский Союз молчаливо солидаризировался с Великобританией и Францией, хотя повсеместно объявлял, что это вынужденные уступки.

СССР, - пишет А.В. Постернак, - не пытался превратить Испанию в коммунистическую республику, так как не прилагал для этого необходимого максимума усилий. Копирование советского репрессивного аппарата в республиканской зоне и деятельность политических агентов по силе воздействия были недостаточны для организации «красного государства», поскольку основными рычагами воздейст-

вия на республиканцев оставались материальные поставки и коммунистическое движение, координируемое Коминтерном. Испания, - подчеркивает автор, - рассматривалась Сталиным как ставка в международной политике Советского Союза [20].

В исследовании М.С. Ореховой выявлены новые моменты, связанные с принятием Советским Союзом политики невмешательства в испанский конфликт, в частности автор отмечает, что в мотивах присоединения Германии и СССР к Соглашению о невмешательстве прослеживается немало общего, что они стремились локализовать конфликт, предотвратить угрозу его перерастания в общеевропейский. М.С. Орехова объясняет это обстоятельство тем, что Германия, как и СССР, еще не была готова к большой войне, что Советский Союз стремился избежать открытого вовлечения в международные конфликты, а германская и советская дипломатия опасались перспективы решения европейских проблем без учета их позиций. Кроме того, М.С. Орехова верно подметила общие моменты в тактике советской и немецкой дипломатии в Комитете по невмешательству: отвлечение (дипломатическим и пропагандистскими методами) внимания членов этой организации от собственной политики в Испании, голословное отрицание фактов своего участия в испанском конфликте, взаимное обвинение в грубых нарушениях Соглашения [21].

Современные зарубежные историки так же уделяют серьезное внимание выяснению причин и механизмов вмешательства СССР в испанские события. Опираясь на известные опубликованные документы внешней политики Великобритании, Италии, СССР и Франции, на воспоминания некоторых действующих лиц, профессор университета г. Торонто Д. Смит выстраивает концепцию, согласно которой Советский Союз оказал помощь Испанской республике исходя исключительно из своих внешнеполитиче-

ских интересов. Приведенная автором аргументация заслуживает внимания, поскольку исходит от людей, стоявших достаточно близко к пирамиде политической власти СССР, на вершине которой принимались решения принципиального характера [22].

Далее Д. Смит приводит свидетельства, согласно которым поверенный в делах Италии в Москве В. Берардис отмечал 13 августа 1936 г., что главной целью советской внешней политики в тот период было сохранение мира [23]. Представитель Испанской республики в Москве Паскуа информировал свое правительство в январе 1937 г. о том, что советские лидеры осознают необходимость нескольких лет мира, которые бы позволили реализовать планы социально-экономического развития страны [24]. Построение и сохранение социализма в СССР, по мнению советского руководства, является главной задачей не только российского рабочего класса, но и всего мирового пролетариата, поэтому мировое коммунистическое движение должно обеспечить устойчивое международное положение СССР, свободное от конфликтов и иностранного вмешательства. По словам Паскуа, «вся политическая деятельность советских лидеров подчинена этой главной колоссальной задаче» и война в Испании рассматривается ими исходя из сложившихся приоритетов социалистической модернизации страны. Паскуа пришел к выводу, что испанская проблема занимала весьма незначительное место во внешнеполитических планах советского руководства [25].

Объясняя причины вмешательства СССР в испанскую войну, Д. Смит приводит выдержку из записи беседы посла СССР в Великобритании И. Майского с министром иностранных дел А. Иденом от 3 ноября 1936 года, в ходе которой советский посол подчеркнул, что победа Франко придаст уверенности Германии и Италии и приблизит день

их следующей агрессии - «возможно в центральной или восточной Европе». Россия стремится этого не допустить, вот почему она оказывает помощь Испанской республике, Майский также добавил, что учитывая явную враждебность Германии по отношению к СССР, советское руководство стремится не допустить успеха Гитлера в Испании, который мог бы подтолкнуть его к агрессивным действиям против СССР [26]. Затем, ссылаясь на исследования известных специалистов, Д. Смит пишет, что в противовес блоку агрессивных государств (Германия, Италия, Япония) советское руководство стремилось создать союз антифашистских партий и стран, и главным достижением здесь было подписание советско-французского договора о взаимной помощи от 2 мая 1935 года. По утверждению Д. Смита, советское руководство приложило максимум усилий, чтобы превратить данное политическое соглашение в эффективный военный союз, причем пик советской активности пришелся на период с середины лета 1936 года до весны 1937 года, то есть на тот же самый период, когда формировались основы советской внешней политики по отношению к гражданской войне в Испании. Надежда, что Франция станет военным союзником СССР, была главным мотивом, побудившим советское руководство оказать Испанской республике существенную помощь именно в этот период. Этой надежде не суждено было осуществиться ввиду сильной оппозиции в правительстве и армейском руководстве Франции [27].

Другой серьезной причиной, побудившей руководство СССР вмешаться в испанский конфликт, по мнению Д. Смита, была гипотетическая возможность через совместное сотрудничество по оказанию помощи Испанской республике создать эффективную систему коллективной безопасности из числа европейских государств. Совместная защита республиканской Испании могла создать необхо-

димые условия для сотрудничества СССР и западных демократий, для превращения этого сотрудничества в полномасштабный военный союз с Британией и Францией, направленный против Гитлера [28].

Политическое преследование и физическое уничтожение коммунистами левых радикальных движений в Испании Д. Смит объясняет желанием Сталина понравиться западным демократиям. Сталин был убежден, что Испанская республика должна демонстрировать для английских и французских политиков режим умеренной буржуазной демократии. В декабре 1936 года посол Франции в Москве Кулондр предупреждал наркома иностранных дел СССР М. Литвинова о серьезных последствиях для франко-советских отношений в случае успеха анархистов и радикальных коммунистов в Испании. Именно по этой причине по советской инициативе распускались созданные испанскими левыми колхозы, возвращались частным владельцам реквизированные и обобществленные промышленные предприятия, уничтожена левая коммунистическая партия - ПОУМ, добровольческие отряды, созданные левыми движениями, включены в состав регулярной народной армии республики [29]. На основании приведенных выше данных Д. Смит делает вывод о том, что вмешательство Сталина в испанский конфликт не было проявлением революционного интернационализма. Напротив, его можно объяснить только желанием Москвы через совместное сотрудничество по оказанию помощи Испанской республике добиться создания политического и военного союза, направленного против нацистской агрессии в Европе. К сожалению, руководство западных стран не было способно в тот период оценить по достоинству советские инициативы и сделать свой шаг навстречу. По словам А. Идена, премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен опасался, что следствием победы Испанской республики станет усиление позиций

коммунизма в Западной Европе. Министр иностранных дел Франции И. Дельбос пришел к заключению в конце 1936 года, что СССР через испанский конфликт хочет добиться военного столкновения Франции и Германии. Примитивный антикоммунизм британских государственных деятелей и неспособность многих французских политиков выйти за рамки привычных антисоветских догм не позволили Западу адекватно воспринять нестандартные инициативы Сталина и создать военно-политический союз антифашистских государств. Может показаться парадоксальным, подчеркивает Д. Смит, но в тот период Сталин продемонстрировал способность подчинять свои идеологические установки потребностям реальной политики.

Статья видного британского специалиста по истории Испании П. Престона посвящена выявлению причин и механизма вмешательства в испанские события Италии, то есть проблеме, которая значительно меньше изучена в отечественной историографии, чем проблема политики Англии, Франции, Германии и СССР в Испании в 1936-1939 годах [30]. И хотя статья посвящена преимущественно Италии, автор, разумеется, не смог не затронуть вопросы, связанные с участием в испанском конфликте Германии и Советского Союза. Статья базируется на мемуарах итальянских политиков, дипломатов и военных, на опубликованных документах итальянского МИДа, на документах итальянских архивов и других источниках. В начале статьи П. Престон отмечает, что первая просьба о помощи, исходившая от генералов Франко и Мола, была отклонена германским МИДом и Муссолини. 25 июля Гитлер был информирован о просьбе испанских генералов и вечером того же дня в узком кругу доверенных лиц принял решение об оказании помощи. После долгих колебаний аналогичное решение принял и Муссолини, причем, как верно подчеркивает Престон, оно было принято независимо от Гитлера

[31]. Оба диктатора полагали, что их помощь ограничится переброской марокканских войск в Испанию, однако оба оказались втянутыми в полномасштабную длительную войну. «Тем не менее, - пишет Престон, - Гитлер вел себя достаточно осторожно, послав новейшее вооружение и небольшой по численности легион Кондор, напротив, вмешательство Муссолини возросло до такой степени, что он оказался в состоянии необъявленной войны с Испанской республикой» [32].

Далее Престон подробно, в деталях, по дням и часам излагает ход событий, связанных с принятием решения об оказании помощи Франко, показывает роль ближнего окружения Муссолини и, прежде всего, его зятя, министра иностранных дел Чиано [33]. Как явствует из статьи, Муссолини собрал максимально возможную информацию о позиции Франции и СССР в испанском вопросе. 25 июля он был информирован о том, что французская правая пресса и британские консерваторы вынудили социалистическое правительство Л.Блюма отказаться от поддержки Испанской республики и, как пишет Престон, «25 июля дуче и Чиано точно знали, что Франция твердо решила не помогать Испанской республике» [34]. К этому же времени позиция британского руководства была просчитана как антиреспубликанская, причем в качестве аргументов назывались боязнь большевизации Испании, дружеские отношения руководителей британского флота и испанских мятежников, британский нажим на французское правительство, попытки улучшить отношения с Италией [35]. «Особенно большое значение, - подчеркивает Престон, - на принятие решения о вмешательстве в испанский конфликт оказывала возможная роль Советского Союза» [36]. 27 июля Муссолини получил посланный четырьмя днями ранее подробный доклад от временного поверенного в делах Италии в СССР Берардиса «о большом замешательстве в Кремле в

связи с началом гражданской войны в Испании» [37]. В докладе сообщалось, что по расчетам советских руководителей победа мятежников могла нанести серьезный ущерб советско-французскому сотрудничеству, а успех левых мог инспирировать волну антикоммунизма в западных странах, что могло бы серьезно противодействовать попыткам советской дипломатии создать систему коллективной безопасности в Европе. Согласно докладу Берардиса, советское руководство избрало позицию «строгого нейтралитета». Источник из числа высокопоставленных советских руководителей сообщил ему, что «в Кремле раздражены и озадачены событиями в Испании, и что Советское правительство ни при каких обстоятельствах не даст втянуть себя в разрешение внутренних проблем полуострова, где ничего нельзя приобрести, но можно все потерять» [38]. Советское правительство будет соблюдать нейтралитет и ограничится моральной поддержкой республиканцев. Слабость Франции и сообщение о замешательстве в советском руководстве убедили Муссолини оказать помощь Франко. Позднее Москва вмешается в испанский конфликт, но решение об этом будет принято после итало-германской помощи Франко [39].

В 2006 году исполнилось 70 лет с начала вооруженного мятежа консервативных сил в Испании против легитимного демократического правительства Народного фронта, положившего начало кровопролитной гражданской войне 1936-1939 годов. На некоторое время Испания оказалась в центре мировой политики, великие европейские державы – Англия и Франция, а так же претендовавшие на эту роль Германия, Италия и Советский Союз оказались втянутыми во внутренний испанский конфликт, пытаясь разыграть испанскую карту с наибольшей для национальных интересов пользой.

Международный аспект гражданской войны стал

предметом исследования во многих странах, на эту тему написаны сотни книг и тысячи статей и этот процесс продолжается, причем наиболее активно в современной России, что представляется вполне закономерным. Идет пересмотр устаревших представлений, уточнение основных концептуальных положений и фактического материала. Признанным центром изучения данной проблемы в современной России является испанский сектор Института всеобщей истории РАН во главе с выдающимся специалистом по истории Испании Светланой Петровной Пожарской и два новых центра, возглавляемые учениками С.П. Пожарской В.В. Малай и М.В. Новиковым в Белгородском государственном университете и в Ярославском государственном педагогическом университете имени К.Д. Ушинского.

Примечания

1. Подробнее см.: Престон П. Франко: Биография. Пер. с англ. Ю.В. Бехтина. – М., 1999.
2. Испания в цифрах. – М., 1936. – С. 99-100.
3. Престон П. Указ. соч. – С. 127-130.
4. Там же.
5. Гражданская война в Испании 1936-1939 гг.: Библиографический указатель источников и литературы, изданных в СССР в 1936-1991 гг. Составитель: М.В. Новиков. – Ярославль, 1994. – С. 38-75.
6. Малай В.В. Судьба республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских отношений в канун II мировой войны. 1936-1939. – Белгород, 1999.
7. Hartley J. Recent Soviet publications on the Spanish civil war // European history quarterly. Vol. 18., 1988. – P. 244.
8. Коммунистический интернационал. – 1938. – № 7. – С. 10-12.
9. Там же. – С. 14.
10. Пожарская С.П. Советская историография антифашистской войны в Испании (1936-1939) // Новая и но-

вейшая история. – 1987. – № 2. – С. 201-211; Мещеряков М.Т. Испанская республика и Коминтерн: Национально-революционная война испанского народа и политика Коммунистического интернационала. – М., 1981.

11. Новиков М.В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936-1939 гг. Дисс... докт. ист. наук. – Ярославль, 1995; Малай В.В. Международные аспекты гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. Дисс... докт. ист. наук. – М., 2004; Постернак А.В. Внешняя политика Франции в связи с гражданской войной в Испании (1936-1939 гг.). Дисс... канд. ист. наук. – Ярославль, 1998; Рыбалкин Ю.Е. Военная помощь Советского Союза испанскому народу в национально-революционной войне 1936-1939 г.г. Дисс... канд. ист. наук. – М., 1992; Орехова М.С. Германо-советские отношения в контексте международных аспектов гражданской войны в Испании (1936-1939 гг.) Дисс... канд. ист. наук. – Ярославль, 2004.

12. См., например: Малай В.В., Новиков М.В. Освещение гражданской войны в Испании 1936-1939 годов на страницах английского исторического журнала // Новая и новейшая история. – 2003. – № 1. – С. 200-209.

13. Новиков М.В. Указ соч.

14. Малай В.В. Судьба республики решалась не в Мадриде. – С. 119.

15. Там же.

16. Там же. – С. 121.

16. Там же.

18. Рыбалкин Ю.Е. Советская военная помощь республиканской Испании (1936-1939 гг.) – М., 2000. – С. 13-14.

19. Там же. – С. 16.

20. Постернак А.В. Внешняя политика Франции в связи с гражданской войной в Испании (1936-1939 гг.). Автореферат дисс... канд. ист. наук. – Ярославль, 1998. – С.

21-23.

21. Орехова М.С. Германо-советские отношения в контексте международных аспектов гражданской войны в Испании (1936-1939 гг.). Автореферат дисс... канд. ист. наук. – Ярославль, 2004. – С. 16-17.

22. Smyth D «We Are with You»: Solidarity and Self-interest in Soviet Policy towards Republican Spain, 1936-1939 // The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936-1939. – Edinburgh, 1996. – P. 87-106.

23. Ibid. – P. 93.

24. Ibid.

25. Ibid. – P. 94.

26. Ibid. – P. 96.

27. Ibid. – P. 92.

28. Ibid. – P. 94.

30. Preston P. Mussolini's Spanish Adventure: From Limited Risk to War // The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936-1939. Edinburgh, 1996. – P. 21-52.

31. Ibid. – P. 22.

32. Ibid.

33. Ibid. – P. 25-36.

34. Ibid. – P. 37.

35. Ibid. – P. 37-38.

36. Ibid. – P. 39.

37. Ibid. – P. 40.

38. Ibid.

39. Ibid.

М.А. Рутковский

Верхневолжские профсоюзы и физкультурное движение накануне Великой Отечественной войны

Еще в 20-х годах XX столетия органической частью культурно-просветительной и воспитательной деятельности профсоюзов стало физкультурное движение. Во многих

профсоюзных клубах появились физкультурные залы, устраивались спортивные площадки. Началось строительство спортивных сооружений.

Со второй половины 20-х – начала 30-х годов занятия физкультурой и спортом стали обретать массовый характер. Физкультурные коллективы создавались непосредственно при отраслевых союзах и профорганизациях предприятий. Физкультурно-спортивные мероприятия даже стали включаться отдельным пунктом в коллективные договоры. А в первую очередь в физкультуру и спорт старались вовлекать ударников производства, передовиков социалистического соревнования. Вот как отмечался этот факт в однодневной газете Ивановского облпрофсовета 22 октября 1930 года:

«На «Красном Перекопе» из 659 физкультурников работает на производстве 596 и все ударники. 18 человек из них премированы. На «Красном Перекопе» 512 физкультурников, работает на производстве – 489. Все ударники. Имеется физкультурный комплект. Премировано 12 человек...» [1]. Небывалый (и не только в нашей стране, но и в мире! – М.Р.) по массовости подъем физкультурно-оздоровительной работы вызвал острый дефицит в квалифицированных кадрах. Поэтому профсоюзы стали готовить «инструкторов по физкультуре» на специальных курсах. Например, на 1934 год облпрофсовет утвердил следующую курсовую систему: годовые курсы – 30 человек, шестимесячные – 45, трехмесячные – 30. А «малоквалифицированные инструкторы» должны были пройти через двухмесячные курсы [2].

На заседании президиума Ивановского облпрофсовета 17 декабря 1933 года отмечались «определенные успехи физкультурных организаций в деле проведения 3-го Всесоюзного смотра-конкурса физкультурколлективов», констатировалось и отставание целого ряда регионов. Приме-

чительно при этом, что среди подвергшихся критике физкультурных организаций не было названо ни одной ярославской. В то же время облпрофсовет подтвердил свое решение «о необходимости постройки в городе Ярославле стадиона-комбината, ввиду отсутствия там физкультурной базы, отвечающей требованиям физкультурной работы». Только на подготовительные работы в 1934 году из средств ОСПС отпускалось 50 тыс. рублей [3].

Обычной практикой стало проведение соревнований на сдачу нормативов по комплексу «Готов к труду и обороне», олимпиад, смотров-конкурсов, парадов и т. п. В областном параде физкультурников в июне 1934 года участвовало 15 тысяч физкультурников, представлявших все отраслевые профсоюзы Ивановской области [4], финансировавшие и организацию парада, и другие массовые физкультурные мероприятия.

С развитием стахановского движения роль «правофланговых» в физкультуре и спорте стала отводиться стахановцам. Они первыми шли в праздничных колоннах физкультурников, задавали тон на различных соревнованиях, смотрах и олимпиадах. Лучший производственник – он же и лучший спортсмен! Такая формула вполне соответствовала концепции формирования «нового человека» и задачам социалистического строительства. На это ориентировали и официальные установки. В частности, на конференции физкультурников г. Ярославля, проходившей 25 ноября 1935 года в клубе «Гигант», председатель горпрофсовета А.Д. Сорокина подчеркивала: «Мы знаем, что нашей задачей является развертывание и внедрение в быт физкультурного движения, но это движение надо тесно увязывать с развитием стахановского движения» [5].

Физкультурно-спортивная работа в 30-е годы все больше увязывалась с военной подготовкой населения. Так, 3 февраля 1930 года секретариат ВЦСПС постановил,

что 4% от общей суммы культфонда профсоюзов следует отчислять на «пропаганду стрелкового спорта, постройку и оборудование тиров, приобретение учебного стрелкового оружия и припасов к нему, организацию стрелковых соревнований, учебу химкоманд, на оборудование военных уголков, подготовку инструкторских кадров, приобретение военной литературы...» [6].

В 1931 году лекционно-экскурсионное бюро культотдела Ярославского облпрофсовета из 35 тем политико-экономического цикла 10 предлагало по военной проблематике: «Почему неизбежна война?», «Какова будет грядущая война?», «Может ли работница воевать?» «Осоавиахим – школа трудящихся в деле укрепления обороноспособности страны», «Химия и военное дело», «Развитие и значение авиации» и др. [7].

В конце 30-х годов, в связи с дальнейшим ростом международной напряженности профсоюзы стали уделять еще большее внимание оборонно-массовой работе. Физкультура и спорт приобретали открыто военизированный характер. Профсоюзы, в частности, участвовали в создании и работе спортивных военных кружков. Сеть Осоавиахима, работавшая в теснейшем сотрудничестве с профорганизациями, готовила стрелков, радистов, планеристов, парашютистов, летчиков, причем без отрыва от производства.

К 1941 году численность областной организации Осоавиахима, по сравнению с 1938-м, увеличилась более чем вдвое и составила почти 111 тыс. членов, а нормы ГТО и БГТО только за 1940 год сдали свыше 37000 человек [8]. Многие фабкомы и местные комитеты организовывали коллективные военизированные походы, стрельбы в учебных тирах, спартакиады и массовые кроссы.

Сегодня часто пишут о «военном психозе», «шпионмании», «поисках врага» и др. Фактом являлось, однако, и то, что обстановка в Европе и в мире в динамике при-

ближения к 40-м годам далеко не располагала к благодушию. Очевидными были также моральный подъем и патриотические настроения народа.

Примечания

1. Культработу на смотр // Однодневная газета Иваново-Вознесенского облсофпрофа. – 1930. – 22 окт.
2. Центр документации новейшей истории Ярославской области (далее ЦДНИ ЯО). – Ф. Р.-1608, оп. 1, д. 203, л. 12-13.
3. Там же. – Л. 14.
4. Рутковский М.А. Очерки истории ярославских профсоюзов. – Ярославль, 2003. – С. 89.
5. Там же.
6. ЦДНИ ЯО. – Ф. 1074, оп. 1, д. 29, л. 24.
7. Там же. – Ф. Р.-3289, оп. 1, д. 8, л. 38.
8. Рутковский М.А. Очерки истории ярославских профсоюзов. – Ярославль, 2003. – С. 104.

В.В.Жарков **Военные преобразования в СССР** **в межвоенный период**

История развития Советского государства и военного строительства, в частности, в период с 1920 по 1939 гг. представляет собой богатейший источник для изучения опыта реорганизации Вооруженных Сил. Военная реформа в 20-е годы, а также перестроечные процессы в военном строительстве в последующие периоды, как правило, проходили на переломных этапах развития советского общества.

Опыт этого периода имеет особое значение для сегодняшнего дня. Особый интерес представляют основные

черты исторического опыта, вытекающие из практики проведения военной реформы:

1. Широкое обсуждение критических вопросов военного строительства на заседаниях Политбюро ЦК, Пленумов ЦК, правительства, в Совете Труда и Оборона, на съездах партии и Советов. Так, только с ноября 1920 года по ноябрь 1922 г. вопросы военного строительства обсуждались 9 раз на Пленумах ЦК РКП(б), 26 – на заседаниях Политбюро ЦК, 6 – в Совете Народных комиссаров и 17 раз в Совете Труда и обороны. Их рассматривали на IX Всероссийском съезде Советов, на X – XII съездах Советов, на X – XII съездах партии, на февральском и апрельском (1924 г.) Пленумах ЦК.

2. Стремление к объективности оценок состояния Красной Армии и выработке перспектив по ее дальнейшему развитию. Например, для выяснения обстановки, сложившейся в вооруженных силах, и определения мероприятий по повышению их боеспособности ЦК партии в январе 1924 г. создал специальную комиссию во главе с секретарем ЦК РКП(б), членом коллегии РКИ СССР С.И. Гусевым. Изучив положение дел, комиссия пришла к выводу, что «Красной Армии как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы, у нас в настоящее время нет. В настоящем своем виде Красная Армия небоеспособна»[1]. 3 февраля 1924 г. Пленум ЦК заслушал доклад комиссии о результатах проверки и дал установку на проведение реформы военного ведомства.

3. Четкость определения основных направлений проведения военной реформы. Подтверждением этому служат решения Пленума ЦК РКП(б) 31 марта – 2 апреля 1924 г., где по докладу М.В. Фрунзе приняли развернутое постановление «О военном ведомстве». В нем были определены направления: реорганизовать и упростить военный

аппарат, усилить ответственные посты в армии партийным комсоставом; расширить практику территориально милиционного строительства; создать национальные воинские формирования; разработать программу улучшения материального положения воинов Красной Армии; усовершенствовать подготовку допризывной молодежи, организованную структуру войск, боевую и политическую подготовку личного состава, улучшить партийно-политическую работу [2].

4. Учет конкретной внутренней и внешней обстановки. Выражением этого является Закон об обязательной военной службе от 18 сентября 1925 г., который регламентировал все основные вопросы, связанные с прохождением военной службы. Смешанная система комплектования, сочетавшая кадровые и территориальные формирования, введена постановлением Совета Труда и Обороны от 29 декабря 1922 г. и законодательно закреплена декретом ЦИК и СНК от 8 августа 1923 г. «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся». Этот декрет устанавливал основы организации, комплектования милиционных частей и соединений, порядок прохождения службы в них.

5. Специфика распределения военного бюджета СССР в годы военной реформы. При постоянном росте бюджета основная часть расходов приходилась на техническое снабжение войск (44,6% в 1927 г.), натуральное довольствие (26% в 1927 г.) и денежное содержание военнослужащих (22,9% в 1927 г.). В то же время доля организационно-административных расходов постоянно снижалась (с 7,6% в 1925 г. до 4,4% в 1927 г.) [3].

6. Широкое освещение различных сторон военной реформы на страницах советской печати. Итоги деятельности партии по укреплению вооруженных сил были подве-

дены в постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии обороны СССР» от 15 июля 1929 г. Основным итогом истекшего пятилетия (1924 – 1929 гг.) планового строительства Вооруженных Сил, - подчеркивалось в постановлении, - является создание крепкой, боеспособной армии, в политическом отношении вполне надежной, в техническом отношении стоящей на уровне развития производственных сил страны» [4].

Последующий опыт военного строительства свидетельствует о том, что военные реформы больше не проводились, а осуществлялись преобразования (перестройка) вооруженных сил. Отсюда вытекает необходимость четкого определения самого термина «военная реформа». То определение, которое дано в Советской военной энциклопедии, не отражает всего генезиса этого явления: «Военная реформа – существенное преобразование военной системы государства» [5]. Было бы целесообразным дополнить этот тезис следующим образом: вызванное коренными преобразованиями в области внешней политики, а также политическими, социально-экономическими и духовными изменениями внутри общества.

Некоторые черты военной реформы носила перестройка в СССР в 1935 – 1939 гг. Именно этот термин – «перестройка» - был выдвинут февральско-мартовским (1937 г.) Пленумом ЦК ВКП(б). Причиной этому послужило, то что в середине 30-х годов международная обстановка изменилась: сложились два очага мировой войны, возросла военная опасность для СССР. Первыми, кто обратил внимание на необходимость преобразований в Красной Армии, были военные руководители окружного уровня. В ЦК ВКП(б) и Наркомате обороны СССР стали поступать предложения из войск о ликвидации территориальных формирований и переводе всей Красной Армии на кадровое положение. Об этом, в частности, свидетельствуют

письма командующего войсками Киевского военного округа И.Э. Якира и члена Реввоенсовета Г.Д. Хаханьяна от 27 августа 1932 г. в адрес Реввоенсовета СССР Северо-Кавказского военного округа А. Шифреса (1932 г.), которые предлагали поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) о скорейшем переходе к кадровой системе комплектования [6].

Из преобразований в Красной Армии этого периода можно сделать некоторые выводы.

1. Резко сокращается круг участников разработки основных направлений преобразований. ЦК ВКП(б), изучив поступившие из войск предложения, рекомендовал Реввоенсовету разработать план мероприятий по дальнейшему организационному укреплению Красной Армии. В апреле 1935 г. такой план был представлен, и в мае одобрен Политбюро ЦК ВКП(б). Постановлением Совета Труда и Оборона от 16 июня 1935 г. предлагалось к 1 января 1938 г. постепенно довести количество дивизий в РККА до 106, увеличив при этом кадровых дивизий до 71 [7]. К началу 1939 г. все дивизии Красной Армии стали кадровыми, и численный состав вооруженных сил с 1936 по 1939 гг. увеличился почти в 2 раза – с 1,1 млн. до 2 млн. человек.

2. Некритический, хвалебный подход к оценке реального положения в вооруженных силах особенно проявился в речи наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. [8]. А если учесть, что реальная оценка состояния дел в вооруженных силах была изложена в докладах командующими военными округами на заседаниях Главного военного совета в ноябре 1938 г., то речь К.Е. Ворошилова на съезде надо расценивать как явный обман советского народа (при поддержке Сталина и других членов высшего руководства). Самообман привел к тому, что к сентябрю 1939 г. в Красной Армии не стало территориальных дивизий, но не стало в полном объеме кадровых дивизий ввиду отсутствия достаточного матери-

ального обеспечения в ходе реорганизации. Анализ состояния реорганизованных дивизий свидетельствовал об их крайне низкой обученности и боеспособности [9]. А если учесть огромные масштабы репрессий среди военных кадров, совпавших с периодом реорганизации, то очевидно, что ожидаемого укрепления вооруженных сил от проводимых преобразований фактически не произошло.

Советское военное и партийное руководство, имея опыт реорганизации вооруженных сил при переходе от мира к войне, не воспользовалось этим опытом, что привело к провалу начального периода Великой Отечественной войны.

Примечания

1. КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил. – М.: Воениздат, 1967. – С. 137.
2. КПСС в резолюциях и решениях... – М.: Политиздат, 1984. – С. 196.
3. Российский государственный военный архив (РГВА), ф.4, оп.18, д.421, л.19.
4. КПСС в резолюциях и решениях... – Т.4. – С. 528.
5. Советская военная энциклопедия. – М.: Воениздат, 1976. – Т. 2. – С. 194.
6. РГВА, ф.9, оп.40, д.132, л.253.
7. Красная звезда. – 1936. – 16 января.
8. XVIII съезд ВКП(б): Стенографический отчет. – С. 146.
9. РГВА, ф.4, оп.14, д.2008, л.132.

С.Н. Картавый

Истребительная авиация РККА накануне и в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война убедительно доказала, что победить технически сильного врага можно только при наличии качественного и количественного превосход-

ства над ним во всех основных видах оружия. Эта сложная задача была с честью выполнена советской промышленностью и тружениками тыла, обеспечившими армию в достаточном количестве современным вооружением и военной техникой. Союз фронта и тыла стал одной из важных составляющих великой Победы.

Минувшая война показала также, что в современных сражениях без наличия сильной авиации всех родов нельзя рассчитывать на успех. Советская авиация в ходе войны сыграла исключительно важную роль, а ее мощная поддержка обеспечивала необходимые условия для успешных действий наземных войск на поле боя.

Вместе с тем, вопреки прочно утвердившемуся в отечественной военно-исторической науке мнению, положение ВВС РККА как накануне войны, так и в первые военные годы оставляло желать лучшего. Отставание СССР от мирового уровня авиастроения, несмотря на очевидные успехи индустриализации, было эшелонировано по нескольким уровням: 1-й уровень – самолеты; 2-й – моторы; 3-й – технологии; 4-й – станкостроение; 5-й - образование и культура производства. Проблемы первого и второго уровней советское руководство стремилось решить с помощью индустриализации в самые сжатые сроки. Но «как показывает исторический опыт, настоящий, длительный, а не одномоментный, из последних сил, успех обеспечивается уровнями 3, 4, 5-го порядков. Условий для их развития в 30-е годы в СССР еще не было» [1]. Касясь состояния истребительной авиации, можно отметить, что немецкие истребители на протяжении первых трех лет Великой Отечественной войны по совокупности боевых качеств превосходили истребители ВВС РККА, уступая советским разве что по маневренности. Истребители Люфтваффе были технически более совершенны, в большей степени приспособлены для уничтожения в воздухе летательных аппаратов

противника – основной задачи самолетов такого класса.

Перед войной основным истребителем советских Военно-Воздушных Сил был истребитель И-16, неплохо зарекомендовавший себя в период войны в Испании, боевых действий на реке Халхин-Гол и у озера Хасан. Однако к моменту нападения фашистской Германии на СССР самолеты И-16 по ряду показателей, и, прежде всего, скорости полета, уступали немецким самолетам-истребителям.

В 1940 г. на вооружение истребительной авиации стали поступать новые самолеты Як-1 и МиГ-3, обладавшие улучшенными тактико-техническими характеристиками.

Например, истребитель МиГ-3 имел максимальную скорость 655 км/час на высоте 7000 м, фашистский же истребитель «Мессершмитт Вf-109» такой скоростью стал обладать лишь в 1942 г., когда на нем установили более мощный двигатель. Вместе с тем нельзя не отметить, что опыт воздушных боев на советско-германском фронте показал, что большинство из них велось на высотах от 5000 м и ниже, где превосходство советского истребителя было далеко не столь значительно.

Что касается Як-1, то это был деревянный самолет с минимальным количеством алюминиевых элементов обшивки и фактически лишенный бронирования. На нем отсутствовали радиостанция, посадочная фара, указатель остатка топлива, счетчик боеприпасов. Истребитель имел на вооружении 20-мм пушку ШВАК с невысокой начальной скоростью полета снаряда и два 7,62-мм пулемета ШКАС, которые в последующем фронтовые летчики с известной долей сарказма называли «гуманным оружием» из-за их невысокой эффективности [2].

В исследованиях советского времени, когда речь заходит о новых образцах авиационной техники, созданных и принятых на вооружение ВВС РККА накануне войны, Як-

1, как правило, сравнивался с немецким «Мессершмиттом Bf-109 E», что позволяло сделать вывод о качественном превосходстве советского истребителя. Но Bf-109 модификации E к началу войны против СССР рассматривался в Германии как устаревший и состоял на вооружении лишь некоторых истребительных эскадр. Основным костяк истребителей составляли Bf-109 модификации F («Фридрих» по немецкой классификации), значительно превосходившие советские предвоенные образцы. Bf-109 F разгонялся до скорости 635 км/ч на высоте 6000 м, в то время как максимальная скорость Як-1 с мотором М-105 П на высоте 4860 м достигала 569 км/ч [3]. Цельнометаллический «Фридрих», как и Як-1, имел бронестекло и бронезаголовник сиденья пилота, но кроме этого также 8-мм бронеплиты, защищавшие спину и ноги летчика, и лист 5-мм брони для защиты двигателя от попаданий снизу. Бензобак «Мессершмитта» в отличие от «Яка» был протектированным: мелкие пробоины затягивались сами благодаря специальному устройству стенок. Но главными преимуществами Bf-109 F были его мощный и надежный двигатель и наличие ряда автоматов, облегчавших работу летчика. Практически все моторы на немецких серийных самолетах имели реальный ресурс работы не менее 100 часов до первого ремонта. Автоматика «мессера» регулировала температурный режим работы мотора, качество и количество топливной смеси, установку оптимального шага винта, обеспечивала «слепую» посадку, перезарядку оружия с помощью электропривода в случае возникновения неполадок при стрельбе. Для выполнения последней операции пилоту требовалось лишь отпустить гашетку и нажать ее вновь. Каждый немецкий самолет в обязательном порядке оснащался приемопередающей радиостанцией, в то время как на первых 1000 серийных «Яках» радиостанции не устанавливались совсем, а на последующих передатчиками комплектовался только

каждый 15-й самолет, а остальные – только приемниками [4]. В этих условиях можно с большим трудом говорить не только о превосходстве, но даже о сравнительном равенстве летно-тактических характеристик советских и немецких истребителей.

Воздушные бои наглядно продемонстрировали необходимость дальнейшей модернизации существующих и создания новых образцов авиационной техники. В результате уже в ходе Сталинградской битвы немецким истребителям наряду с Як-1 противостояли также Як-7 и Як-9, имевшие явно выраженное внешнее сходство с предыдущей моделью, аналогичные двигатель М-105ПФ и силовой каркас. Но, в сущности, это были другие машины, имевшие смешанную конструкцию крыльев из деревянных и дюралюминиевых элементов и цельнометаллическое горизонтальное и вертикальное хвостовое оперение. Як-7 по сравнению с Як-1 имел большую устойчивость и лучшую управляемость. Конструкторам удалось также несколько повысить не только прочность, но и живучесть самолета – на нем устанавливались протектированные бензобаки. Было усилено и вооружение. В целом Як-7Б (лучшая модификация этой модели) понравился фронтовым летчикам, хотя и вызывал немало претензий, в первую очередь, из-за ненадежности установленного на нем вооружения. Некоторые из летчиков считали даже, что лучше иметь менее скорострельное, но более надежное оружие [5].

Примером умелого использования тактико-технических характеристик Як-7Б и возросшего мастерства летного состава является воздушный бой, проведенный 13 августа 1942 года капитаном Мотуз И.Ф. (в последующем ставшим Героем Советского Союза) на глазах командующего 6-й воздушной армией генерала Ф.П. Польнина.

Сражаясь в одиночку против четырех немецких истребителей, советский летчик в ходе 30-минутного боя сумел сбить двух из них. Более того, будучи дважды ранен Иван Фомич Мотуз, сумел успешно посадить поврежденный истребитель на свой аэродром [6].

Вместе с тем, несмотря на самоотверженные усилия конструкторских коллективов по улучшению боевых качеств «Яков», во фронтовых частях эти меры воспринимались как недостаточные. Более того, летный состав частей, воевавших осенью 1942 года на Як-1 и Як-7, считал, что для успешного исхода воздушного сражения под Сталинградом «на каждого немца необходимо иметь пару «Яков» [7].

В 1942 г. в период битвы под Сталинградом на фронт прибыли наши первые истребительные авиационные полки, вооруженные истребителями Ла-5. Эти самолеты и их модификация Ла-5 ФН в массовом количестве были успешно применены весной 1943 г. на Кубани и летом 1943 г. в битве под Курском.

Дальнейшим развитием Як-7 стал Як-9 – самый массовый истребитель ВВС РККА (всего было построено 16769 самолетов различных модификаций) [8]. Он постоянно и кропотливо совершенствовался, причем одна из его многочисленных модификаций – Як-9М, появившаяся на фронте в мае 1944 года, выгодно отличалась от всех предыдущих. Это был истребитель, на котором удалось устранить все конструкционные и производственные дефекты, отмеченные ранее в рекламационных актах и дефектных ведомостях. Он имел отличную управляемость, был легок и доступен в управлении.

Наряду с авиационной техникой совершенствовалось и мастерство летного состава истребительной авиации РККА. Наглядным подтверждением тому является случай, произошедший весной 1944 года, когда в один из истреби-

тельных авиационных полков, оснащенных «Яками» прилетела американская делегация. Беседуя с летчиками, один из членов делегации, полковник Бонт, прилетевший на «Кингкобре», с улыбкой, пощелкав пальцем по фанерному крылу «Яка», предложил сразиться в учебном бою. Вызов был принят Героем Советского Союза С.Д. Луганским. Уже в самом начале боя советский летчик сумел выйти в хвост самолета Бонта и так ходил за ним, несмотря на энергичное маневрирование американца, пока тот не пошел на посадку [9]. Или еще один пример. В мае 1944 года в 288-ю истребительную авиационную дивизию прибыл представитель Сопrotивления, бывший министр авиации Франции Пьер Кот, человек весьма недоверчивый, и попросил показать, как летают молодые летчики. Командир дивизии Б. Смирнов остановил свой выбор на А. Колдунове [10].

«Перед гостем предстал худощавый высокий пилот в солдатской шинели, - вспоминал комдив. – В то время у нас не хватало летного обмундирования, и Колдунов, прямо скажем, не смотрелся. Рукава шинели чуть ли не по локоть, кирзовые сапоги с короткими голенищами... Колдунов взлетел. Через несколько минут он появился над командным пунктом. На высоте двадцати метров, на большой скорости он перевернул самолет «на спину», пролетел над всем аэродромом вниз головой и затем на минимально допустимой высоте исполнил динамичный каскад фигур высшего пилотажа. Бывший министр был в восторге: «Вот это солдат! Вот это летчик!» [11].

В 1944 г. в период Белорусской операции на вооружение истребительной авиации начали поступать истребители Як-3. Они стали самыми легкими серийными истребителями и по скорости превосходили фашистские самолеты с поршневыми двигателями. Так, например, истребитель

«Фокке-Вульф FW-190А4», на который гитлеровцы возлагали такие же огромные надежды в воздухе, какие они возлагали на танки «тигр» и самоходные установки «фердинанд» на земле, развивал максимальную скорость 576 км/час, имея полетный вес 3989 кг. Истребитель «Мессершмитт Me-109G6» (самая массовая модификация Me-109G) с полетным весом 3054 кг имел максимальную скорость 584 км/час. Советский же истребитель Як-3 развивал скорость 648 км/час и имел полетный вес 2655 кг. Вместе с тем, ему был присущ целый ряд конструкционно-производственных и эксплуатационных дефектов, существенно затруднявших, особенно на начальном этапе, его боевое применение [12].

Одновременно с созданием новых моделей «Яков» совершенствовались и истребители С.А. Лавочкина. Так, в результате дальнейшего развития самолета Ла-5 появился истребитель Ла-7. Именно эти самолеты, а также Як-9М, Як-9Т (с 37-мм пушкой), Як-3 и поставляемые по ленд-лизу американские «аэрокобры», особенно последних модификаций, в завершающем периоде войны в Европе обеспечили господство советской авиации в воздухе.

В феврале 1945 года уже упоминавшийся А.И. Колдунов возглавил «группу по расчистке воздуха», куда входили капитаны Шишов, Сидоренко, Сурнев, Гурьев и лейтенант Шамонов. Летая на истребителях Як-3, эта шестерка сбила 32 самолета противника и не имела потерь [13].

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны истребительная авиация РККА располагала немногочисленной и не доведенной в техническом отношении новой авиационной техникой. Три последующих тяжелейших года войны ВВС РККА находились в незавидном положении «догоняющей» стороны. Тем не менее, за это время они сумели нанести Люфтваффе невосполнимые потери и завоевать господство в воздухе. Достичь этого уда-

лось за счет значительных потерь материальной части и личного состава истребительных авиационных частей. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в силу ряда объективных и субъективных причин отечественные конструкторские бюро и наркомат авиационной промышленности вынуждены были пойти по пути создания и массового выпуска истребителей из недефицитных материалов, что позволяло снизить их себестоимость и обеспечить восполнение потерь, которые несли в ходе боев советские ВВС. Подобный подход представляется оправданным, хотя и не бесспорным в условиях острейшего дефицита самых разных видов военных материалов и сырья, который испытывала советская авиационная промышленность в 1941 – 1942 годах.

В последующем поступление в ВВС Красной Армии в достаточном количестве современных для того времени истребителей, значительно возросший уровень боевого мастерства летного состава, совершенствование форм и способов боевого применения советской авиации позволило в 1943 г. завоевать господство в воздухе и удерживать его почти повсеместно до конца войны. Это во многом способствовало выполнению боевых задач наземными частями и соединениями.

Примечания

1. Герасимов Г. Количественно-качественная характеристика ВВС РККА накануне войны// Авиация и космонавтика. – 2000. – № 1. – С. 6.
2. Медведь А.Н. Фокке-Вульф FW-190. – М., 1993. – С. 58.
3. Никольский М. Истребители Яковлева Як-1, Як-7, Як-9, Як-3//Авиация и космонавтика. – 1999. – №5-6. – С. 34.
4. Синайский В. Знакомство с «мессером»//Крылья Родины. – 1992. – №11. – С.7.
5. Семенов А.Ф. На взлете. – М., 1969. – С. 67.

6. Сто сталинских соколов. В боях за Родину. – 2-е изд. доп. – М.: Изд-во Яуза, – 2005. – С. 115 – 122.
7. Алексеенко В. В суровые годы войны. О советском моторостроении//Крылья Родины. – 2000. – №5. – С. 15.
8. Степанец А.Т. Истребители «Як» периода Великой Отечественной войны. – М., 1987. – С. 111.
9. Сто сталинских соколов. В боях за Родину. – 2-е изд. доп. – М.: Изд-во Яуза, 2005. – С. 226.
10. А.И. Колдунов в последующем дважды Герой Советского Союза, воевал на самолетах Як-1, Як-9, Як-3. В годы Великой Отечественной войны совершил 412 боевых вылетов, в 96 воздушных боях лично сбил 46 и в группе – 1 самолет противника. А.И. Колдунов был самым результативным летчиком, воевавшим на «Яках». В 1978 – 1987 гг. главком войск ПВО, заместитель министра обороны СССР. С 1984 г. – главный маршал авиации. В 1987 г. после посадки на Васильевском спуске в Москве спортивного самолета снят со своего поста.
11. Сто сталинских соколов. В боях за Родину. – 2-е изд. доп. – М.: Изд-во Яуза, 2005. – С. 83 - 84.
12. Уваров Г. «Ястребок» и «Густав». Кто сильнее «Як» или «Мессершмитт»?//Родина. – 2004. – № 8. – С.64.
13. Сто сталинских соколов. В боях за Родину. – 2-е изд. доп. – М.: Изд-во Яуза, 2005. – С. 85.

В.А. Коробов

Советское военное искусство в годы Великой Отечественной войны – уроки и выводы

Для России и стран СНГ Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов – самое суровое испытание XX века, которое принесло многочисленные людские и материальные потери, разруху, голод и холод. Однако наши народы мужественно выдержали натиск фашисткой Германии и ее союзников.

Накануне войны, летом 1941 года, группировка немецких войск на Восточном фронте состояла из 182 дивизий и 19 бригад (что равно более чем 8 дивизиям) в первом эшелоне, во второй эшелон входило 14, а в состав резерва - еще 28 дивизии. В рядах войск фашистской Германии находились венгерские, румынские, испанские, итальянские и финские соединения и части, а также боевая техника и оружие многих европейских стран - Франции, Чехословакии, Бельгии, Англии, Голландии и Норвегии.

Фашистские полчища в то время обладали двухгодичным боевым опытом, занимали выгодное стратегическое положение. Политика «умиротворения» и «невмешательства», проводимая западными державами во многом и побудила Германию развязать Вторую мировую войну. Одной из ее главных целей Гитлер неизменно считал разгром Советского Союза. Он зловеще провозглашал на весь мир «...надо ликвидировать Россию... уничтожить ее жизненную силу, рассеять ее народ, Москву и Ленинград стереть с лица земли... Среди этого народа следует убивать каждого десятого... Применять драконовские меры, любые средства без ограничения, самые жесткие меры против женщин и детей». Вооруженные такой звериной идеологией, фашисты развязали эту войну.

Что же мог противопоставить Советский Союз гитлеровской Германии, хорошо вооруженной и обученной, мобильной и обладающей боевым опытом армии?

Красная Армия в первом эшелоне имела 56 дивизий, во втором - 52 и в резерве фронтов - 62 дивизии, что составляло - 170 дивизий. Немцы превосходили наши войска в 2,5 раза по первому эшелону, а на некоторых направлениях - в 3-4 раза. К тому же следует учитывать, что 35 процентов соединений, предназначенных для прикрытия Государственной границы СССР, к моменту фашистской агрессии еще не завершили отмотилизование или находились на марше в

четырёхстах и более километрах от границы. Войскам второго стратегического эшелона (52 дивизии) для развертывания на выгодных рубежах требовалось 7-10 суток.

Войска, застигнутые врасплох внезапным нападением врага, на ряде участков фронтов вступали в сражения разрозненно и неорганизованно. В приграничных сражениях войска Красной Армии, неся огромные потери, не смогли остановить немецкую военную армаду, хотя и нанесли ей значительный урон. Потребовалось неимоверное напряжение всех сил народа и армии, самопожертвование на фронте и в тылу, чтобы остановить коварного и жестокого врага. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал законом жизни каждого советского человека. Программа же защиты страны от агрессора была изложена в выступлении председателя Государственного Комитета Обороны И. Сталина по радио 3 июля 1941 года.

Несмотря на тяжелые неудачи в начале войны, наши Вооруженные Силы все-таки сумели сначала нарушить, а затем и сорвать стратегические планы немецко-фашистского командования. Непревзойденное мужество защитников Брестской крепости, Лиепай, Луцка, Ровно, Могилева и Витебска, героическая оборона Одессы, Ленинграда, Киева и Севастополя, Смоленское сражение, контрудары наших войск под Ростовом и Тихвином и, наконец, сокрушительный разгром немецких войск под Москвой развеяли легенду о непобедимости вермахта, похоронили гитлеровский план «молниеносной» войны против Советского Союза.

Безусловно, выдающаяся победа Красной Армии под Москвой явилась решающим событием первого года Великой Отечественной войны. Она же стала и первым крупным поражением немецких войск во Второй мировой войне.

Огромное значение имела победа войск Красной

Армии в Сталинградской битве, которая положила начало коренному перелому в ходе войны. Смелость замысла и огромный размах операции свидетельствовали о возросшей полководческой зрелости советских военачальников и значительно повысившейся боевой мощи войск. После Сталинграда стратегическая инициатива была вырвана у врага и перешла к советскому командованию, началось массовое изгнание немецких захватчиков с территории Советского Союза.

Под Курском фашистская военная машина потерпела новое сокрушительное поражение, от которого она уже не смогла оправиться. Этой победой и выходом наших войск к Днепру завершился коренной перелом в ходе Великой Отечественной и всей Второй мировой войны.

Сокрушение обороны врага на Днепре, форсирование его в стратегическом масштабе, на широком фронте (до 1000 км), опрокинуло расчеты гитлеровского руководства на ведение затяжной позиционной обороны. Образование так называемого восточного вала фактически означало неспособность вермахта остановить процесс крушения своих стратегических планов. Сражение за Днепр немцы проиграли, а плацдармы на его правом берегу явились хорошим трамплином для успешного проведения операций по освобождению Киева и всей Правобережной Украины.

В начале 1945 года Советская Армия обрушила на врага небывалый по силе удар и одержала всемирно-историческую победу в Берлинской операции. Фашизм потерпел сокрушительное поражение, и Германия безоговорочно капитулировала.

Четыре года длился беспримерный подвиг советского народа. Все духовные и материальные силы нашей страны, миллионы людских жизней, огромные материальные и другие жертвы и лишения были отданы делу Победы!

Приняв на себя удар основных сил гитлеровской

Германии и ее союзников, Советский Союз сыграл главную роль в их разгроме. Советскими Вооруженными Силами было разгромлено 507 немецко-фашистских дивизий и 100 дивизий ее союзников, почти в 3,5 раза больше, чем на всех остальных фронтах Второй мировой войны.

На советско-германском фронте вооруженные силы Германии потеряли 10 млн. (более 73%) убитыми, ранеными и пленными из 13,6 млн. общих потерь за войну. Здесь же была уничтожена основная часть военной техники вермахта: свыше 70 тыс. (более 75%) самолетов, около 50 тыс. (до 75%) танков и штурмовых орудий, 167 тыс. (74%) артиллерийских орудий, более 2,5 тыс. боевых кораблей и вспомогательных судов.

Это была поистине Великая Победа над фашистским агрессором. Советская Армия с честью выполнила свой интернациональный долг, освободив от германских захватчиков Румынию, Болгарию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Югославию и Австрию, а также разгромив немецкие войска в Финляндии и в северной Норвегии.

Главный итог Великой Отечественной войны состоит в том, что в ней победил Советский Союз - его всевозрастающая экономика и мощь Красной Армии, сплоченность и стойкость народа, мужество, храбрость и героизм воинов, превосходство военной науки и полководческого таланта военачальников.

Что же нового появилось в ходе Великой Отечественной войны в теории и практике военного искусства? В чем суть ценнейшего опыта, обретенного в ходе боевых действий?

Советские операции периода 1941-1945 гг. - примеры творческого развития военного искусства в целом и его составных частей - стратегии, оперативного искусства и тактики, в частности.

Так, за годы Великой Отечественной войны сложи-

лось более определенное понятие о составе, функциях и задачах фронта, который стал высшим оперативно-стратегическим объединением. Его функции заключались в планировании операций, постановке боевых задач армиям и другим войскам, в непосредственном руководстве ими в ходе фронтовых операций.

В этот период совершенствовалась организационно-штатная структура войск. Необходимо отметить, что в начале войны в силу ряда причин (большие потери, недостаток подготовленных командных кадров, вооружения и средств связи) Ставка Верховного Главнокомандования была вынуждена уменьшить боевой и численный состав фронтов и армий, отказаться от стрелковых и механизированных корпусов, сформировать стрелковые и танковые бригады. Это были временные меры. Уже с лета 1942 года количество стрелковых и танковых бригад стало постепенно сокращаться, а дивизий того же «профиля» - возрастать. Начали восстанавливать стрелковые и механизированные корпуса, артиллерийские дивизии прорыва, авиацию фронтов объединять в воздушные армии.

Состав фронтов менялся в зависимости от значения направления и важности задач. Так, 1-й Белорусский фронт к началу операции «Багратион» (июнь 1944 г.) имел в своем составе девять общевойсковых, одну танковую и две воздушные армии, два танковых, один механизированный и два гвардейских кавалерийских корпуса.

1-й Украинский фронт в операции по освобождению Правобережной Украины (январь 1944 г.) имел восемь общевойсковых, четыре танковые и одну воздушную армии (всего - 71 стрелковую дивизию, 9 танковых и 3 механизированных корпуса, 6 кавалерийских дивизий). А 2-й Украинский фронт (в это же время) - шесть общевойсковых, одну танковую и одну воздушную армии (всего - 51 стрелковую дивизию, 3 танковых и 3 механизированных корпуса, 3

кавалерийских дивизии).

Состав общевойсковых армий, как правило, был более стабильным: к концу войны армия имела три (иногда четыре) стрелковых корпуса (9 - 12 дивизий), танковые и другие соединения.

Минувшая война подтвердила и жизненность разработанной еще в 30-е годы прошлого века теории глубокой фронтовой наступательной операции. Оказалась верной и идея о том, что только решительным наступлением можно разгромить вооруженные силы противника, сломить его волю и одержать полную победу. В то же время война опровергла довоенный взгляд на возможность ведения стратегической наступательной операции силами одного мощного фронта.

Во время войны на стратегическом направлении, как правило, действовали два - три фронта. Каждый из них решал важные оперативные задачи, вытекающие из общего замысла стратегической операции. Как исключение, в ходе общего стратегического наступления или при действиях в особых условиях имели место фронтовые наступательные операции стратегического значения (Киевская, Львовско-Сандомирская).

В целом же фронтовая операция являлась частью стратегической, а армейская - частью фронтовой. В отдельных случаях (особые условия местности или действия на самостоятельных операционных направлениях) общевойсковые армии проводили операции самостоятельно (наступательная операция Отдельной Приморской армии при освобождении Крыма в 1944 году).

Фронтовым и армейским наступательным операциям были присущи такие черты, как решительность в достижении целей, нанесение ударов на широком фронте и на большую глубину, высокие темпы наступления, возросшее количество привлекаемых сил и средств и умелое массиро-

вание их на главных направлениях, разнообразные формы и способы боевых действий, твердое и непрерывное управление войсками.

Решительность в достижении целей наступательной операции фронта выражалась, прежде всего, в задачах: разгромить главные силы противостоящей группировки противника (от 10 до 20 дивизий), освободить определенную территорию страны или важные политико-экономические районы. При этом по глубине задачи фронтам ставились от 150 - 300 км (в операции под Ленинградом и Новгородом), до 600 км (в операции «Багратион»); армиям - от 50 до 180 км.

В ходе фронтовой операции каждая армия обычно проводила одну или две последовательные операции. Танковая армия как мощное средство развития наступления получала задачу на всю глубину фронтовой операции, которая обычно продолжалась 1,5 - 3 месяца. Хотя, конечно, были и исключения. Так, Яско-Кишиневская операция была проведена за 10 суток.

Средний темп наступления составлял от 8 до 20 км в сутки, при наступлении подвижных войск в оперативной глубине - от 25 до 50 км, а при прорыве тактической зоны обороны противника - до 10 км в сутки и выше. Это позволяло войскам Красной Армии стремительно развивать наступление в глубину и уничтожать вражеские группировки по частям.

Важным достижением оперативного искусства явилось решение проблемы нанесения мощного внезапного удара в масштабе фронта по обороняющемуся противнику с прорывом его глубоко эшелонированной и сильно укрепленной обороны. Обычно для этого силы и средства во фронтах и армиях эшелонировались в глубину, создавались сильные вторые эшелоны и резервы. Танковые армии и корпуса развивали успех в глубине, а иногда и завершали

прорыв тактической зоны обороны.

Характерным для наступательных операций 1944 - 1945 гг. было смелое и решительное массирование сил и средств на направлениях главных ударов. На этих направлениях, составляющих примерно 1/3 общей протяженности фронта, обычно сосредоточивалось до 50% личного состава, 60 - 65% артиллерии и танков, основная часть артиллерии. К концу войны плотность на 1 км участка прорыва достигала 160 - 300 орудий и минометов, 70 - 85 танков и САУ. При этом следует иметь в виду, что во многих наступательных операциях войска фронтов добивались победы над силами немецкого вермахта и меньшим составом, не имея общего превосходства в силах и средствах. Вот сведения, подтверждающие это.

Войска Западного фронта к началу контрнаступления под Москвой уступали противнику в личном составе, артиллерии, танках. И лишь по самолетам имели небольшое численное превосходство. Однако, несмотря на меньшие силы, контрнаступление под Москвой завершилось крупной победой. Решающую роль в этом сыграли упорство и стойкость советских войск в обороне, внезапность контрнаступления, своевременный ввод в сражение крупных резервов, высокий моральный дух воинов и умелое руководство войсками.

Опыт войны дает немало и других примеров, когда фронты, имея силы меньшие, чем у противника, или равные им (Сталинградская и Курская битва, а также другие операции) за счет умелого массирования их на избранных направлениях добивались превосходства и блестящих побед над немецко-фашистскими войсками.

Основным способом разгрома противника в наступательных операциях было нанесение глубокого удара с расчленением фронта обороны и последующим стремительным развитием наступления силами подвижных групп

или вторых эшелонов в сторону одного из флангов и охватом его группировки войск во взаимодействии с соседним фронтом. Этот способ, как правило, применялся при ведении операций на окружение.

Так, например, действовали войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов при окружении под Сталинградом группировки немецких войск, а также 1-й и 2-й Украинские фронты при окружении Корсунь-Шевченковской группировки фашистов.

Практиковалось нанесение мощных ударов на двух сходящихся направлениях в полосе одного фронта. Иногда войска фронта наносили два-три глубоких фронтальных удара на широком фронте. В этом случае они дробили группировку противника на части и, глубоко вклиниваясь в оборону, уничтожали каждую из них в отдельности. Например, в Висло-Одерской операции 2-й Белорусский и 1-й Украинский фронты наносили по два удара, а 1-й Белорусский – три, что способствовало успешному прорыву обороны противника и быстрому развитию его на большую глубину.

Глубокое оперативное построение наступательных группировок повышало их ударную мощь, позволяло наращивать силу удара в ходе операции, отражать контрудары противника, сохранять превосходство над ним в ходе всего наступления. Наличие же мощных группировок подвижных войск (танковых, механизированных и кавалерийских) давало возможность развивать наступление на большую глубину и в высоких темпах.

В операциях Великой Отечественной войны получили дальнейшее развитие способы окружения и уничтожения группировок войск противника. Особенно такие, как нанесение мощных ударов по сходящимся направлениям (Сталинградская, Белорусская, Корсунь-Шевченковская, Яско-Кишиневская операции) или одного-двух охва-

тывающих ударов, с целью оттеснения крупной группировки противника к морю (Восточно-Прусская операция). Кроме того, примечателен прорыв вражеской обороны на нескольких направлениях с развитием ударов в глубину и выходом во фланг и тыл основной группировки противостоящей стороны (Белорусская и Берлинская операции). Такие операции вошли в историю как классические, позволившие окружить и уничтожить крупные группировки войск противника. В этих условиях особое внимание командование уделяло созданию внешнего фронта окружения для воспреещения прорыва противника к блокированной группировке (Сталинградская битва). К тому же, возрастало значение обеспечения флангов, что достигалось наступлением части сил, а то и всего фронта (например, действия войск 1-го Прибалтийского фронта в операции «Багратион»).

В ходе войны широкое развитие получило преследование противника. Оно велось, как правило, на широком фронте, днем и ночью, в любую погоду, по отдельным направлениям и в высоких темпах. Основную роль в преследовании играли танковые корпуса и армии, а также механизированные и кавалерийские корпуса.

При этом особое внимание уделялось созданию и выделению передовых отрядов - и не только от частей и соединений, но и от армий. Состав их был различным. Например, в Висло-Одерской операции передовые отряды танковых армий состояли из танковой бригады или полка. Такие отряды действовали обычно на удалении 30 - 35 км от главных сил. Они овладевали важными опорными пунктами противника, узлами дорог и переправ, обеспечивая тем самым безостановочное преследование вражеских войск днем и ночью.

Опыт войны показал, что наибольшего успеха войска достигали там, где командующие (командиры) и штабы

всех рангов уделяли серьезное внимание организации и ведению активной и глубокой разведки, всестороннему обеспечению боевых действий (в том числе - проведению маскировки и действий в ночных условиях). Побеждали также те, кто постоянно совершенствовали способы огневого поражения противника - артиллерийское и авиационное наступление, формы и методы управления войсками, взаимодействие.

Библиографический список

1. Гареев М.А. Полководцы победы и их военное наследие. – М.: Изд-во ИНСАН, 2003. – С.25-270.
2. Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. – М.: Политиздат, 1984. - С. 140-370.
3. Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). – М.: Воениздат, 1958. – С. 96-116.
4. Тактика в боевых примерах. Дивизия. – М.: Воениздат, 1971. – С.72.
5. Полевой устав пехоты Красной Армии 1942 года.
6. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах 1917 – 1940 гг. – М.: Воениздат, 1965. – С. 23-27.

А.А. Киселев

Развитие тактики глубокого боя Советских Вооруженных Сил в период Великой Отечественной войны

Более 60 лет прошло с того светлого дня, когда Победа в Великой Отечественной войне с фашизмом пришла на нашу родную землю. Но чем дальше в историю уходит знаменательный день Победы советского народа и советских Вооруженных Сил (ВС) в Великой Отечественной войне, тем больше внимания уделяется тому, как развива-

лась в тот период тактика глубокого боя. Это связано с тем, что в те тяжелые военные годы научная теория глубокого боя была реально проверена боевой практикой и получила бесценный практический опыт.

Сегодня очевидно, что основные стратегические цели современной войны могут быть достигнуты уже в результате первых ударов средств воздушного (воздушно-космического) нападения. Поэтому в вооруженных силах США принята в качестве основной концепция «Воздушно-наземная операция», а в вооруженных силах Германии – концепция «борьбы со вторыми эшелонами» как наиболее отвечающая современным требованиям к боевым действиям. Это показал и опыт военных действий американских войск против Ирака и Югославии в конце XX века. При этом все эти концепции основаны на принципах теории глубокого боя.

Необходимо отметить, что «Теория глубокого боя» была разработана Советской военной наукой еще до начала Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов. Уже в конце 20-х годов в трудах М.Н. Тухачевского, А.И. Егорова и других военачальников того периода были изложены основы глубокого боя. Это был качественный скачок в развитии тактики. Теория глубокого боя отражала новый уровень технического оснащения войск, обусловленный появлением новых родов войск – танковых, механизированных, воздушно-десантных, более совершенной артиллерии, боевых самолетов, бронемашин, что позволило отказаться от прежних способов борьбы, сущностью которых было медленное и постепенное преодоление каждой оборонительной позиции противника, и перейти к более эффективным маневренным формам боевых действий.

Творцом-новатором в этом вопросе был В.К. Триандафилов. Вышедшая в 1929 году его книга «Характер операций современных армий» значительно опережала свое

время. Она явилась крупнейшим вкладом в развитие оперативного искусства и тактики. В отличие от западных военных теоретиков В.К. Триандафилов дальновидно определил, что в будущей войне успеха в бою можно будет достичь лишь согласованными усилиями всех родов войск и видов оружия. Новое в организации и ведении боя он видел в основном в возможностях одновременного удара по всей тактической глубине противника путем использования различных групп (эшелонов) танков, штурмовой авиации, дальнобойной артиллерии.

В то же время А.И. Егоров отмечал, что надо глубже и всесторонне оценивать влияние на тактику происходящего бурного процесса моторизации и механизации армии, возрастающей роли авиации в бою. Он писал, что «...на данном этапе... при насыщении войск новейшими техническими средствами борьбы и управления целый ряд тактических вопросов (наступление, оборона, преследование и т. д.) приобретает совершенно другой характер действий» [1]. Таким образом, под понятием «глубокий бой» имелось ввиду одновременное подавление тактической обороны противника на всю глубину, прорыва ее в высоких темпах пехотой и танками при поддержке артиллерии и авиации. Наиболее сложным этапом глубокого боя рассматривался прорыв тактической зоны обороны противника. Для его осуществления предусматривалось иметь глубокие боевые порядки войск. При этом в соединениях и частях предусматривалось создавать боевые эшелоны, включающие ударные и сковывающие группировки, артиллерийские группы поддержки пехоты из расчета на каждый полк в дивизиях и дальнего действия в корпусах по числу имеющихся дивизий, а иногда и артиллерийские группы разрушений.

Для поддержания высоких темпов наступления пехоты большое внимание уделялось танкам, которые в зави-

симости от поставленных перед ними задач делились на три группы: непосредственной поддержки пехоты (НПП), дальней поддержки пехоты (ДПП), дальнего действия (ДД). Кроме того, предполагалось создавать группы танковой поддержки и резервы: общий, танковый и противотанковый [2]. А в проекте Полевого устава 1941 года [3] на основе опытных учений и боевого опыта советско-финляндской войны впервые рассматривались вопросы прорыва обороны противника механизированными соединениями.

Однако к началу Великой Отечественной войны со стороны политического руководства было допущено много стратегических просчетов и ошибок, которые отражались и на применении войск в боевой обстановке. Кроме того, следует отметить, что в начальный период войны требования наших боевых уставов, руководств и наставлений зачастую не выполнялись войсками в силу тяжелых, главным образом, объективных условий обстановки, сложившейся в середине 1941 года.

Наглядным примером этому являлась контратака 12-го механизированного корпуса в районе города Шауляй 23 – 25 июня 1941 года [4]. Командующий фронтом в середине дня 22 июня приказал корпусу, имеющему на вооружении 780 танков, контратаковать прорвавшегося противника. Удар такими силами мог бы быть весьма эффективным. Однако этого не случилось. Уже при выдвижении корпуса оказалось, что на зимних квартирах по разным причинам осталось более 14% танков. Кроме того, сама организация контратаки имела серьезные просчеты и недостатки. Корпусу ставилась задача на глубину до 60 км и предписывалось действовать на фронте до 60 км. Вследствие этого, силы корпуса были рассредоточены на большом фронте, а удары дивизии корпуса наносили в разных направлениях и одновременно. При этом времени на подго-

товку контратаки не отводилось. Отсюда и взаимодействие между дивизиями было организовано плохо. Не способствовал успешным действиям и некомплект командного состава, который составлял, например, в 23-ей танковой дивизии командного и начальствующего состава - до 35%, а младшего начальствующего состава и специалистов — до 55%. Помимо этого, 23-я танковая дивизия использовалась побатальонно для прикрытия стрелковых подразделений и вскоре перестала существовать как единый боевой организм. А 28-я танковая дивизия в силу плохой работы тыла осталась без топлива и бездействовала в то время, когда соседи воевали. Все это резко ослабило силу удара 12-го механизированного корпуса и дало возможность бить наши войска по частям. В этой контратаке в концентрированной форме видны многие недостатки, характерные для подобных действий наших тактических соединений в первые дни войны [5].

Тем не менее, развитие тактики происходило в борьбе нового, выдвигаемого изменениями обстановки, со старым, отжившим. И в годы Великой Отечественной войны нашими войсками разрабатывались и применялись те формы и способы ведения общевойскового боя, которые больше всего соответствовали конкретной обстановке и обеспечивали достижение успеха. И в целом жизненность теории глубокого боя подтвердилась боевой практикой. Во время Великой Отечественной войны она совершенствовалась в соответствии с оснащением советских войск новым оружием и военной техникой, изменением организации войск и характера обороны противника. В конечном итоге в годы Великой Отечественной войны вырабатывались и подтверждались практикой основные принципы глубокого боя как наиболее отвечающие достижению успеха в бою.

В первую очередь, боевой опыт подтвердил теоретическое положение о том, что выбор направления главно-

го удара является одним из важнейших вопросов не только стратегии и оперативного искусства, но и тактики. И это очень важно для обеспечения успеха глубокого боя.

В годы войны был подтвержден и активно реализовывался принцип прорыва обороны противника на слабых участках, с быстрым выходением главных сил на фланги и в тыл его основных группировок, дроблением, окружением и уничтожением врага по частям. Так, при прорыве обороны гитлеровцев на Магнушевском плацдарме в январе 1945 года командир 27-й гвардейской стрелковой дивизии ввел в бой второй эшелон на фланге частично даже в полосе соседа (не там, где планировалось). В результате маневра второй эшелон дивизии вышел в тыл противника и тем самым способствовал завершению его разгрома [6].

При этом боевые действия начального периода Великой Отечественной войны выявили очень важный недостаток: постановка непосильных задач соединениям, частям и подразделениям, определенных боевыми уставами, разработанными в мирное время, отрицательно влияла на ход боя, приводила к поражению в бою и большим потерям в технике и личном составе. Возникла необходимость дать войскам какие-то отправные нормы, основанные на боевом опыте. Это и было сделано в Полевом уставе пехоты Красной Армии 1942 года [7].

Опыт войны подтвердил правильность и другого важнейшего положения нашей тактики глубокого боя - о необходимости решительного массирования сил и средств на направлении главного удара. Нашими предвоенными уставами предусматривалось для успешного осуществления прорыва подготовленной обороны противника наличия на главном направлении тройного превосходства в силах и средствах. Но такого превосходства, как показал опыт войны, было достаточно лишь для прорыва слабой, недоста-

точно глубокой обороны, которая создавалась противником в 1941 году. В последующем в условиях прорыва глубоко эшелонированной обороны на направлениях главных ударов достигалось пяти-, шести, а иногда и большее превосходство в силах и средствах советских войск над противником. Так, в ряде операций плотность артиллерии и минометов доводилась до 250 и более орудий и минометов, а по танкам и самоходно-артиллерийским установкам – до 20 - 25 и более единиц на 1 км фронта [8].

При этом опыт войны подтвердил положения наших предвоенных боевых уставов о необходимости глубокого построения боевых порядков, характерных для ведения глубокого боя при прорыве подготовленной обороны противника.

И в период Великой Отечественной войны наши войска успешно решили такую проблему тактики как построение боевых порядков. Хотя на начальном этапе войны допускалось много просчетов в этом вопросе. Однако недостатки начального периода Великой Отечественной войны и задачи по совершенствованию построения боевых порядков подразделений были отражены в приказе Наркома обороны №306 1942 года. В то же время боевой опыт показал, что решение вопроса о формах построения боевых порядков в бою никогда не может быть шаблонным. Кроме того, Великая Отечественная война показала, что в связи с появлением новых и усовершенствованием старых средств борьбы, а также с усложнением характера боя изменяется количество элементов боевого порядка. Так, с учетом опыта войны в построении боевых порядков войск было отменено деление его на ударную и сковывающую группы, изжила себя и так называемая групповая тактика. В боевых порядках войск появились полковая, дивизионная и корпусная артиллерийские группы, подвижные отряды заграждений в дивизии и корпусе, утвердилась практика созда-

ния общевойсковых, артиллерийских, противотанковых, а иногда и танковых резервов в частях и соединениях. Условие современного общевойскового боя и рост технического оснащения войск неизбежно ведут к дальнейшему развитию построения боевых порядков.

Большое значение для успеха глубокого боя имеет поддержание высоких темпов прорыва тактической зоны обороны. Этого можно достигнуть лишь умелым использованием всех сил и средств, имеющихся в распоряжении командира, и быстрым их маневром на выгодные направления. Великая Отечественная война дала много примеров, подтверждающих этот принцип глубокого боя. Так, например, 18 стрелковая дивизия, преследуя отходящие части 7-й пехотной дивизии противника, к утру 2 июля 1944 года вышла на северный берег Ведло-озера. Командир дивизии, учитывая, что враг будет упорно оборонять дефиле между озерами и прикрывать дорогу на Колат-Сельга, решил совершить глубокий обход промежуточных рубежей 414-м стрелковым полком справа и выйти в тыл противника. Для выполнения этой задачи полку предстояло в кратчайший срок совершить марш на 23 км по лесным тропам по труднопроходимой местности даже для пехоты. В целях достижения большей маневренности полка все тяжелое вооружение было оставлено. Но для обеспечения скрытности и тем самым внезапности для противника запрещались громкие разговоры и команды. Выход 414 стрелкового полка во фланг и тыл противнику нарушил устойчивость его обороны в дефиле озер по берегу реки Нялма, а одновременные удары с тыла 414-м полком и с фронта 424-м полком поставили его в безвыходное положение. Противник был разбит [9]. Решительное массирование сил и средств на главных направлениях и умелое совершение смелого маневра явились ярким показателем развития теории глубокого боя. Оно обеспечивало увеличение темпов прорыва и наступле-

ния в целом, несмотря на то, что в 1945 году нашим войскам приходилось прорывать очень сильную, глубоко эшелонированную оборону противника, которая по своему инженерному оборудованию и насыщенности огневыми средствами нередко приближалась к укрепленным районам.

В то же время опыт Великой Отечественной войны показал, что поддержание высоких темпов наступления требовало четкой организации взаимодействия всех сил и средств, согласования возможностей различных соединений, частей и подразделений видов и родов войск. Так, например, если танки далеко отрывались от пехоты, которая не могла продвигаться с такой же скоростью, то они переставали выполнять свое предназначение и несли неоправданные потери. Это доказало необходимость полной моторизации пехоты. Вследствие этого наша пехота в современных условиях стала называться мотопехотой, имея на вооружении современную боевую технику: бронетранспортеры и боевые машины пехоты.

Кроме того, учитывая серьезные недочеты в боевом применении танков в 1941 году, уже в январе 1942 года войскам были даны указания о запрещении дробить танковые бригады и батальоны на мелкие группы, применять танки распыленно, без тщательной разведки противника и местности, без хорошей организации взаимодействия с пехотой и артиллерией. В радиийные танки стали назначаться уже командиры-артиллеристы для корректирования огня, который велся артиллерией с закрытых огневых позиций по противотанковым средствам противника, мешавшим наступлению танков. А обобщенный опыт применения танков НПП был изложен в проекте Полевого устава 1943 года.

Развитие тактики глубокого боя в годы войны выявило потребность обеспечивать наступающие танки и пе-

хоту непрерывным и мощным огнем артиллерии. Обычная артиллерия эту задачу решить не могла, так как имела низкую проходимость. Тактика потребовала обеспечить войска такими машинами, которые имели бы проходимость и маневренность, близкие к возможностям танков, но превосходило бы их по мощи огня. Это определило появление в войсках самоходных артиллерийских установок.

Начиная с 1942 года было введено в практику артиллерийское наступление. Уже в самом названии имелась ввиду необходимость именно характерной для глубокого боя непрерывной поддержки пехоты и танков при их наступлении на всю глубину вражеской обороны, начиная с атаки.

Кроме того, война выработала конкретные формы применения авиации в глубоком бою. Начиная с контрнаступления под Сталинградом, удары авиацией стали наноситься не только по удаленным объектам в глубине обороны противника, но и по объектам в пределах главной полосы обороны врага. Такие действия авиации стали намного лучше отвечать интересам общевойсковых наступающих соединений.

Способы и формы организации и поддержания взаимодействия в бою, выработанные в течение Великой Отечественной войны, не потеряли своего значения и в современных условиях.

Кроме того, война выявила необходимость для успеха в глубоком бою обеспечения подразделений тыла техникой, которая могла бы удовлетворять потребности войск в ходе боя боеприпасами, топливом и другими необходимыми средствами. В противном случае могли быть созданы условия для срыва решения задач войсками.

Но все это предъявляло высокие требования к управлению войсками. Особенно важную роль в этом отношении сыграли ясные указания советского командова-

ния, данные осенью 1942 года о месте командира в бою, о приближении командных и командно-наблюдательных пунктов к войскам, а также о снабжении войск необходимым количеством радиосредств, в том числе и портативных. Все это определялось теорией глубокого боя, разработанной советскими военными теоретиками еще в довоенный период и развитой в годы войны.

Нельзя не остановиться на огромном опыте советских войск по совершенствованию способов разведки. Особое место в годы войны занимала разведка боем. Впервые она была проведена в мае 1942 года под Харьковом и затем в контрнаступлении под Сталинградом. В дальнейшем, начиная с контрнаступления под Курском, разведка боем стала обычным явлением и проводилась, как правило, передовыми батальонами за один – два дня до начала наступления главных сил. Такого бесценного опыта не имела больше ни одна армия мира. Опыт войны показал, что хорошо организованная и проведенная разведка боем позволяла вскрывать всю систему обороны противника и обеспечивала успех. А проводимая советскими войсками разведка боем во многих случаях даже перерастала в общее наступление, как это было, например, в Мемельской наступательной операции в октябре 1944 года, а также в Висло-Одерской операции в январе 1945 года [10]. Это также имеет важное значение для развития тактики глубокого боя.

Таким образом, необходимо отметить, что одним из важнейших достижений советской военной науки в предвоенный период было создание теории глубокого боя и операции, принципы которой правильно основывались на развитии технических средств борьбы, на повышении маневренности и ударной силы войск, а, следовательно, и их боевых возможностей.

Опыт Великой Отечественной войны подтвердил и развил теоретические положения нашей военной науки о

глубоком бое. В целом война показала, что тактика глубокого боя не терпит шаблона; она должна быть творческой, предусматривающей инициативные и смелые действия всего личного состава соединений, частей и подразделений. Успехи, достигнутые во время Великой Отечественной войны в области наступательного боя, значительно обогатили военную науку в развитии тактики глубокого боя. Кроме того, война дала новый толчок для исследований и развития тактики глубокого боя, связанный с все возрастающими боевыми возможностями войск.

Сегодня, в XXI веке, опыт ведения глубокого боя, полученный в годы Великой Отечественной войны, имеет большое практическое и теоретическое значение.

Примечания

1. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах 1917 – 1940 гг. – М.: Воениздат, 1965. – С. 18.
2. Военный энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1984. – С. 198.
3. Полевой устав Красной Армии 1941 года, (проект). – С. 201.
4. Архив МО, ф. 619, оп. 266018, д. 11, л. 24.
5. Развитие тактики Советской Армии в годы великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). – М.: Воениздат, 1958. – С. 23.
6. Тактика в боевых примерах. Дивизия. – М.: Воениздат, 1971. – С. 72.
7. Полевой устав пехоты Красной Армии 1942 года
8. Архив МО, ф. 5549, оп. 16426 с, д. 2, лл. 40-43.
9. Булаев. Тактическая внезапность. – М.: Воениздат, 1973. – С. 82.
10. Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). – М.: Воениздат, 1958. – С. 116.

К.А. Киселев, М.А. Киселев
Развитие тактики наступательного боя Советских
Вооруженных Сил в период Великой
Отечественной войны

Советская военная теория всегда рассматривала наступательный бой как решающее средство достижения победы над врагом.

В этом вопросе необходимо отметить, что наша отечественная военная наука практически всегда шла в ногу со временем, а иногда и опережала его. Так уже в конце 20-х годов в трудах А.И. Егорова, М.Н. Тухачевского, В.К. Триандафилова и других наших военачальников были изложены основы наступательного боя, обусловленные появлением новых родов войск – танковых, механизированных, воздушно-десантных, более совершенной артиллерии, боевых самолетов, бронемашин, что позволило от прежних способов борьбы, сущностью которых было медленное и постепенное преодоление каждой оборонительной позиции противника, перейти к более эффективным и маневренным формам боевых действий. Так, В.К. Триандафилов в своей книге «Характер современных операций», вышедшей в 1929 году и значительно опережавшей свое время, пишет, что в будущей войне успеха в наступательном бою можно будет достичь лишь согласованными усилиями всех родов войск и видов оружия. Новое, в отличие от иностранных военных теоретиков, односторонне подходивших к оценке новых средств вооруженной борьбы – танков и артиллерии, он видел в основном в возможностях одновременного удара по всей тактической глубине противника путем исполь-

зования различных групп (эшелонов) танков, штурмовой авиации, дальнобойной артиллерии [1]. В связи с этим можно привести высказывание видного советского военного теоретика и военачальника М.Н. Тухачевского, сохранившее свою актуальность и сегодня. Он писал, что «новые средства борьбы требуют полной и коренной перестройки и методов борьбы, и тот, кто эту перестройку проспит, может и не проснуться» [2].

Тактический опыт наступательного боя наших Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне имеет большое практическое и теоретическое значение, которое сохраняется и в XXI веке. Этот опыт в наши дни уже выступает как опыт истории. О нем теперь можно говорить в широком плане, беспристрастно оценивая его достоинства и недостатки, достижения и ошибки. И то и другое представляет сейчас величайшую ценность как результат деятельности целого поколения людей в условиях крупнейшей из всех известных человечеству войн. Кроме того, разработка новых способов ведения наступательного боя в современных условиях может быть успешно решена лишь при критической оценке опыта прошедшей войны. Это показали боевые действия в Чеченской Республике.

Боевые действия начального периода Великой Отечественной войны выявили очень важный урок: постановка непосильных задач соединениям, частям и подразделениям, определенных боевыми уставами, разработанными в мирное время, отрицательно влияла на ход боя, приводила к поражению в бою и большим потерям в технике и личном составе.

Следует подчеркнуть, что уже накануне войны, учитывая боевые возможности соединений, признавалась необходимость осуществлять прорыв всей тактической глубины обороны противника стрелковыми корпусами в первый же день операции [3]. Однако боевой опыт первых

дней войны показал, что возникла необходимость дать войскам какие-то отправные нормы, основанные на боевом опыте. Это и было сделано в Боевом уставе пехоты Красной Армии 1942 года [2].

При этом боевая практика наших войск показала, что в большинстве случаев наступление нашей армии начиналось с прорыва обороны противника. И лишь после того, как в обороне противника образовывалась брешь, создавались условия для успешного развития наступления в глубину и для маневра в стороны флангов и тыл противника. При этом обязательным условием было определение главного удара, как правило, по наиболее слабому месту обороны противника и сочетание огневого удара с движением и маневром войск. Наступательные бои в годы минувшей войны подтвердили необходимость полной моторизации войск для повышения темпов прорыва тактической полосы обороны противника и повышения плотности артиллерии на фронте наступления войск. Так, например, тактическая плотность по артиллерии и минометом в третьем периоде войны значительно возросла и составляла до 200, а в некоторых случаях и до 240 орудий и минометов на 1 км фронта [3].

На основе опыта Первой мировой войны и гражданской войны в СССР советская военно-теоретическая мысль к началу Великой Отечественной войны сделала вывод о том, что для успешного прорыва подготовленной и заблаговременно занятой обороны противника на всю ее тактическую глубину необходимо на главном направлении создать двойное или тройное превосходство в силах и в средствах подавления.

Однако построение боевых порядков, как показало начало войны, не отвечало требованиям наступательного боя. И место командира должно было быть уже не впереди подразделения, как в Гражданскую войну, а там, откуда

ему было бы удобно управлять подчиненными. Недостатки начального периода Великой Отечественной войны отражены в приказе Наркома обороны №306 1942 года. В то же время боевой опыт показал, что решение вопроса о формах построения боевых порядков в бою никогда не может быть шаблонным. Так, например, командир стрелковой роты провел атаку высоты, занятой немцами, на рассвете. При этом он построил боевой порядок повзводно, расположив их на удалении 100 - 200 м друг от друга в глубину. С рассветом по сигналу, не стреляя, поднялся в атаку самый дальний от противника стрелковый взвод. Но как только началась стрельба со стороны немцев, он залег. Когда стрельба затихла, поднялся в атаку следующий взвод. И все повторилось. Когда поднялся в атаку четвертый взвод, находившийся ближе всех к переднему краю обороны немцев, они поспешно отступили. В этом наступательном бою потери в роте были - всего один раненый [5].

Кроме того, Великая Отечественная война показала, что в связи с появлением новых и усовершенствованием старых средств борьбы, а также с усложнением характера боя изменяется количество элементов боевого порядка. Усложнение современного общевойскового боя и рост технического оснащения войск неизбежно ведут к дальнейшему развитию построения боевых порядков. Поэтому критическое и внимательное изучение опыта войны в этом отношении имеет большое практическое значение.

Боевые действия в ходе Великой Отечественной войны указали на прямую зависимость успешного исхода боя от умелого согласования взаимных усилий всех родов войск и авиации. Согласование боевых действий внутри подразделений, частей и соединений, а также со средствами усиления и с соседями по цели, месту и времени. И значение этого положения сегодня особенно велико, что подтвердил опыт боевых действий в Чеченской Республике.

Характерной чертой наступательного боя в конце войны было ведение атаки крупными силами ночью. Показательной в этом отношении была Берлинская операция. А в Чеченской войне 90-х годов, как отмечал генерал-полковник Г. Трошев, «исходя из благого стремления максимально обезопасить личный состав и сохранить жизни мирного населения, командование приняло решение вести боевые действия до 15-16 часов (пока светло). Однако такая тактика не дала желаемых результатов, наоборот. Замедление темпа продвижения наших войск позволяло противнику наращивать усилия на важных направлениях и наносить удары по расположению наших частей и подразделений» [6].

Кроме того, война дала огромный опыт инженерного обеспечения, организации тактической маскировки, противовоздушной обороны, разведки, радиоэлектронной борьбы и совершению маневра войск. Особенно большой опыт был накоплен по обману противника. Полководец А.В. Суворов утверждал: «Сегодня счастье, завтра счастье, помилуй бог, надо и ума немножко». Прекрасным примером этому может служить решение командира танкового батальона капитана Г.Л. Дьяченко, который, действуя в передовом отряде (7 танков с десантом автоматчиков), вечером 23 января 1945 года вышел к немецкому городу Эльбинг. Из-за сложных условий местности обойти его было невозможно. Офицер принял решение пройти город под видом танков колонны противника. Жители спокойно смотрели на двигавшиеся с затемненными фарами боевые машины, по улицам маршировали гитлеровские солдаты. Когда противник разгадал хитрость танкистов, было уже поздно, а батальон к полуночи вышел в назначенный район [4].

Нельзя не отметить огромного значения для современности опыта Великой Отечественной войны по веде-

нию наступательного боя в городе овладению большими городами. К сожалению, не учитывая этого опыта привело к большим потерям среди наших офицеров и солдат в 1991 году в городе Грозном.

Богатый и всесторонний боевой опыт, накопленный нашей армией в годы Великой Отечественной войны по ведению наступательного боя, является неиссякаемым и ценнейшим источником для дальнейшего развития тактики в условиях многочисленных локальных войн и вооруженных конфликтов современности. Но он показывает и то, что во всестороннем развитии тактики наступательного боя в Великой Отечественной войне огромную роль сыграли наши люди: генералы, офицеры сержанты и солдаты нашей армии. Совершенствование способов и форм боевых действий – это результат их доблести, мужества, бесстрашия, героизма и неиссякаемой творческой инициативы. Без этого были бы невозможны никакие достижения в области развития тактики наступательного боя и военного искусства в целом.

Библиографический список

1. Тухачевский М.Н. О войне. – М.: Госвоениздат, 1929.
2. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах 1917-1941 гг. – М.: Воениздат, 1965.
3. Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). – М.: Воениздат, 1958.
4. Тактика в боевых примерах. Батальон. М.: Воениздат, 1982.
5. Тактика в боевых примерах. Рота. – М.: Воениздат, 1982.
6. Трошев Г.Н. Моя война. – М.: Вагриус, 2001.

Н. В. Рощина

**Организация управления войсками,
совершенствование техники связи**

в операциях Великой Отечественной войны

Достижение победы в бою, успешное выполнение боевых задач неразрывно связано с правильной организацией управления участвующими в бою войсками. Основой основ боевого управления войсками являются средства и системы связи. И сегодня, по мнению ведущих военных экспертов, их вклад в повышение эффективности применения войск и оружия сопоставим с увеличением количества боевых средств, расширением их возможностей или даже с появлением нового, более совершенного вооружения [5].

Пара слов для не связанных с армией читателей. В армии один в поле не воин. Сила ее в том, что на противника воздействуют все подразделения и части одновременно. Для этого надо, чтобы сведения об обстановке непрерывно поступали командиру, а его приказы – боевым единицам армии. Все это обеспечивает связь. Нет связи – нет подразделений, частей, соединений и объединений. Есть отдельные солдаты, отдельные танки, отдельные орудия. Их много, но их будет бить по частям даже очень слабый, но объединенный связью, враг.

Говоря о роли связи в годы Великой Отечественной войны, маршал Советского Союза А.М. Василевский писал: «На связистов налагалась величайшая ответственность за судьбу управления страной и Вооруженными Силами в самый критический момент истории. Во имя этой задачи нельзя было жалеть ни себя, ни других. Так и поступали связисты» [2].

История нам нужна для того, чтобы анализируя опыт прошлого, не совершать ошибок в сегодняшнем и в будущем. Но чему нас учит история становления, развития средств и систем связи?

Накануне Великой Отечественной войны организационно-штатные структуры полков и батальонов связи приграничных особых военных округов содержались по штату

мирного времени, коренным образом отличающемся от фронтовых и армейских полков связи военного времени. На данные части связи возлагалось формирование всего комплекта фронтовых и армейских частей связи на период войны, а также запасных частей. При этом каждая из этих частей должна была формировать от 8 до 14 отдельных частей [3].

Нападение немецко-фашистских войск сорвало формирование частей связи в западных приграничных военных округах (ПриБВО, ЗОВО, КОВО, ОдВО), вследствие чего объединения первого стратегического эшелона не получили всего комплекта положенных им частей связи, за исключением ЗФ и некоторых армий, например, 9А ЮФ. Таким образом, большинство частей связи объединений (соединений), существовавшие в мирное время, вынуждены были действовать в том составе, в котором застала их война.

В начальный период войны вся система управления войсками, по существу, основывалась на проводную стационарную сеть связи с использованием государственных магистральных постоянных воздушных линий связи и узлов связи, обеспечивающих телефонную связь.

С началом Великой Отечественной войны в условиях стремительного наступления немцев штабы наших армий, а то и целых фронтов оказывались то и дело отрезанными от центра, из-за разрушения узлов и магистральных линий связи ударами авиации противника. Кроме того, к 22 июня немцы забросили к нам в тыл невероятное количество диверсионных групп, главной задачей которых было повреждать линии связи и убивать посыльных. Без телефонной связи никаких армий, корпусов, дивизий и полков у нас в западных округах не стало. Вместо них образовались несколько тысяч рот и батальонов, которые действовали

без единых планов и приказов.

Альтернативой телефонной связи могла выступить радиосвязь. Однако этого не произошло, так как радиосвязь фронтов и армий, не говоря о частях и подразделениях тактического звена управления, накануне войны была развита крайне слабо. Советские войска испытывали острый недостаток в радиостанциях. Стратегическое звено управления было обеспечено радиостанциями РАТ (образца 1935 г.) на 39%, РАФ (образца 1937 г.) и заменяющими их – на 80%, зарядными агрегатами – на 45%. Не лучше обстояло дело и в особых военных округах: Западный был укомплектован радиостанциями только на 27%, Киевский – на 30%, Прибалтийский – на 52%. В отдельных объединениях и соединениях некомплект радиостанций составлял 70% к штатам [3].

У поражений начала войны много составляющих: это и неспособность нашего Генштаба распознать планы немцев, и острейшая нехватка младшего и среднего состава, и необученность войск, и несовершенство техники и вооружения. Но ни одна из этих причин, на наш взгляд, не вызвала столь катастрофических последствий, какие вызвало отсутствие в Красной Армии радиосвязи. Формально радиостанции были, но их было столь мало и качество их было таково, что можно считать, что мы начали войну без радиосвязи. И вина в этом, на наш взгляд, лежит на М.Н. Тухачевском, который с 1831 г. по 1936 г. был заместителем наркома обороны по вооружению Красной Армии. Именно он, заказывая огромное количество танков, организовывая танковые корпуса (соединения, на вооружении которых находилось 1031 танк!) не развил радиосвязь. А без радиосвязи были бесполезны и танки, и их соединения. Чтобы это понять надо образно представить танковую роту в реальной атаке. Вот, скажем, атакует наш передний край немецкая танковая рота. Все 10 - 15 танков ее связаны ра-

диосвязью. Танки приближаются к нашему переднему краю и тут по ним открывает огонь не разведанный немцами ранее наш противотанковый артиллерийский дивизион. Командир роты по радиостанции немедленно дает команду роте отойти, и одновременно сообщает об этом в штаб. Штаб посылает приказом по радио к месту боя артиллерийских наблюдателей и те по радио вызывают и корректируют огонь гаубичных батарей по позициям дивизиона. Одновременно штаб связывается по радиостанции со станциями наведения люфтваффе. Те по радиостанции вызывают на позиции дивизиона пикирующие бомбардировщики. Дивизион подавлен, танковая рота вновь атакует и прорывает оборону без потерь.

А наша танковая рота? Командир на исходной позиции вылезает из башенного люка и машет флажками: «Делай как я», так как радиостанция имеется только в командирском танке. Далее командир идет в атаку впереди всех, его танки натываются на противотанковую оборону, как и в вышеописанном примере. Остановить танки роты нет возможности без радиосвязи, они вынуждены, исполняя приказ, идти на расстрел. Чтобы остановить роту командир, если он еще не убит, вынужден снова вылезти из танка и махать флажками и это на виду пехоты противника, ее снайперов и пулеметчиков.

Чтобы реально представить, что значит «иметь радиосвязь», необходимо сравнить насыщенность радиостанциями наших и немецких войск в начальный период войны.

Западный фронт, под командованием генерала армии Д.Г. Павлова состоял из 4 армий (3, 4, 10, 13). Всего около 50 дивизий всех видов или в пересчете на подразделения равнозначные батальону – примерно 1300 батальонов, или более 400 батальонов, дивизионов и эскадрилий в расчете на одну общевойсковую армию. В каждой армии

было по три радиостанции, которые были выведены из строя уже к середине дня 22 июня. Фактически с этого дня связь в округе прекратилась и все усилия штаба Западного фронта сводились не к планированию обороны, а к тому, чтобы узнать, где находятся войска и что делают. Фронт развалился на отдельно действующие части [1].

А немецкий мотопехотный батальон, помимо ультракоротковолновой радиостанции на каждом бронетранспортере с радиусом действия 3 км, имел на таких же бронетранспортерах еще и коротковолновые радиостанции для связи с вышестоящим командованием. Этих бронетранспортеров с радиостанциями, защищенных броней как наши танки и неотличимых от других типов машин, в штате немецкого мотопехотного батальона по расписанию на 1.02.1941 г. полагалось 12 единиц!

В нашей общевойсковой армии, объединяющей около 400 таких подразделений, как немецкий батальон, было всего 3 радиостанции на незащищенных автобусах, а у немцев по 12 на БТРах в каждом батальоне, не считая ультракоротковолновой радиостанции на каждой единице боевой техники.

У немцев даже командиры артиллерийских взводов имели свой БТР с радиостанцией, а в нашей армии и в 1945 г. командиры танковых бригад возили командиров дивизионов приданных им артиллерийских полков с уже появившимися радиостанциями снаружи, на броне своих командирских танков.

Так какой нам был толк при такой связи от 10 тыс. танков в западных округах на начало войны? Какой толк был от 50 тыс. танков без радиостанций, которые М.Н. Тухачевский заказывал у промышленности?

Еще меньше было толку без связи от самолетов в войсках западных округов. Когда наши летчики знали, куда лететь и с кем драться, то дрались они неплохо даже на

слабой технике.

Советская авиация 22 июня в воздухе и на аэродромах потеряла около 1000 самолетов, а за первые две недели войны – 3500. Но в западных округах было 33 авиадивизии с более чем 10 тыс. самолетов. В то же время немцы имели 4 тыс. боевых самолетов, и у нас даже через две недели боев оставалось еще 6,5 тыс. самолетов – полное превосходство в количестве! Почему же наши войска все время были без авиационного прикрытия и поддержки? А потому, что для прикрытия и поддержки сухопутных войск летчики должны были знать, кто именно в их помощи нуждается. А как это узнать без связи?

Еще в 1939 г. на 4 тыс. боевых самолетов всех немецких ВВС приходилось 16 полков и 59 батальонов связи, то есть – примерно 15 связистов на один самолет. Немецких летчиков наводили на цели с земли, по радиостанциям, используя все имеющиеся разведданные, поэтому они всегда начинали бой с выгодной для себя позиции и внезапно для наших.

А у нас даже в 1942 г. командующий ВВС в своем приказе отмечал, что 75% вылетов советской авиации делается без использования радиостанций. Они, кстати, в это время были только на командирских самолетах, а у остальных – приемники. Командные пункты авиации появились только к концу войны, да и то, судя по всему, это было далеко не то, что было у немцев.

Для любой страны является огромной трагедией, если она ведет войну не тем оружием, которое накопила перед войной. Это означает, что огромный человеческий труд и усилия были потрачены зря, это означает, что сотни тысяч, миллионы людей были убиты в боях из-за несовершенства оружия.

Немцы практически начали и закончили войну тем оружием и той техникой, которые они разработали в пери-

од, когда и М.Н. Тухачевский заказывал советским конструкторам, что проектировать, а советским заводам — что и сколько выпускать для Красной Армии.

Та наша техника и оружие, которые сделали войну (танки Т-34 и КВ, штурмовик ИЛ-2, бомбардировщик ПЕ-2, истребители ЯК, МиГ, ЛаГГ, зенитные орудия, минометы, «Катюши» и многое другое) были заказаны маршалом Г.И. Куликом.

Действия М.Н. Тухачевского на посту замнаркома по вооружению имели очень тяжелые последствия для Красной Армии, так как постановка на производство совершенно нового изделия требует порой десятилетий, даже если это делается с иностранной помощью. Ведь для производства нужно не только иметь достаточно опытных специалистов по конструированию изделия, а опыт приобретает только с годами работы, но и развить производство комплектующих и материалов в других отраслях, скажем, в металлургии, химии, моторостроении и т. д.

Таким образом, если для войны требовалось нечто, что было в СССР в зачаточном состоянии, то оценить это нечто и своими заказами заставить промышленность освоить его производство обязан был М.Н. Тухачевский.

Все недостатки по работе связи были отмечены в приказе НКО от 23 июля 1941 года «Об улучшении работы связи в Красной Армии» с целью дальнейшего их устранения.

Важную роль в обеспечении войск техникой и аппаратурой связи сыграло решение ГКО, согласно которому промышленность средств связи была приравнена к заводам народного комиссариата авиационной промышленности по вопросам материально-технического снабжения. Количество заводов, производящих радиоаппаратуру, с 19 перед началом войны было доведено в 1944 г. до 35, из них автомобильные радиостанции выпускали 2 завода, переносные

всех типов – 8, танковые – 5, радиолампы – 5, источники питания – 6, остальные заводы выпускали радио и измерительную аппаратуру для ВВС, войск ПВО и т. д.

В первом периоде войны на снабжение Красной Армии было направлено 49976 радиостанций, во втором – 66746, в третьем периоде войны войска связи получили 89595 радиостанций различных типов. В конце декабря 1941 г. – начале января 1942 г. в части связи стали поступать новые и модернизированные радиосредства. Так, были выпущены модернизированная общевойсковая радиостанция РСБ-Ф, модернизированные танковые радиостанции 9Р и 10Р, радиостанция РАФ-КВ-бис, реконструированная затем в РАФ-КВ-3. Ввиду недостатка радиостанций РБ и РБМ в начале 1942 г. поступила в войска радиостанция 12РП, созданная на базе гражданских радиоприемников. Во второй половине 1942 г. в войска поступила танковая радиостанция 13РТ, а для повышения устойчивости радиосвязи в танках командиров соединений БТ и МБ стали устанавливать радиостанции РСБ-Ф. В конце 1942 г. была разработана новая УКВ радиостанция А-7 для связи в стрелковых и артиллерийских полках. Осенью 1943 г. были разработаны экспериментальные образцы аппаратуры буквопечатающей к радиостанции РАФ, штабы всех фронтов получили помехозащищенную буквопечатающую аппаратуру «Алмаз» с радиостанцией РАТ. В звене «фронт–армия» внедрялась в войска помехозащищенная радиостанция «Карбид», в звене «армия–корпус» – помехозащищенная буквопечатающая аппаратура «Бекан» с радиостанцией РСБ-Ф-3. Были изготовлены 20 комплектов УКВ радиолиний «Комета», ставших прообразом первых РРС, испытана и одобрена усовершенствованная радиостанция для ВДВ «Прима-2» [3].

В 1944 г. промышленность поставила в войска 64033 радиостанции всех типов (1941 г. – 9586), причем

выпуск радиостанций по сравнению с 1940 г. увеличился: РАТ – в 2 раза, РСБ – в 7 раз, РАФ – в 20 раз.

В 1944–1945 гг. обеспеченность частей и подразделений связи радиостанциями большой мощности составляла 70–75%, средней мощности – 80%, переносными радиостанциями – 70–80%.

Положение с обеспечением армии средствами проводной связи с началом войны также ухудшилось. К концу 1941 г. все телефонно-телеграфные и кабельные заводы были эвакуированы, поставка войскам телеграфной и почти всей телефонной аппаратуры на некоторый период прекратилась, а возобновление производства в новых районах было сопряжено с большими трудностями. Особенно неблагоприятно было с поставкой полевого кабеля, телефонных аппаратов и коммутаторов, а также телеграфных аппаратов Бодо. Так, в начале 1942 г. потребности войск в телефонных аппаратах обеспечивались на 15–20%, а полевые телефонные коммутаторы средней емкости и телеграфные аппараты Бодо вообще не поставлялись.

Только с 1943 г. войска стали получать многожильные телефонно-телеграфные кабели ТТВК-5х2 и ТТВК-10х2, новые телефонные аппараты 2БДА-43, ТАИ-43, индукторные телефонные коммутаторы К-10, ПК-1С, ПК-30.

Таким образом, в начальный период войны, части связи всех звеньев управления имели значительный комплект не только в личном составе, но и в средствах связи различного назначения, связь организовывалась, как в тактическом, так и в оперативном звене управления преимущественно ограниченными средствами связи, причем их комплект достигал 50–60%. И только начиная с конца 1942 – начала 1943 гг., ценой невероятных усилий советского народа, руководства страны, удалость наладить выпуск и поставку в войска необходимых средств радио- и проводной связи.

В настоящее время в ВС также особо остро стоит проблема обновления имеющегося парка средств связи более современными. Большинство эксплуатируемых в войсках радиоэлектронных устройств работают за гранью сроков гарантийной эксплуатации. Возникшее в 80–90-х годах отставание в развитии средств связи от вооружения не удалось сократить и в настоящее время. Проходящие на базе частей и подразделений связи сборы запасников, вызывают у последних противоречивые чувства. Разочарование оттого, что со времени их службы средства связи почти не изменилась и восторг оттого, что все еще работает и позволяет выполнять боевые задачи.

На конференции по безопасности России в одном из докладов было сообщено, что сегодня у нас все автоматические телефонные станции по контракту реконструируют американцы компьютерными системами, они же и программируют эти системы. Для чего это? Для того, чтобы в угрожающий период по всей России вышла из строя телефонная сеть? ПЭВМ иностранного производства, применяемые в штабах частей и соединений ВС, также не способствуют повышению их обороноспособности.

Говорят, самая высокая оценка работы связистов – это когда их никто не замечает. Устойчивая и «чистая» связь представляется командирам такой же естественной вещью, как наличие кислорода в воздухе, воды в водопроводном кране. Но стоит тому или иному исчезнуть – как сразу же возникают неудобства и проблемы. Подчас несовместимые с жизнью...

Антитеррористическая операция на Северном Кавказе показала, что представление о связи как вспомогательном факторе боя устарело. Надежность управления и связи – это уже боевой элемент, слагаемое достижение победы в бою. ВС смогут выполнить возложенные на них за-

дачи только в том случае, когда войска будут своевременно оснащены надежными высокотехнологичными средствами связи.

Примечания

1. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3-х т. Т.1 – 9-е изд. – М.: Изд-во «Агентство печати Новости», 1988. – 303 с.
2. Василевский А.М. Дело всей жизни. – М.: Политиздат, 1973. – 604 с.
3. История развития войск связи. – М.: Воениздат, 1980. – 345 с.
4. Военная история. – М.: Воениздат, 1984. – 630 с.
5. Основы организации связи в Сухопутных войсках. Часть 3: Учебник. – СПб.: ВУС, 2003. – 312 с.
6. Основы организации связи в подразделениях и частях Сухопутных войск: учебное пособие. – Ярославль: ЯВФЭИ, 2006. – 368 с.
7. Мамонов А. Главный связист страны // Ориентир. – 2004. – №2. – С. 68-69.

А.М. Лушников

Субъективные заметки о военачальниках Второй мировой войны

По известному выражению Г. фон Мольтке, «военачальник – это судьба народа». Оно не может претендовать на универсальность, но для периодов крупных военных катаклизмов, несомненно, верно. Именно к таким периодам относится Вторая мировая война. Помимо ряда других факторов, ход и исход этой войны зависел от мастерства полководцев. Они стали своеобразными выразителями того, что Г. Гегель называл «духом нации».

Этнические особенности, религия, жизненный уклад, менталитет, общественный строй и государственная

идеология – все это наложило свой отпечаток на личность командиров Второй мировой войны. Эта война стала действительно первой глобальной войной моторов, где помимо сухопутных войск и флота, определяющую роль играла еще и авиация. Кроме того, кавалерию заменили танки и моторизованные войска, а во флоте на первые роли вышли авианосцы и морская авиация наземного базирования. В этой связи анализ деятельности полководцев воюющих сторон становится просто невозможным без определенной классификации. Сравнению подлежат только однопорядковые явления, имеющие эквивалентные признаки. Все это позволяет нам выделить, по меньшей мере, три категории военачальников в соответствии с принадлежностью к видам вооруженных сил: сухопутные войска (общевойсковые формирования), военно-морской флот, военно-воздушные силы. Сравнение возможно проводить только внутри этих групп. Полководцев-универсалов было единицы.

Стоит отметить немецкого фельдмаршала А. Кессельринга, который успешно командовал воздушными флотами в компаниях в Польше и Бельгии, а также в воздушной «битве за Англию» (1939 – 1940 гг.). С 1941 г. он стал главнокомандующим группы армий «Юг» и был одним из руководителей войск в Северной Африке. Более года его войска вели упорные бои в Италии с абсолютно превосходившими армиями союзников. Адмирал Ч. Нимиц причастен к выработке американской стратегии «лягушачьих прыжков» по освобождению оккупированных Японией островов Тихого океана. Но основная его ипостась – все-таки ВМФ.

Отдавая должное флоту и авиации, надо отметить, что судьба войны решалась все-таки на суше, хотя и при активном участии двух вышеназванных видов вооруженных сил. Все это позволяет нам сосредоточить внимание именно на командирах сухопутных войск. В этой связи

рейтинговая расстановка по типу популярных ныне «100 великих» кажется нам беспредметной. Так, американец М.Л. Лэннинг в числе «100 великих полководцев» всех времен определил 22-х участников Второй мировой войны. Среди них 7 американцев, 5 немцев, 3 англичан, 2 представителя СССР, 2 китайца, по 1 финну, японцу, югославу [1]. Среди них такие политики как А. Гитлер (И.В. Сталина, Ч. Черчилля и Ф. Рузвельта нет), Мао Цзэдун, И. Броз Тито, Чан Кайши, кроме того, упомянуты 3 адмирала и генерал ВВС. Российская версия «100 великих» менее оригинальна, но также весьма своеобразна. В ней на Вторую мировую войну приходится 11 военачальников: 4 представляют СССР, 2- США, по 1- Великобританию, Германию, Финляндию, Японию, Китай [2]. Адмирал остался только один, но Чан Кайши в списке уцелел. Среди лучших полководцев в истории России на период Второй мировой войны, по мнению некоторых авторов, приходится 5, причем открывает список И.В. Сталин [3]. Чем руководствовались вышеназванные авторы остается только гадать, хотя их патриотизм сомнений не вызывает.

Для нас очевидна необходимость нахождения объективного критерия как для сравнения, так и для оценки роли военачальников в истории. Так же очевидно, что и среди общевоинских военачальников необходимо выделить, по меньшей мере, две категории: 1) руководители Генеральных штабов и стратегических операций на уровне группы фронтов и группы армий, назовем их условно генштабистами; 2) руководители в звене от корпуса до группы армий (фронта) включительно. Назовем их условно полководцами. Примечательно, что в общественном сознании классическими военачальниками являются полководцы. Это понятно с учетом того, что многие генштабисты могли даже ни разу не выезжать на фронт, а их главными качествами были умение ладить с политическим руководством

страны и союзниками в войне. Но и генштабисты, и полководцы составляли необходимые уровни военного руководства, вертикаль которого упиралась в конкретные воинские части и подразделения. Универсалов в среде военачальников было относительно немного, а наиболее яркими из них были А.М. Василевский и Э. Манштейн.

Рискнем предположить, что выдающиеся, а, тем более, великие военачальники в рассматриваемый период были только в четырех государствах: СССР, США, Великобритании и Германии. Это адекватно отражает роль этих государств в войне. Данный факт не означает, что в других государствах не было хороших командиров. Например, во Франции – это П. Кениг, Ж. де Латтр де Тассиньи, Ф. Леклерк, в Италии – У. Кавальеро и В. Амброзио и др. Но они воевали под стратегическим руководством своих более значимых союзников. Отдельного упоминания достойна Япония. В силу известного этноцентризма и самурайских традиций эта страна не дала ни одного выдающегося военачальника, хотя хороших полководцев было вполне достаточно. Это, например, фельдмаршал Х. Тэраути, генерал Т. Ямасита по прозвищу «Тигр Малайи».

В настоящее время накоплен достаточно большой массив публикаций, позволяющий осветить вклад военачальников в историю Второй мировой войны. Определенный интерес представляет справочная и биографическая литература общего характера [4]. Еще в советский период число публикаций о советских полководцах уже измерялось многими сотнями [5]. К сожалению, как содержание этих работ, так и мемуары военных деятелей были подвергнуты политической цензуре [6]. В постсоветский период большинство изданий шло либо в традиционном русле, либо содержало острую критику, в том числе деятельности полководцев [7]. Особенно в этом плане притягательна фигура маршала Г.К. Жукова. В настоящее время сформиро-

валось уже целое научное направление, которое можно назвать «жукововедением». В числе его критиков видное место занимают Б.В. Соколов и В. Суворов [8]. В постсоветский период существенно вырос объем публикаций о военачальниках Германии и ее союзников [9]. Это же касается и мемуарной литературы [10]. Несколько менее представительна научная и мемуарная литература о военачальниках стран -союзниц СССР по антигитлеровской коалиции [11]. Обширную информацию о деятельности американских военачальников в войне на Тихом океане дает многотомное исследование С.Э. Морисона «Американские ВМФ во Второй мировой войне» [12].

Для оценки военачальников традиционно используется две группы критериев. Первые являются формальными: воинское звание и должность, масштабы проведенных операций, численность подчиненных частей и подразделений и др. Эти формальные критерии важны, но не являются определяющими сами по себе. Например, в гитлеровской Германии было 25 фельдмаршалов (19 в сухопутных войсках и 6 в ВВС), что наводит на сравнение с 26 маршалами Наполеона. Но сравнение будет явно в пользу французов, а некоторые из лучших немецких военачальников фельдмаршалами так и не стали. У англичан было всего 8 фельдмаршалов, а у американцев - 6 полных («пятизвездных») генерала. Советские маршалы также крайне по-разному проявили себя в войне.

Качественные критерии, составляющие вторую группу, показывают число успешно проведенных операций и выигранных сражений, умение взаимодействовать с вышестоящим командованием и политическим руководством, а так же с союзниками. В эту же категорию входят и человеческие качества, черты характера, «вредные привычки». Отметим, что именно скверный характер не позволил некоторым вполне достойным военачальникам занять высокое

место в военной иерархии. Надо иметь в виду, что некоторые из военных руководителей оказывались в ситуации, когда победа в силу объективных причин была для их армии невозможна, но они минимизировали последствия поражений. Стратегические решения части военачальников отвергались политическим руководством, а потенциал некоторых из них в силу объективных или субъективных причин так и не раскрылся. Перейдем к краткому обзору по четырем вышеназванным государствам.

СССР. Большинство советских военачальников родились в 90-х гг. XIX в., были выходцами из рабочих и крестьян, участвовали в Первой мировой войне младшими офицерами или рядовыми, младшими или средними командирами в Гражданской войне. В образовании стандарта не было: от ускоренных курсов (Г.К. Жуков), до двух академий (А.И. Антонов). Карьерный взлет большинства из них пришелся на период после волны репрессий 1937 – 1938 гг.

Лучшие советские генштабисты действительно возглавляли Генштаб на протяжении всей Великой Отечественной войны (кроме первых недель). Это маршалы Б.М. Шапошников, А.М. Василевский и генерал армии А.И. Антонов.

Б.М. Шапошников был выдающимся военным теоретиком, учителем большинства видных советских военачальников. Важную роль он сыграл при организации обороны столицы и в контрнаступлении под Москвой. Но еще больше его предложений были отвергнуты: об обходе «Линии Маннергейма» в войне с Финляндией, об отходе на «Линию Сталина» накануне немецкого вторжения, об организации стратегического отступления после вторжения и о преждевременности контрнаступления на Харьков летом 1942 г. Его ученик А.М. Василевский принимал участие в планировании всех основных операций и координации

фронтов в Сталинградской и Курской битвах, в Восточной Пруссии, Белоруссии и Польше. С марта 1945 г. он командовал 3-м Белорусским фронтом, а затем руководил советскими войсками при разгроме японцев на Дальнем Востоке. А.И. Антонов возглавлял с февраля 1945 г. Генеральный Штаб, а до этого возглавлял штабы ряда фронтов и был заместителем А.М. Василевского в Генштабе. Он принимал участие в планировании операций под Курском, в Белоруссии и наступления на Берлин. В последней операции его роль особенно велика. При этом он смог наладить хорошие отношения с союзниками по антигитлеровской коалиции. А.И. Антонов участвовал в качестве главного военного эксперта в Московской, Потсдамской и Ялтинской международных конференциях.

Что касается советских полководцев, то к числу лучших относятся маршалы Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский и И.С. Конев.

Г.К. Жуков имеет приоритет как в силу служебного старшинства, так и масштаба личности. На его счету разгром японцев на Халхин-Голе, контрнаступление под Москвой, руководство войсками в Сталинградской и курской битвах, в боях за Белоруссию и Польшу. Организация штурма Берлина не стала его успехом, как и трагическое начало Великой Отечественной войны, провал под Смоленском в августе 1941 г. Вместе с тем, он был успешен как в организации обороны, так и в наступлении.

Его бывший начальник К.К. Рокоссовский был мастером наступления и участником первых контрударов советских войск летом 1941 г. Его войска сыграли ведущую роль в Сталинградской битве, в контрнаступление под Курском, окружении немцев под Бобруйском и в Восточной Пруссии. С точки зрения человеческих качеств, его личность наиболее привлекательна.

И.С. Конев начал боевые действия неудачно и был едва не репрессирован. Но впоследствии его войска смогли остановить продвижение немцев под Москвой, а затем выдержать немецкий натиск под Курском. Его звездным часом стала Корсунь–Шевченковская операция 1944 г. Войска И.С. Конева достойно сражались под Берлином и за освобождение Праги.

США. Большинство американских военачальников родились в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в., были выходцами из среднего класса, участвовали в Первой мировой войне младшими или старшими офицерами, участвовали в локальных конфликтах. Карьерный рост большинства из них в межвоенный период был крайне медленным, а взлет начался с началом Второй мировой войны. Многие из них были выпускниками военной академии в Вест–Пойнте, обучались в штабных и командных колледжах, проходили в дальнейшем службу инструкторами и преподавателями в учебных заведениях и центрах.

В силу ряда специфических факторов в американской армии преобладал тип военачальника-генштабиста. Лучшими из них были генералы Д. К. Маршалл, Д. Эйзенхауэр, Д. Макартур.

Д. К. Маршалл на протяжении всей войны был начальником штаба армии США и Объединенного комитета начальников штабов. Он сыграл выдающуюся роль в подборе военных руководителей, определении общей стратегии антигитлеровской коалиции, последовательно придерживался принципа «Германия на первом месте». У него были хорошие отношения как с администрацией президента Ф. Д. Рузвельта, так и с командованием союзников. Д. Эйзенхауэр, один из выдвиженцев Маршалла через 9 лет после Вест–Пойнта получил звание майора, а затем еще 12 лет ждал подполковника. Зато в период войны он получил 6 воинских званий за 6 лет. Он руководил высадкой союз-

ных войск в Северной Африке (операция «Торч»), участвовал в подготовке высадки в Италию. Вершиной его карьеры стала высадка союзников в Нормандии и общее руководство войсками союзников в Европе. Здесь он проявил себя как мастер управления межсоюзническими войсками и как дипломат. Наконец, Д. Макартур был наиболее спорной фигурой. Лучший ученик Вест-Пойнта за всю его истории, командовавший дивизией уже в Первую мировую войну, начальник штаба Армии США в 1930 - 1935 гг. – таковы вехи его довоенной карьеры. Но сначала он безнадежно проиграл битву за Филиппины. Затем последовало многолетнее освобождение островов Тихого океана (стратегия «лягушачьих прыжков») и принятие капитуляции Японии. Его несдержанность, а затем и прямая конфронтация с политическим руководством не делают ему чести.

Что касается американских полководцев, то к числу лучших относятся, на наш взгляд, генералы О. Брэдли, Д. Стилвелл и, с оговорками, Д. Отали.

О. Брэдли, однокурсник по Вест-Пойнту и протеже Д. Эйзенхауэра, так же в межвоенный период продвигался по служебной лестнице крайне медленно. Войну он начал командиром дивизии. Бои в Тунисе он завершил командиром корпуса, участвовал в боях за Италию. Во время и после высадки в Нормандии сначала командовал армией, затем – группой армий. Темным пятном в его карьере стало немецкое контрнаступление в Арденнах (декабрь 1945 г.). Руководил форсированием Рейна и оккупацией южной Германии. О. Брэдли был популярен в войсках и получил прозвище «Солдатского генерала». Д. Стилвелл, который почти всю войну провел в Китае и Бирме, был начальником штаба у Чан Кайши, способствовал приостановке японского наступления в 1942 г. В 1944 г. он был одним из руководителей освобождения Бирмы, а закончил войну командармом на о. Окинава. Он испортил отношения и с анг-

личанами, и с китайцами, но был, вероятно, одним из лучших тактиков американской армии. Д. Отали, хороший командир, но своеобразный человек, подменял некомпетентность грубостью и до сих пор вызывает к себе двухсмысленное отношение. Он участвовал в операции «Торч» командиром корпуса, а в боях за Италию – командующим армией. В боях во Франции и Германии он показал себя мастером прорыва, особенно в Арденнах в начале 1945 г.

Великобритания. Большинство английских военачальников родились в 80-х – начале 90-х гг. XIX в., были выходцами из высшего сословия, участвовали в Первой мировой войне младшими или старшими офицерами, участвовали в колониальных войнах. Многие из них были выпускниками привилегированных учебных заведений, обучались в штабных и командных колледжах, проходили в дальнейшем службу в колониях, а так же инструкторами и преподавателями в учебных заведениях и центрах.

Лучшими британскими генштабистами являлись, на наш взгляд, фельдмаршалы А. Брук, Г. Александер, А. Уэйвелл.

А. Брук, будучи командиром корпуса, смог организовать эвакуацию войск из Дюнкерка. С конца 1941 г. до конца войны возглавлял Генштаб, удачно воплощая в стратегию политические замыслы У. Черчилля. Основной разработчик плана высадки союзников в Нормандии, сторонник активизации войны с Германией. Хорошо контактировал с союзниками. Г. Александер, в свое время самый молодой британский генерал, начал войну не удачно (поражение его дивизии во Франции (1940 г.) и армии в Бирме (1942 г.)). В Северной Африке к его армии пришли победы, затем он руководил войсками союзников в Италии и во всем Средиземноморье. А. Уэйвеллу повезло меньше. Впрочем, командуя сначала войсками на Ближнем Востоке, он в начале 1941 г. разбил итальянцев в Ливии и освободил

Эфиопию. Не доверявший ему У. Черчилль перевел генерала в Индию, где он возглавил союзное командование. Японцев он остановить не смог, а при подготовке и осуществлении контрнаступления был назначен вице-королем Индии.

Что касается британских полководцев, то к числу лучших относятся, на наш взгляд, фельдмаршал Б. Монтгомери, генералы Б. Фрейберг и У. Слим.

Б. Монтгомери, обладавший скверным характером, быстро переходил от излишней осторожности к авантюрам. Отсюда неудачно начавшаяся французская компания 1940 г. в качестве командира дивизии и провал операции «Маркет Гарден» в 1944 г. В его активе результативное командование армией в Северной Африке, бои в Италии. После вторжения во Францию он успешно командовал группой английской армии. Б. Фрейберг, представитель Новой Зеландии, начал с успешного командования дивизией на о. Крит. Один из лучших командиров в боях за Северную Африку, командир корпуса в Италии. У. Слим успел со своей дивизией успешно повоевать в Судане с итальянцами, затем в Сирии и при оккупации Ирана. В Бирме он смог сохранить организацию войск при отступлении в 1942 г., а в качестве командующего армией он освобождал Бирму в 1945 г.

Германия. Большинство немецких военачальников родились в 80 гг. XIX в., были выходцами из разных сословий, но многие с прусскими корнями, участвовали в Первой мировой войне младшими офицерами, участвовали в создании Вермахта. Практически все они были выпускниками военных академий, являлись инструкторами и преподавателями в военно-учебных заведениях.

Лучшими немецкими генштабистами являлись, на наш взгляд, фельдмаршалы Э. Манштейн, генералы Ф. Гальдер и А. Йодль.

Э. Манштейн, будучи начальником штаба группы армий, стал разработчиком плана нападения на Францию и стран Бенелюкса. Его армия захватила Крым, а возглавляемая им группа армий «Дон» едва не разблокировала Сталинградский котел. Он организовывал захват Харькова в феврале 1943 г., а затем стратегическое отступление до марта 1944 г. Не допустив ни одного крупного окружения своих войск. Э. Манштейн был конфликтным человеком, и выполнял функции полководца, являясь, по сути, генштабистом. Ф. Гальдер был типом чистого генштабиста и возглавлял Генштаб Вермахта в 1938 - 1942 гг. Он участвовал в планировании и осуществлял руководство вторжением в Польшу, Францию, Югославию, готовил операции против Великобритании и СССР. А. Йодль практически всю войну возглавлял Штаб оперативного руководства Верховного командования Вермахта, спланировал и координировал оккупацию Норвегии. А. Йодль был причастен ко всем крупным операциям на Западном фронте.

Что касается немецких полководцев, то к числу лучших относятся, на наш взгляд, фельдмаршалы Э. Роммель, Г. Гудериан и В. Модель.

Э. Роммель традиционно считается лучшим тактиком Третьего рейха. С танковой дивизией он участвовал в захвате Франции, а с начала 1941 г. до начала 1943 г. вся его деятельность была связана с руководством африканским корпусом (затем армией), от удачного наступления до организованного отступления. В Европе он командовал группой армий, но не сумел организовать успешную высадку союзников в Нормандии. Г. Гудериан был одним из создателей германских танковых войск, командиром корпуса при вторжении во Францию и армии - при вторжении в СССР. Его танки окружили советские войска в котлах под Киевом и Уманью, но были остановлены под Москвой. Затем он был на административной должности инспектора

танковых войск, а с лета 1943 по начало 1945 гг. был начальником Генштаба Вермахта. Впрочем, он был классическим полководцем, а не генштабистом. В. Модель начинал как начальник штаба корпуса и армии соответственно при вторжении в Польшу и Францию, командовал дивизией в армии Г. Гудериан при вторжении в СССР, отличился под Смоленском. На Восточном фронте командовал последовательно корпусом, армией, руководитель северного крыла в боях за Курск. Организовал успешное отступление в качестве командующего группой армий. На Западе отличился в боях за Арнем, но был окружен в Рурском котле.

Примечания

1. Лэннинг М.Л. Сто великих полководцев. – М., 1998.
2. Шишов А.В. Сто великих военачальников. – М., 2000.
3. Лубченков Ю.Н. Самые знаменитые полководцы России. – М., 1999.
4. Киган Д., Уиткрофт Э. Кто есть кто в военной истории. – М., 2000; Кто есть во Второй мировой войне / под ред. Д.Кигана. – М., 2000 и др.
5. Полководцы Великой Отечественной войны. СПб. Вып. 1-2. – М., 1971, 1979; Советские полководцы и военачальники. – М., 1988 и др.
6. Василевский А.М. Дело всей жизни. В 2 кн. – М., 1988; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. – М., 1987; Мерецков К.А. На службе народу. – М., 1983; Рокоссовский К.К. Солдатский долг. – М., 1985 и др.
7. Мерцалов А.Н. Сталинизм и освещение прошлого. // История и сталинизм. – М.; СПб., 1991. – С. 382-447; Соколов Б.В. Тайны Второй мировой. – М., 2001; Он же. Правда о Великой Отечественной войне. СПб., 1998 и др.
8. Соколов Б.В. Неизвестный Жуков: Портрет без ретуши. – Минск, 2000; Суворов В. Маршал Победы. – М., 1999 и др.

9. Залесский К.А. Вожди и военачальники Третьего рейха. – М., 2000; Он же. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. – М., 2003; Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. – М., 1998; Митчем С., Мюллер Д. Командиры «Третьего рейха». – Смоленск, 1997 и др.
10. См.: Гот Г. Танковые операции. – Смоленск, 1999; Гудериан Г. Воспоминания солдата. – Смоленск, 1998; Кох Л. Лис пустыни. Генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель. – Ростов-на-Дону, 1999; Манштейн Э. Утерянные победы. – М.; СПб., 2002; Мессенджер Ч. Гладиатор Гитлера. – М., 2004 и др.
11. См.: Бредли О. Записки солдата. – М., 2003; Залесский К.А. Кто есть кто во Второй мировой войне. Союзники СССР. – М., 2004; Иванов Р.Ф. Дуайт Эйзенхауэр. – М., 1983; Кузнецов Л.М. Стопроцентный американец: Исторический портрет генерала Макартура. – М., 1990; Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. – М., 2001 и др.
12. См.: Морисон С.Э. Восходящее солнце над Тихим океаном. М., 2002; Он же. Прорыв барьера у архипелага Бисмарка. М., 2003; Он же. Борьба за Гуадалканал. М., 2003; Он же. Война в Микронезии. М., 2004; Он же. Острова Гилберта, Маршалловы острова и Новая Гвинея. М., 2005 и др.

Н.Я. Гребенев, М.И. Каратуев, М.И. Фролов
Об особенной роли крестьянства в завоевании
Победы. К обсуждению в связи с новейшим
исследованием В.Т. Анискова

В канун 60-летия Победы увидела свет незаурядная монография доктора исторических наук, заведующего кафедрой истории России Ярославского университета, известного крестьяноведа В.Т. Анискова [1]. Опубликованная Российским гуманитарным научным фондом, отмеченная

иными грантами, она получила высокую оценку научной общественности. Ей посвящен ряд авторитетных и несомненно значимых сопутствующих и последующих рецензий в научной и другой печати, в том числе в таких известных журналах, как «Новая и новейшая история» (РАН) и «Военно-исторический журнал» (Мин. обороны РФ) [2]. Их авторами выступили крупные и непосредственные исследователи истории Великой Отечественной войны.

Вместе с тем столь значимое историографическое издание не нашло даже информационного сообщения в самом близком по научно-профессиональной проблематике журнале РАН «Отечественная история». Но мы далеки от какого-либо упрека и даже более того. В наше жестко-колючее и далеко не монотонное в исторической науке время подобная выдержка – свидетельство доброй осмотрительности и упредительности академического журнала, который всегда имеет за собой веское право высказаться итогово и обобщающе. Мы, кажется, тоже мыслили подобным образом, хотя, видимо, более интуитивно. Теперь же пришло время определиться и вслух, тем более, что и сам автор просил об этом в своей же книге. И еще раз тем более в связи с задержкой соответствующей публикации в журнале «Отечественная история».

В качестве минимума можно бы ограничиться развернутой, но не трафаретной рецензией в этом же журнале. Однако, раз уж так замыслилось, хотелось бы поступить основательнее, дабы снять какие-либо подозрения «в замалчивании» солидного труда, а главное, не упустить очень своевременной возможности целенаправленно и широко обменяться нашими взглядами хотя бы по части принципиальных вопросов, касающихся методологии истории России того периода, оценка, а то и заведомый пересмотр которого ныне взбудоражили буквально всех. И нам, представляющим межрегиональную Академию военно-

исторических наук РФ, базирующуюся в Городе-Герое Ленинграде, было бы неуместно занять в этом буме нейтрально-молчаливые позиции. Тем более, что и сам автор действительный член нашей академии.

Инициативная задача несколько облегчается тем, что нам есть на что опереться из числа тех выводов и оценок, которые уже прозвучали в ряде опубликованных рецензий. Пр процитируем лишь некоторые извлечения из них. Начнем с отзыва академика РАН (Екатеринбург) В.В. Алексеева: «Только что получил вашу замечательную книгу о российском крестьянстве в годы Второй мировой войны. Уже беглое знакомство с ней показывает, что это неординарный труд. Одним махом вы перешагнули пустоportunее теоретизирование, верноподданнические вирши и пошло-пасквильные писания последних лет о трагизме русского крестьянства в XX в., вышли на единственно верный путь национального и цивилизационного понимания его роли в многострадальной судьбе нашего Отечества» [3].

Мы со всем согласны, кроме «одного маха», ибо ему предшествовала целая серия подготовительных монографий как регионального, российского, так и затем общесоюзного звучания. Но чередуя и выравнивая авторитетность рецензентов, обратимся далее к отзыву начинающего кандидата в историческую науку из Ленинградской области Г.С. Стругова: «Широтой охвата проблем, вдумчивостью и глубиной анализа, обоснованностью выводов и заключений заметно выделяется монография В.Т. Анискова. Исследование охватывает все сферы деятельности крестьян в годы войны, содержит анализ их взаимоотношений с партией и государством, мотивацию поведения и поступков. Специальная глава посвящена быту и духовной жизни военной деревни. Автор отмечает, что война потребовала «круто перестроить и даже изменить весь уклад жизни нашего на-

рода, подчинить интересам фронта не только материальные, а и моральные силы людей, их культуру, - не только вековое, российское, христианское, но и совершенно новое, манящее, советское», и приходит к выводу, что не бездумный фатализм, а патриотизм, жертвенность стали одним из определяющих источников Победы» [4].

И здесь мы разделяем все схваченное. Подчеркнем лишь одно – принципиальное уточнение самого автора, который особо вычленяет именно массовую и осознанную черту победоносного патриотизма. Но пойдем дальше и снова продолжим с академика, действительного члена РАЕН Г.А. Куманева (Москва). В соавторстве с доктором исторических наук В.Н. Земсковым они пишут: «Специальная глава посвящена жизни и борьбе крестьян на временно оккупированной неприятелем территории СССР. Вызывают интерес суждения о том, что оккупанты не распустили колхозы не только из фискальных соображений – они вынуждены также были считаться с коллективистским менталитетом большинства советских крестьян, а частнособственнические настроения, имевшие место у некоторой их части, не являлись доминирующими». В этой связи В.Т. Анисков отмечает, что встречающиеся «ныне рассуждения о так называемой слепоте, неосведомленности и неумных приказах оккупантов (иначе якобы все было бы иначе) в относительном случае можно отнести к числу наивных».

При этом опять же подметим, что то же крестьянство, как показано в книге, составляло социальное большинство того же партизанского движения, обеспечивало довольствием, хранило в тайне его территориальные перемещения,... снабжало точными агентурными сведениями. И опять же кандидат исторических наук из Костромы Е.Ю. Волкова в свою очередь замечает, что «поражает обилие проблем, поставленных в книге, которые охватывают практически все стороны той жизни крестьянина. Удивля-

ешься редкой сегодня авторской ответственности при раскрытии жертвенного подвига советской деревни во всем» [5]. В том числе в производственной сфере, из которой были практически всё мужское трудоспособное население, весь современный тракторный парк, 75% автотранспорта, более 60% рабочих лошадей; поступление запчастей упало в 5-10 и более раз, керосиновый дефицит зажег лучину... Остались одни старики, сократившаяся часть женщин и подростки, которые, к тому же, стали основным резервом фабрично-заводского ученичества. Необычайно возросли, как показывает В.Т. Анисков, и тяжелые последствия природной рискованности российского земледелия, особенно к середине и к окончанию войны.

Однако колхозное производство «отнюдь не находилось на грани развала», - вторят за автором его рецензенты: «Даже в самое тяжкое для сельского хозяйства время, каким стал для него 1943 г., - цитируют они один из многих его необычных, но обоснованных выводов, - когда недород урожая опустился ниже самой критической черты, колхозы (артельно-кооперативное производство) дали стране 94,2% хлебных заготовок. И это оказалось тем спасительным минимумом для населения и основой фронтового хлебного довольствия. Колхозное крестьянство внесло незаменимый, во многом жертвенный вклад в достижение экономической победы над врагом». А что до животноводства, подтверждает та же Е.Ю. Волкова, то вопреки его общей и большой убыли, в некоторых специализированных регионах, например, в Верхнем Поволжье, колхозы «не только полностью сохранили, но и увеличили поголовье общественного стада».

И это еще при том, извлекая из книги В.Т. Анискова сопутствующий сюжет, пишет опять же Е.Ю. Волкова, когда почти 250 тыс. жителей одной лишь Ярославской области в зиму 1941 - 1942 гг. было мобилизовано на строи-

тельство оборонительных рубежей. Около 75% из них составляло сельское население, а в их числе до 70% - женщины. За три месяца от Рыбинского моря до границ Горьковской и Ивановской областей на протяжении 1900 километров в 35-градусный мороз, с помощью тех же колхозных подвод и вручную было «возведено 285 пулеметных дотов, 122 огневые позиции для пушек, сооружено множество усиленных противотанковых рвов, надолбов, ловушек, эскарпов, окопов, ходов сообщений, построено 1036 армейских землянок и 248 командно-наблюдательных пунктов. И все это – ныне непостижимо – с помощью лома, лопаты, кирки, тачки, костра против промерзшего грунта. Не было даже взрывчатки, зато, кроме питания, хорошо обеспечивали теплой одеждой, обувью, бельем».

В этой связи трудно не согласиться с выводом самого автора: «Не надо сетовать на то, что построенные в срок оборонительные рубежи на Верхней Волге не пришлось использовать по прямому назначению». Но «их возведение, несомненно, отрезвляюще подействовало на фашистское командование. Пожалуй, впервые с начала войны немецкие «обходные клинья», столь успешно применявшиеся до этого, вовсе не прошли, а фронтальное наступление гитлеровцев на Москву не только захлебнулось, но и закончилось их сокрушительным разгромом». Причем В.Т. Анисков очень актуально и в той же связи выводит это обстоятельство на оценки И.В. Сталина и Г.К. Жукова, напоминая, в частности, редко ныне приводимое объяснение последнего: «Он (Гитлер) считал необходимым сначала захватить Ленинград, а затем, соединившись с финскими войсками, нанести глубокий удар, обходя Москву через Ярославль».

К сотворенному счастью, не прошло ни первое, ни второе, которые могли оказаться и последним. Не сложно представить себе, если бы верхневолжский клин не только прошел, а и завершился чудовищным обхватом столицы и

всего юго-восточного тыла Ленинграда, когда не потребовались бы никакие Ладожские переправы... Впрочем, не отвлеклись ли мы вместе с автором книги от темы? Ни в коей мере! Там же приводится и нечто общее. Всего в 11 областях и автономных республиках РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Азербайджане, Армении, в Грузии и в Карело-Финской ССР на строительстве оборонительных рубежей было занято, преимущественно из сельского населения, около 4,5 млн. человек. В итоге читаем: «Столь массовые мобилизационные методы привлечения рабочей силы отвечали соответствующим патриотическим настроениям миллионов людей в городе и деревне, а потому срабатывали без каких-либо социальных конфликтов».

Примечательную оценку рассматриваемому исследованию, и не только в этой связи, дает доктор исторических наук С.Г. Осьмачко (Ярославль). «Позицию автора, - пишет он, - особо отличает тот позитивный и продуктивный историко-методологический консерватизм, который наглядно свидетельствует не только о научной добросовестности, но и о здоровой нравственной позиции». Он явно не желает решительно менять фокус индивидуального исторического сознания в угоду каким-то политическим новациям. Наоборот, стремится все более современно осмыслить жизнь и судьбу российского (советского) крестьянства, тем более, что величие отечественной деревни, ее вклад в Победу над фашизмом «переоценить вряд ли возможно» [6].

В исследовании содержится подлинный социокультурный портрет советского крестьянства, причем представленный на широком историческом фоне и в многообразии значимых историко-психологических деталей. Безусловно, подчеркивает рецензент, «такой подход привлечет внимание не только коллег-историков, но и всех исторически мыслящих читателей, стремящихся к непредвзятому и

доказательному осмыслению нашего прошлого и настоящего». Вызывают внимание, по его же мнению, оценки оппонирующим высказываниям, которые обосновываются на «серьезной интеллектуальной базе и меньше всего напоминают ругань или утопию».

Касаясь же будущего страны, С.Г. Осьмачко солидарно цитирует из книги: «Надо вернуть народу историческую память... Дать снова обрести святыне чувства патриотического, межнационального и социального единения, нерасторжимой связи поколений». И еще: «Интеллигентность и замечательный патриотизм уважаемого автора в полной мере проявились в посвящении книги «Святому поколению крестьян той судьбоносной поры и их славному сыну Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову».

Завершая некий обзор упомянутых отзывов, отдельно вычленим из них уже упомянутую выше рецензию Н.Д. Козлова из «Военно-исторического журнала». Разделяя приводимые выше историографические оценки анализируемого труда, он, на наш взгляд, несмотря на обусловленную краткость, счел необходимым и в первую очередь оттенить саму его методологическую необычайность. Он не просто включил автора рассматриваемой монографии в приводимое «число» историков, занимавшихся той же аграрной проблематикой 30-35 лет тому назад или опубликовавших свои книги в региональном исполнении... Это – «наиболее значимое за последние несколько десятилетий исследование о советском крестьянстве периода борьбы с фашизмом».

«Издание поднимает общеисторические, методологические и социально-психологические проблемы как в рамках военных лет, так и в связи с прежней и последующей судьбой советского крестьянства. Центральная идея труда – массово-жертвенный патриотизм нашей деревни во

время войны и его истоки (подч. нами). Верный научным традициям, - продолжает профессор Козлов, - автор справедливо подчеркивает, что слишком долго принижалась роль деревни во всенародной борьбе. Сначала это было связано с известной концепцией государства диктатуры пролетариата, а в конце XX – начале XXI века – с тем, что такие определения деревни, как «героическая», «колхозно-совхозная», «советская» и «всесоюзная», не соответствуют нынешним политизированным аграрным понятиям».

Все без исключения рецензенты отмечают, что В.Т. Анискову удалось привлечь столь принципиально важный материал, который позволил ему не только преодолеть непомерно затянувшуюся историографическую и методологическую недооценку, более того – несправедливое принижение советской деревни в достижении Победы, но и обосновать, напротив, ее решающую роль в разгроме фашизма. При этом им проведен развернутый анализ всего комплекса аргументов – от численно-статистических до крестьянско-психологических. Мы, к огорчению, сможем упомянуть лишь два составных из этого комплекса, но, думаем, каркасных: более 80% личного состава нашей действовавшей армии составляли крестьяне-колхозники (и более того – в бронетанковых и стрелковых частях) и он же, сельский житель, выступал коренным носителем социального и морально-психологического единения, сплочения всего народа и, конечно, советского.

Но одновременно с этим, и вовсе не скороговоркой, он пишет, что следует не противопоставлять советское былому, российскому, а видеть их нераздельное взаимопроникновение, которое сначала помогло выстоять, стать выше ранящих, но преходящих социальных обид прошлого, а затем и победить. «На изломе исторической судьбы, - цитирует автора и солидаризируется с ним президент Международной академии психологических наук В.В. Новиков,

- всеми лучшими гранями обернулась социальная психология российского крестьянства: напористостью и кротостью, бережливостью в малом и великодушием в большом, верностью Отчизне и ненавистью к захватчикам, традиционной доверчивостью и врожденной сметливостью, индивидуальной самостоятельностью и артельной удалью – словом тем, что в конечном итоге питало нашу Победу» [7].

Это же составляло и квинтэссенцию осознанного жертвенного подвига крестьянства и всего нашего народа, - словом то, что ныне стало главным предметом неприязни противников советско-российского патриотизма. В книге приводятся и антинаучные примеры такой неприязни с ярчайшими антикомментариями. Напомним лишь один, связанный с именем М.А. Вылцана – известного в прошлом историка советской деревни, а ныне перечеркнувшего эту значимость своей жалкой (прежде всего, для него самого) книжкой [8]. Но избегая эмоции, процитируем: «Многие писатели и философы отмечали одинаковую уживчивость в русском характере психологии раба и бунтаря» [с.70]. «Колхозное крестьянство..., поставленное большевистскими вождями в положение полукрепостных, выступило против полчищ Гитлера» или подалось в дезертиры и коллаборационисты [с. 10-11].

Далее: «В поведенческой структуре крестьян не последнее место занимало ощущение страха, неотвратимости наказания за неисполнение своего гражданского долга, приказа высших и местных властей». Что до «массового трудового героизма», «вдохновенного труда колхозников», то это не более чем «утвердившиеся в исторической литературе клише и штампы», к которым-де он, М.А., разумеется не имел никакого отношения как историк. Да уж: всю сознательную жизнь он не уставал «вдохновенно» писать о вдохновенном труде крестьян, и вдруг непостижимая риторика: «сельское хозяйство одержало экономическую побе-

ду»!? – это «ничего общего не имеет с исторической правдой», «сельское хозяйство в экономическую победу явно не вписывается. Для него больше подошло бы определение: “Пиррова победа”» [с. 24]. Как видим, дальше некуда.

Упомянутые выше рецензенты анализируемого нами труда отмечают, что все сколько-нибудь значимые его сюжеты рассматриваются автором в нераздельном единстве заявленного историко-психологического анализа. В этой связи он исходит из непреходяще актуального высказывания покойного академика Б.Ф. Поршнева о мертвенности исторических схем без показа реальных действующих лиц и психологии их поведения. В то же время, тяготея к методам подзабытой школы анналов, следовавших за происходившими событиями с максимальной хронологической последовательностью и обстоятельностью, «он и в самом деле в подходе к теме стремится осветить ее с очевидной доскональностью на грани утрачиваемой ныне энциклопедичности».

Уникален сам территориальный охват монографии, ее тематическая структура, комплекс общеисторических, военно-хозяйственных, социально культурных, психологических и материально-бытовых проблем. Одно их беглое представление заняло бы у нас долгий ряд строк. В.Т. Анисков «следует за своим предметом всюду» – в тылу и на фронте, в подвижной прифронтовой зоне, в Центре России, на Урале, в Сибири, в Средней Азии и на Кавказе, в освобождаемых районах Украины и Белоруссии, в партизанской борьбе, в движении сопротивления на оккупированной территории и фашистской неволе. В разные периоды войны, в менявшихся соотношениях и смещенных акцентах. Небезынтересны и убедительны его выводы по поводу иной, чем принято, периодизации истории нашей деревни военных лет, согласно которой самым тяжким для нее оказался тот самый «переломный» 1943 г., разделивший ее

судьбу на два сопредельных этапа.

Многие страницы книги заняты оригинальными, комбинированными и проанализированными автором таблицами и рядами сведений по всем направлениям – в целом по СССР, России, другим республикам и регионам. В летописной динамике, в предшествовавших и последующих сравнениях и, что тем более ценно, в городском и сельском преломлении. Сошлемся хотя бы на подобный разворот сведений по всем направлениям медико-санитарной деятельности на селе. Здесь перед нами полный ряд данных о перемещении и переподготовке соответствующих кадров, эвакуации и переформировании медико-санитарной инфраструктуры, о состоянии лекарственно-фармацевтической базы, о многократном в итоге приросте самых необходимых и номинально бесплатных лекарственных средств, о начальном нарастании основных видов заболеваний и их последующем радикальном сокращении, о летальных характеристиках, об овладении ситуацией с одновременной заботой о детстве, родовспоможении и т. д., в том числе в сельских освобождаемых районах и на фоне общей и крестьянской динамики народонаселения.

В подобном же разнообразии на страницах книги разместились редкие в историографии и социальной психологии сюжеты об общественной и личной жизни колхозников военной поры, их духовной спланивающей стойкости, о межкрестьянских, включая соседские, и иных отношениях. Много добрых суждений и свидетельских зарисовок содержит книга «о прекрасной по своей сути жизни сельской школы, ее учителя, как и сельского врача-подвижника – настолько святой и благодарной, насколько тяжелой и, хотелось бы, неповторимой». Здесь, как и во многих других случаях, очень «плотно», хотя и с постоянными сокращениями, мы следуем за авторской стилистикой. Ибо, как подметил президент академии психологов

В.В. Новиков, авторские обобщения всегда несут в себе штрихи индивидуального отражения и нестандартных зарисовок, которые лучше воспринимаются в оригинальном исполнении, чем в самом лучшем переложении».

Это же следует сказать и в связи с характеристиками действовавших исторических лиц и мотивов их социально-психологического поведения. Общее число героев книги вместе с цитируемыми авторами составляет не менее 700 лишь в текстуальном упоминании. Но в ней не только называются имена, в отличие от соответствующего указателя, а и показываются в реальных поступках – всюду и во всем. Отдельного внимания заслуживают персональные характеристики видных руководителей партийно-государственного аппарата тыловых регионов и партизанского движения: Алтайского края, Новосибирской, Ленинградской, Орловской, Ярославской областей, Украины, Белоруссии... Они и в самом деле явно контрастируют с теми шаблонно «невежественными» оценками, которые до недавнего времени «заполняли квазинаучные издания».

Вот и получается, что Великую Отечественную выиграло «крепостное» колхозное крестьянство, «лишенное каких-либо конституционных прав и свобод», понуждаемое «милитаризованной сталинщиной» в лице бюрократических кадров на всех уровнях, которыми двигал «страх за свою жизнь и жизнь близких (не более того), и который заставлял их безропотно, как солдат, исполнять вверху принятые решения». Мы, как и автор рассматриваемой монографии, могли бы продолжить подобные оскорбительные выпады и сослаться на их так называемые антинаучные позывные. Тем более, что нас всемерно побуждают склонять головы перед безмерным мужеством тех цивилизованных нацистов и фашистами современного коричневого разлива.

В монографии В.Т. Анисков представляет бесконеч-

ное число совсем иных выводов и примеров о реальных кадрах самых разных уровней и организационных структур. Напомним только один и сугубо сельский во всех отношениях, подмеченный, в частности, в рецензии Г.А. Куманева и В.Н. Земскова. Речь идет об известных политотделах МТС и совхозов, реально созданных по постановлению ЦК ВКП(б) в начале 1942 г. и упраздненных уже в мае 1943 г., об известных чрезвычайных структурах, но совсем по-разному оцениваемых по сей день в литературе — относимых к так называемым антикрестьянским репрессивным органам без всяких на то оговорок — к тем, которые-де в итоге так ничего и не сделали в пользу деревни. Наши коллеги по журналу «Новая и новейшая история», разумеется, не разделяя подобные «модернистские» предрассудки, посчитали даже целесообразным полностью процитировать совсем не краткое для рецензии извлечение из книги В.Т. Анискова. Последуем этому и мы, заведомо по-хорошему «провоцируя» наших оппонентов.

«Видимо, не спокойно было на душе у Сталина и его окружения в отношении крестьянства после недавних репрессий во время коллективизации и в самый разгар голода и мора в стране в начале 30-х годов, — пишет автор. — А потому и позаботились о воссоздании уже «испытанных» чрезвычайных органов с понятными превентивными целями. Но забота оказалась чрезмерной, ибо, как свидетельствуют многочисленные донесения тех же политотделов, колхозное крестьянство оказалось куда более благонадежным, чем могли о нем подумать (исключения здесь не в счет). Более того, как явствует из тех же донесений, политотделам вскоре пришлось не только политически «курировать» колхозников, сколько, зная истинно патриотические настроения и дела в деревне, все чаще вставать на защиту самих крестьян от непомерного и неразумного сверхизъятия их продукции. Это и послужило одной из причин не-

ожиданно быстрого упразднения политотделов на селе уже в мае 1943 г.» [с. 36-37].

Рецензия в столь авторитетном журнале такую оценку судьбы сельских политотделов называет «весьма точной», и мы согласны с ней. Не имея возможности хоть как-то соприкоснуться с их действительно позитивной ролью в повсеместной организаторской деятельности в деревне, поновому раскрытой в той же книге, хотелось все-таки заметить и весьма меткую отпротивную авторскую аналогию упредительного замысла сей структуры с так называемыми заградительными отрядами на фронте. И в самом деле: схожие «заграждения» власти от крестьянства не потребовались – скорее, наоборот. И потому, оказавшие неотложную помощь селу, политотделы, как нельзя не подметить, были упразднены не только в самое тяжкое для него время, а и в период их собственной реорганизации с учетом иных вставших задач.

Замыкая кадровую проблему, мы вместе с нашим автором с возмущением откидываем упомянутую выше политизированную ересь. При этом напоминаем, что сотни тысяч руководящих партийных, государственных, профсоюзных и комсомольских работников цементировали фронт и тыл, партизанские движение и подполье – не в страхе, а в убеждениях, с народом и за народ. И все это конкретно и в лицах рассказано на материалах всех перечисленных выше республик и регионов Союза, в том числе особо на примерах фронтовой и массовой партизанской борьбы. Развернутым планом вычленена и славная Белоруссия. Вместе с населением соседствующих славянских регионов, «полумесяцем охватывавших насмерть сражавшуюся родную по крови республику» (Псковщина, Смоленщина, Орловщина со знаменитой партизанской Брянщиной), они, составившие, как пишет В.Т. Анисков, своеобразные «бермудские треугольники» для озверелых на-

цистов, фронтально и скоординировано парализовывали гитлеровские войска на всем центральном направлении, перемалывали их дивизии. Но и сама же Белоруссия за годы войны потеряла почти каждого третьего своего соплеменника.

Однако как ни тяжелы оказались военные дни и ночи, их жертвенность так и останется святым приношением во спасение Отечества и цивилизованного мира от коричневой чумы. Проникновенные слова о беспримерности подвига и духовности самого поколения во всех ассоциативных проявлениях, поднимаемых в монографии, звучат естественно и взволнованно, нередко вырываясь «за некие условности научной строгости». «Их горечь понятна, - подчеркивает тот же В.В. Новиков, - но только в немногих случаях она выливается в форму упрека или укора, тем более в адрес главного сословного героя книги (а последнего мы и вовсе не заметили). Кто бы что ни говорил и ни писал о так называемой несоразмерности принесенных жертв, ясно одно: цене Победы нет даже близко равного эквивалента. Попробуйте оспорить!» Автор не исключает ошибочных, даже непростительных потерь и утрат – и о них нет умолчаний. Он обычно не сглаживает даже доли инвариантности, отсутствия или присутствия выбора.

Но очень жестко меняется методологический ключ, когда исследование соприкасается уже с послевоенными судьбами нашей деревни. И главный вывод здесь без каких-либо прикрас: фашистская Германия в силу принесенных ею колоссальных разрушений и людских потерь не достигла в войне лишь одного, хотя и главного. «Она не смогла сокрушить наше государство, наш строй, наши порядки». Однако она очень много добилась из того, на что с вожделением рассчитывал весь реакционный мир. Небывалый урон повлек за собой столь мощные деформации, многие из которых оказались, к тому же, наложенными на

негативы довоенной поры, что их действие становилось «даже более глубоким и продолжительным, чем следствий прямого (материального и людского) урона».

Это основательное заключение тем более оказалось соотносимым с сельским хозяйством – более всего пострадавшим, потерявшим и деформированным: в товарно-денежных отношениях между городом и деревней, в заготовительной, налоговой, финансовой, социальной и правовой политике. Вынужденные мобилизационные и вовсе экстремальные отношения заострились настолько, что их «не смогли сломать все последующие «радикальные» преобразования» (тем более в кавычках). «Надломилось и сломалось само сельское хозяйство: столь недостойное к нему отношение, растянувшееся на многие десятилетия, не могли бы выдержать никакие структуры. За обвалом одной из несущих опор рухнула и вся конструкция. Печальная участь деревни предредила и судьбу всей страны».

Казалось бы, подобная категоричность, в принципе, не свойственная нашему автору, звучит как попутное признание им развала СССР в виде кризиса на грани системности. Но мы так не считаем. Всё и в самом деле, как полагают и некоторые коллеги, зависит от понимания самой системности, ибо даже «обыденная заскорузлость, тем более на высшем уровне, ставшая непреходящей, - очень благодатная почва для целеустремленных волевых усилий по развалу страны». Но это уже тема особого осмысления, и мы позволили себе прикоснуться к ней не более как с целью одной лишь постановки сопредельных проблем перехода от войны к миру, а точнее – к холодной войне. Но опять же и сам автор вовсе не обходит, а намеренно наводит на нее.

Заканчивая столь развернутый историографический обзор исследования заслуженного деятеля науки РФ В.Т. Анискова и первых профессиональных откликов на

его труд, мы еще раз подчеркнем наше согласие с его высокой оценкой. Даже постановочный анализ только с частью поднимаемых проблем первого порядка дает основание для вывода о том, что перед нами итоговый труд нового поколения и глубокой историко-социальной и психологической методологии. Мы также вовсе далеки от того, что столь капитальная монография в сопутствии многих других публикаций автора не породит последующих солидарных, дискуссионных, а то и вовсе неприемлемых воззрений, о которых говорилось в начале статьи. Их «огонь», как пишет сам автор, он заинтересованно примет и «на себя».

Помимо обстоятельного отклика, который мог бы появиться и на страницах других изданий [9], включая средства оперативно-массовой информации, мы просим поддержать и наше предложение (хотя бы в постановочном варианте) о переиздании труда В.Т. Анискова. Монография прошла конкурсный отбор Российского гуманитарного научного фонда, отмечена дипломом ярославского губернатора как «лучшая научно-исследовательская работа» по итогам областного конкурса за 2005 г., получила иную соответствующую информацию. Между тем, прекрасно изданная относительно-значимым тиражом, книга тогда же оставила книжные полки магазинов и стала библиографической редкостью.

Примечания

1. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941-1945. История и психология подвига. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 503 с.
2. Куманев Г.А., Земсков В.Н. Рецензия // Новая и новейшая история. – 2005. – № 6. – С. 209-210; Козлов Н.Д. Кре-

стьянство против фашизма. // Военно-исторический журнал. – 2005. – № 10. – С. 65.

3. Виктор Тихонович Анисков // Биобиблиографический сборник. – Ярославль, 2003. – С. 113.

4. Стругов Г.А. ... Воздействие госуд. системы на сознание народа в годы Вел. Отеч. войны. Дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. – СПб, 2005. – С. 8.

5. Северная правда. – 31 марта. – 2004.

6. Северный край. – 30 июля. – 2004.

7. Новиков В.В. О новом труде В.Т. Анискова: к итогам научной деятельности // Вестник соц.-полит. наук. – Ярославль, 2002. – С. 122.

8. Крестьянство России в годы большой войны 1941-1945. Пиррова победа. – М., 2001.

9. Публикация дубликата настоящей статьи согласована с ее авторами.

В.Н. Гурьянчик

Трансформация образа врага в сознании советских солдат

В сознании участников любой войны существует два образа врага. Первый образ врага, формирующийся под воздействием пропаганды, включает в себя представления о враждебном государстве; второй возникает на бытовом уровне – в результате непосредственных контактов с военнопленными, с солдатами противника в бою, с мирным населением оккупированных территорий. Причем образ врага в ходе военных действий постоянно изменяется, на что влияют продолжительность и интенсивность военных действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу. Следует отметить, что более подвижным оказывается именно второй образ, хотя и пропагандистские шаблоны в ходе войны также трансформируются.

Канун Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. отмечается в основном «шапкозакидательскими» настроениями по отношению к немцам как вероятному противнику в предстоящей войне. В тоже время само понятие «немцы» не несло собственной национальной окраски. Была уверенность в том, что нет немцев, как таковых, есть эксплуататоры, фашисты и есть сочувствующий Советскому Союзу немецкий пролетариат. Вплоть до начала войны слово «немцы» по отношению к германской армии практически не употреблялось – говорили «фашисты» или «гитлеровцы». Оно стало синонимом только после начала войны. Разделение немцев на «хороших» и «плохих» нашло отражение и в военно-аналитических материалах. Например, 13 мая 1941 года сотрудники отдела по работе среди войск и населения противника Главного управления политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА) выступили с докладом «Заметки о положении рабочего класса в Германии», в котором говорилось: «Тяжелое материальное и, главным образом, продовольственное положение естественно вызывают у рабочих нетерпеливое желание окончания войны. Среди населения только можно слышать – поскорей бы кончилась война и тогда будет лучше. Эти настроения к концу 1940 года, видимо, приняли угрожающие размеры, массы, очевидно, потеряли надежды на быстрое окончание войны и быстрое улучшение их положения. Таким образом, выступления Гитлера... свидетельствуют о том, что необходимо, прежде всего, поднять моральное состояние широких слоев населения» [1].

Уверенность в классовом характере войны разделялась широкими массами советского народа. Эта уверенность устойчиво сохранялась и среди бойцов и командиров Красной Армии, даже в начальный период войны с Германией. Они были воспитаны на том, что Германия передовая

страна, власть в ней захватили фашисты, немецкий народ против них, немецкие солдаты либо обмануты капиталистами и помещиками, либо идут в бой под угрозой расстрела. Если одетым в военную форму рабочим и крестьянам рассказать правду, объяснить – они бросят оружие. «Наша армия, - свидетельствовал И. Эренбург, - в первые месяцы не знала ненависти к немецкой армии» [2].

Идеологические иллюзии рассеивались с каждым днем войны. Через полгода (к зиме 1941 - 1942 гг.) произошел отход от наивной веры в классовую солидарность советского, немецкого и других народов, от надежды на мировую революцию. Хотя по инерции разделение противника на фашистов и немцев в начале войны продолжало существовать, лишь по мере нарастания ожесточенности боевых действий эти понятия постепенно стали сливаться в единый образ. Образ единой, монолитной Германии и образ конкретного «немца-фашиста» (различий уже не делали) вновь стали символизировать гитлеровский режим в целом. И вот уже недавние «братья по классу» стали превращаться в «бешеных псов», которых надо беспощадно уничтожать.

Несомненно, что такой образ врага в сознании военнослужащих вполне соответствовал реалиям военного времени. И вот, наконец, лозунг, брошенный И. Эренбургом: «Убей немца!», окончательно развеял миф о «братьях по классу». Постепенно и официальная пропаганда и индивидуальный образ врага в сознании каждого военнослужащего стали рисовать оккупантов как свирепых, кровожадных зверей. И чем дольше продолжалась война, чем больше она приносила горя и несчастий, тем сильнее становилась ненависть к врагу – особенно тогда, когда наступающие части Красной Армии лично убеждались в тех зверствах, которые творили на оккупированной земле захватчики.

На фронте ненависть к врагу была необходимым ус-

ловием боеспособности наших войск, так как почти каждый советский солдат и офицер имел личный счет к оккупантам. Во многом именно на ненависти к врагу и жажде мести была построена политическая работа в армии. Политработникам не нужно было ничего выдумывать, достаточно было собрать и обобщить опыт каждого военнослужащего. Именно на этом были основаны *счета мести*. «Счета мести собирались так, - говорится в политдонесении одной из частей 2-го Белорусского фронта в апреле 1945 г. – В каждой роте была сделана тетрадь, в которую все солдаты, сержанты и офицеры записывали, какое несчастье им лично принесли фашисты. Затем этот материал суммировался и представлял внушительный обвинительный акт на немецких палачей» [3].

Итак, в январе 1945 г. советские войска вошли на территорию Германии. Давнее страстное желание советских солдат уничтожить «фашистского зверя» в его «логове» начало сбываться. Красная Армия не просто вступила на территорию противника, а на землю своего главного, смертельного врага – туда, откуда он пришел и принес горе и страдания советскому народу. Безграничная ненависть, наполнявшая души красноармейцев, распространялась на всех без исключения немцев.

Понимая, что тотальная ненависть к врагу может породить не только массовые акции самосуда над гражданским населением Германии, но и надолго запечатлеть образ советского солдата не как освободителя Европы, а как кровожадного и мстительного, И.В. Сталин еще в 1942 г. попытался смягчить акценты официальной пропаганды: «Было бы смешно отождествлять Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское - остается» [4]. Суждения Сталина, связанные с планами послевоенного переустройства Евро-

пы, легли в основу совершенно противоположного направления в пропаганде. Теперь необходимо было сформировать новый образ противника среди советских солдат и офицеров. Но одно дело понять умом новую истину, а другое дело принять ее, преодолев жажду мести. Поэтому последовавшие в начале 1945 г. разъяснения политотделов о том, «как следует себя вести» на территории Германии, явились для многих неожиданностью и часто отвергались.

Противоречия политических установок до и после вступления на вражескую территорию привели к тому, что военно-политическому руководству пришлось немало потрудиться для изменения устоявшегося образа врага. Приходилось опять разводить в сознании людей понятия «фашист» и «немец».

Следует отметить, что командование Красной Армии оказалось не готовым к решению специфических вопросов, связанных с обеспечением порядка и дисциплины при нахождении на территории противника. Первое время оно не располагало необходимыми инструментами для предотвращения и прекращения самоуправства личного состава, актов мести и насилия. И все же в течение нескольких месяцев 1945 г. командирам и политработникам удалось внедрить в умы солдат мысль: «Если ты убьешь в тылу какую-то старуху-немку, то гибель Германии от этого не ускорится» [5]. Политработники с самого начала указывали на опасность необузданной мести и решительно выступали за принятие самых строгих мер по предотвращению актов насилия над гражданским населением.

В начале февраля в «Красной звезде» была напечатана статья под заголовком «Наше мщение», которая была перепечатана во всех фронтовых газетах. В ней подчеркивалось, что красноармейцы в своих действиях и своем отношении к гражданскому населению не должны уподобляться немецким оккупантам. Но не все военнослужащие

восприняли этот лозунг. Чтобы избежать самочинных расстрелов, грабежей и насилия, которые еще имели место, приходилось издавать специальные приказы. Например, когда войска 2-го Белорусского фронта вступили в Восточную Пруссию, командующий фронтом маршал К.К. Рокоссовский издал приказ № 006, каравший за грабежи, поджоги, мародерство, насилия и т.п., призывавший «направлять чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя».

Несмотря на предпринимаемые меры, только в самом конце войны военная прокуратура смогла доложить командованию, что в отношении красноармейцев к немецкому населению произошел «значительный перелом» и теперь «случаи грабежа носят единичный характер» [6].

Другой проблемой, которая была тесно связана с образом врага, стало восприятие советскими военнослужащими европейской жизни, ведь прежние представления о ней сильно отличались от увиденного своими глазами. Внушаемые идеологические стереотипы бедности простого населения расходились с реальностью. Отсюда в солдатских письмах стали появляться «новые настроения», основанные на сравнении своей довоенной жизни с европейским образом жизни. Относительно бедные по европейским стандартам дома казались нашим солдатам зажиточными.

Это, конечно, встревожило политические отделы Красной Армии. Уже в начале февраля 1945 г. политработники развернули работу с целью не допустить неверных политических выводов, которые могли бы сделать красноармейцы. Курс был взят на то, чтобы представить немецкое благосостояние исключительно как результат политики ограбления оккупированных стран. Германская политика в Европе действительно была грабительской. Но далеко не все из того, что было у немцев в домах, было награблено в

годы войны. Многие иностранные товары попали в Германию еще до войны в результате торговли.

Однако и компания в советской прессе, и разъяснения политработников повлияли на настроения среди красноармейцев. Они хорошо знали, какому тотальному разграблению подверглись оккупированные районы СССР. Поэтому официальное объяснение источников благосостояния немцев было ими очень быстро воспринято, и воспринято «правильно».

Таким образом, в ходе Великой Отечественной войны образ врага, существовавший в советском массовом сознании, проделал достаточно сложную эволюцию. Определявшие многие черты этого образа идеологические стереотипы были довольно быстро отвергнуты, а идея освобождения «братьев по классу» сменилась ненавистью к врагу.

Примечания

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), ф.32, оп.11309, д.16, л. 112.
2. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: т.2. – М., 1990.
3. ЦАМО РФ, ф. 371, оп. 6570, д. 76, л. 305.
4. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М., 1946. – С. 41.
5. ЦАМО РФ, 372, оп. 6570, д. 78, л. 31.
6. Шерстяной Э. Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г.//Новая и новейшая история. – 2002. – № 2. – С. 145.

В.Т. Анисков

О «военном коммунизме» в историческом контексте

Прежде всего необходимо особо возразить заско-рузлым и преднамеренным поныне суждениям о том, что это понятие с его реализацией безраздельно принадлежит только Ленину, большевикам. Наиболее последовательно и жестко политику государственной централизации и регулирования экономики во время войны и некоторое время после нее проводила Германия. Еще 25 января 1915 г. здесь был принят закон о хлебной монополии. А дальше «принудительное хозяйство» действовало почти всюду: контролировался обмен, устанавливались и твердые цены, отбирался и весь продукт не только продовольственного, но и промышленно-сырьевого назначения, непосредственное потребление людьми осуществлялось путем карточек и пайков. Была отменена свободная торговля на большинство изделий, даже введена трудовая повинность.

Тем самым государство основательно вторглось в сферу капиталистических интересов, ограничило частную собственность и заменило рынок централизованным обменом между отраслями экономики. Марксисты разного толка были даже сконфужены – как же, буржуазно-юнкерское государство железной рукой приступило к реализации их стратегических планов по реорганизации частных отношений в экономике. Некоторые немецкие социал-демократы предложили столь необычное явление именовать «военным социализмом». Ленин же, усиленно занимавшийся в то время изучением империализма да еще в дискуссиях с лидерами немецкой социалистической классики, назвал подобное экономическое явление «военно-государственным монополистическим капитализмом», представляющим материальное преддверие социализма в целом.

Весной 1918 г., разрабатывая уже конкретный план приступа к социалистическому строительству, В.И. Ленин

в полемике еще с «левыми коммунистами» призывал «учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западного варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства». В этом отношении мы разделяем позиции тех (например, авторов 2-го тома книги «Наше Отечество»), которые отрицают преобладающие попытки прямого противопоставления нашего военного коммунизма и госкапитализма вообще. Во многом военный коммунизм был «западничеством», аналогичен немецкому госкапитализму. Хотя и с принципиальной разницей. Там военный социализм проводился не с предельной силой и ради сохранения самого капитализма. В Советской России – военный коммунизм – с максимальными усилиями при «красногвардейской атаке на капитал» с выходом на социалистические задачи при отчаянном противодействии контрреволюции.

Но общность парадигмы обозначений в России и Германии ярко оттеняется соответствующими событиями 1921 г. – почти синхронным отказом от военного коммунизма у нас на X съезде РКП(б) в марте и рассмотрении такого же вопроса германским рейхстагом в апреле. В России – отказ от продразверстки в пользу продналога. Причем в обоих случаях имелась изначальная неизбежность перехода к военному коммунизму. В Германии – жесткая необходимость перестройки на военно-мобилизационный лад. В Советской России – то же самое, но при несравненно тяжких материальных возможностях, при сложнейшей социально-политической обстановке, интервенции и гражданской войне.

А как же оценить военную экономическую ситуацию в царской России в связи с ее вступлением в мировую войну, да и экономическую политику Временного прави-

тельства после февраля 1917 г.? После спада патриотического угара в феврале 1915 г. в той еще России лишь в военных округах был запрещен вольный вывоз продовольственных продуктов, вводились обязательные цены, и допускалась реквизиция. Но это лишь подстегнуло спекуляцию и рост дороговизны в целом. Осенью 1916 г. вводится обязательная поставка хлеба в казну уже согласно погубернской, поуездной и волостной разверстке. Но было уже поздно – зимние голодные очереди и демонстрации стали, как известно, одним из массовых проявлений Февральской революции.

Временное правительство 25 марта 1917 г. приняло постановление о государственной торговой монополии на хлеб, по которому все зерно, за вычетом оставленного для продовольственных и хозяйственных нужд владельца, должно было поступать в распоряжение государства. Но этот, казалось бы, соответствующий ситуации шаг также не дал нужных результатов. Оставшийся в прежнем виде, свободный рынок промышленных товаров вновь отвлекал значительные доли хлеба. Введение регулирования промышленного рынка буржуазные силы блокировали. И даже тогда, когда 16 мая меньшевистско-эсеровский исполком Петросовета принял, наконец, резолюцию о «регулирующем участии государства» почти для всех отраслей промышленности в распределении сырья, готовой продукции, в фиксации цен и т.д., Временное правительство не приняло ее из-за нажима промышленных кругов.

Иначе говоря, ни царское, ни временное правительства не оказались в состоянии поднять общенациональный интерес выше интересов отдельных классов и собственников, развернуть, хотя бы как в Германии, военномобилизационную экономику под общим началом государства, не ограничиваясь половинчатыми решениями по продовольственному вопросу. Поэтому в одолении наступив-

шего обвала большевикам была оставлена страна с разрушенной промышленностью, нищим сельским хозяйством и населением, разбросанной иностранной оккупацией и собственной контрреволюцией. Но им было ясно, что история не оставила Советской власти особых альтернатив кроме тех, которыми не смогли и не могли воспользоваться предшествовавшие правители. История приготовила, однако, по выражению В.И. Ленина, такую новую политическую ситуацию, которая не была связана с «уважением» к «священной частной собственности», но в кратчайший срок породившую неодолимое стремление к народовластию и небывалую руководящую силу. Даже усвоившие свои вчерашние уроки меньшевики и эсеры больше стали склоняться к серьезным компромиссам.

Большевистское руководство быстро, почти изначально пришло к пониманию неизбежности и всей полноты «военного коммунизма», без которого невозможно было спасти страну. Экономика находилась в руинах. Выпали из актива Украина, Поволжье, Урал, Западная Сибирь, Прибалтика. Оказались совершенно прерванными государственные, торгово-рыночные связи. Забастовки, саботаж и локауты прежних предпринимателей довершили разложение экономики, плохо завязанной на войну. Ситуативно опыт рабочего самоуправления вылился в анархию, доведенной до предела почти стихийной кампанией национализации предприятий у непокорной буржуазии. Заводские корпуса и в самом деле буквально содрогались от пролетарского «ура!» нам уже известной «красноармейской атаки на капитал».

И большевики не прерывали шедшую снизу стихию и даже поддерживали ее. В.И. Ленин впоследствии признавался: «Мы наглумили достаточно в период Смольного и около Смольного». Производство совсем оказалось парализованным. Предприятия должны были перейти на государ-

ственные дотации, а само государство, лишившись доходов, задыхалось в эмиссии, в рулоновом падении мифического курса рубля, в нарастающей безработице. К тому, что мы уже говорили, добавим еще: к октябрю 1919 г. было национализировано 2500 предприятий, а через год их численность вместе с мелкими достигла до 37 тысяч. В Ярославской губернии к концу 1920 г. государству принадлежало 920 предприятий, причем около 300 из них с механическим двигателем. На них значились более 90% всех рабочих губернии. А работали лишь отдельные предприятия, тем более большинство ярославских приходилось еще восстанавливать после мятежа.

Но почти одновременно одни «ура!» сменились наравставшим гулом и призывами не только рабочих, а и крестьян почти такой же «красногвардейской атакой», но теперь уже на советскую администрацию: «Хлеба и хлеба!». Причем зачастую организаторами подобных неотложных требований выступали, по горькой иронии, те же вооруженные отряды Красной гвардии, которые стали представлять уже угрозу и новой власти, а потому вскоре были распущены. Но хронический голод распустить было нельзя. Единственным спасением становилось жесткое внедрение продовольственной диктатуры, как и общее ужесточение самой власти в центре и на местах.

В этой связи надо окончательно отказаться от давнего стереотипного восприятия сущности продовольственной диктатуры периода «военного коммунизма», связанного, как правило, с представлением известной со школьных лет «продовольственной разверстки», введенной в январе 1919 г. Прежде всего, надо иметь в виду декрет ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г. (как, кстати, и декрет от 28 июня о национализации промышленности) о чрезвычайных полномочиях Народного комиссара по продовольствию. Формально он дублировал известное уже по 1917 г. постанов-

ление Временного правительства о государственной хлебной монополии и объявлял, что «ни один пуд хлеба не должен оставаться в руках держателей, за исключением количества необходимого для обсеменения их полей и на продовольствие их семей до нового урожая».

Более того, 27 мая 1918 г. декретом, в развитие предшествовавшего, устанавливалось прямое подчинение всех губернских и уездных продорганов не местным Советам, а непосредственно Наркому продовольствия. Он получал также право в случае необходимости отменять постановления совдепов и входить во ВЦИК с предложением о предании их суду. Вскоре по такому же пути двинулись ВСНХ, военное и другие ведомства исполнительной власти, сводя к минимуму роль органов Советской власти на местах. И что любопытно, так это то, что в защиту Советов как в центре, так и на периферии сразу выступили и меньшевики, и эсеры всех мастей, и другие «обмяклые» социалисты. Особенно после создания комитетов бедноты 11 июня 1918 г., которые в лучшем случае поделили оставшуюся власть с первичными Советами на селе, или полностью ее перехватили до декабря того же года*, тем более после направления в деревню целой «продовольственной армии» из рабочих вооруженных отрядов, насчитывавших до 80 тыс. человек.

Не всё в этих почти безальтернативных мерах было взвешено, продумано, тем более в связи с поддержанием гражданского мира на селе и союзнических отношений со

* Давным-давно еще студентом 3-4 курсов истфака ЯГПИ им. К.Д. Ушинского автор этих строк в кружке профессора Л.Б. Генкина написал на основе архивных документов доклад о деятельности комбедов Ярославской губернии. И самым памятным из него был вывод о том, что они напрямую вписывались в практику «военного коммунизма» и не отвечали перспективным задачам социалистического строительства, что противоречило прежней исторической схеме.

средним крестьянством, не говоря уже о состоятельной части деревенского населения. Но все смыкалось к тому, что пожирающий уже массовый голод с открытой пастью готов был заглотить не только Советы, а и всю цивилизованную Россию. Иными словами, майско-июньское законодательство в его особой чрезвычайности явилось логически жестким следствием всего предшествовавшего. Оно неизбежно перенесло центр тяжести социальной напряженности из города в деревню, все круто замкнув на обеспечение хлебной монополии, дабы отвести всю Россию от военного геноцида, творимого прежними правителями почти четыре года.

Поэтому большевики, благодаря В.И. Ленину, не «скатились на путь исключительно реквизиционной политики», – как можно сейчас прочесть в «современных» ученых трудах, – несущей быстрое разрушение экономики, а спасительно реализовали то, что лишь намеревались сделать царское и Временное правительства. Если для первой половины 1918 г., пожалуй, еще рано говорить о сложившейся как таковой системе «военного коммунизма», то безотказность соответствующей политики на последующие годы войны и интервенции выглядела очевидной. С осени того же года и до 1921 г. она лишь совершенствовалась и доводилась до той осознанной рубиконовой черты, которая не усугублялась дальше почти генетической ненависти всех крестьян к вновь нависшей помещичьей опасности.

И такой лидер умнейшей разновидности меньшевизма, каким являлся Ф.И. Дан, после окончания гражданской войны, отмечая голод и ненависть крестьянства к крайностям «военного коммунизма», заявил следующее: «В нашей (!? – автор) победе более всего оказалось то, что когда перед крестьянами встает призрак старого помещика, старого барина, чиновника, генерала, то русское крестьянство непобедимо... Крестьяне все силы отдают на то, что-

бы отразить самую возможность возвращения старого помещика и старого царя». Тем более, что неотложно устранялись очевидные перегибы в крайностях продовольственной диктатуры, а, например, неожиданное упразднение комбедов уже через полгода после их создания, заметно способствовало налаживанию отношений с середняком и общему, хотя и относительному, успокоению в деревне. Это стало проложением и всего курса на союз со средним крестьянством, принятым вскоре в марте 1919 г. VIII съездом РКП(б).

Даже всем памятный декрет от 11 января 1919 г. о разверстке зерновых хлебов и фуража, рассказом о котором в учебно-лекционной практике обычно начинают изложение сущности продовольственной политики военнo-гражданских лет, ее предельной разверсточной жесткости, да и как исходного комбинированного начала чуть ли не всего «военного коммунизма». В этой связи кого-то чуть ли не смущает и некая запоздалость того декрета. В действительности же, вопреки сложившемуся мнению, разверстка не была дальнейшим ужесточением продовольственной диктатуры, а наоборот, стала существенным ослаблением подразверстки в плане ее заданности и конкретности. В сущности признавались крайность и безрезультативность подворного учета и нормирования крестьянского потребления. Теперь государство заранее объявило о размерах предстоявшей разверстки с последующим ее разбросом по регионам, губерниям и уездам. А это уже представлялось прямой переходной ступенью к процентному натуральному налогу 1921 г.

С.Г. Осьмачко

**Патриотические движения населения
Верхнего Поволжья по оказанию помощи фронту
в годы Великой Отечественной войны**

(1941-1945 гг.): донорское движение и сбор трофеев с полей сражений

В предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны серьезное внимание уделялось воспитанию у молодежи патриотических качеств. Эффективность этой работы выразилась в готовности молодых патриотов активно участвовать в движениях по оказанию помощи фронту. Провозглашаемый директивой Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) (29 июня 1941 г.) партийным советским организациям прифронтовых областей лозунг "Все для фронта! Все для победы!" реализовывался в различных формах патриотических движений.

Всенародная помощь фронту выражалась:

- в ударном труде на производстве, в сельском хозяйстве;
- в массовом добровольном вступлении в армию или народное ополчение;
- в огромной помощи действующей армии денежными и материальными средствами*;
- обмену делегациями воинов и трудящихся;
- оказании помощи раненым;
- донорском движении и т. п.

В данном случае мы рассмотрим донорское движение и сбор трофеев с полей сражений, то есть те направления, которые чаще всего в определенной мере выпадали из поля зрения авторов.

* Это направление реализовывалось путем создания патриотических денежных фондов (Обороны, Красной Армии, Главного командования Красной Армии, Здоровья защитников Родины и пр.) добровольного сбора народных средств на вооружение и боевую технику; участия в государственных займах, лотереях; добровольного проведения субботников и воскресников; сбора теплых вещей для действующей армии и пр.

Донорское движение являлось важнейшим направлением всенародной помощи фронту. В годы войны резко возросло количество доноров, изменились их половозрастные характеристики. По данным Наркомата здравоохранения РСФСР, молодежь в возрасте до 30 лет составляла 64% доноров, еще 23,5% доноров были до 35 лет, от-85 до 95% всех доноров были женского пола [1].

Уровень патриотизма советских людей был очень высоким.

Всего в военные годы стали донорами 5,5 млн. граждан СССР [2]. Это имело огромное значение: если в годы Первой мировой войны 65% умерших от ран умерли от большой кровопотери и невозможности ее восстановления, то в годы Великой Отечественной войны этот показатель составил только 1% [3]. Всего за годы войны советские люди сдали 1,7 млн. л крови [4].

Возросла донорская прослойка и в областях Верхнего Поволжья. Этому способствовала достаточно разветвленная система органов переливания крови: в областных центрах имелись областные станции, в районах — оперативные пункты и кабинеты переливания крови. В Иванове, Владимире, Шуе, Коврове, Вязниках, Кинешме, Александрове, Вичуге, Гусь-Хрустальном, Кольчугине, Кохме, Родниках, Фурманове Дейково, Юрьев-Польском, Собинке, Гороховце, Киржаче они действовали достаточно эффективно [5].

Так же в системе Народного комиссариата здравоохранения РСФСР существовали передвижные станции переливания крови: в Вышнем Волочке работала 2-я, в Борисоглебском - 4-я передвижные станции. Кроме того, в Калининне действовала, давая 20 л. крови ежедневно, станция переливания крови от фронтового эвакуопункта №65 [6].

Деятельность вышеперечисленных заведений по-

зволила существенно увеличить объемы забираемой крови. Если на учете в Ивановской областной станции перед началом войны стояло около 500 доноров, то к 1 января 1943 г. их насчитывалось уже 45381, а к 1 мая 1943 г. – 50576 (в том числе 44205 доноров-женщин) [7]. То есть донорская прослойка чуть менее чем за два года выросла более чем в 100 раз.

Ярославская областная станция, имевшая перед войной 260 доноров, к 1 января 1942 г. уже насчитывала 8240 чел. (7566 женщин и 674 мужчин), к 1 мая 1943 г. - 9570 доноров (9276 женщин и 294 мужчины) [8].

Итоговые показатели забора крови выглядят внушительно: за годы войны доноры Ивановской области сдали 125 т. крови [9].

Калининская областная станция переливания крови, за то же время дала более 80 т [10]. Кроме того, 2-я передвижная станция переливания крови (Вышний Волочек) с 28 июня 1942 г. давала, как минимум, 5 л крови ежедневно, а фронтовая станция (ФЭП-65) - 20 л [11]. Из 50 л крови, собираемых ежедневно Ярославской областной станцией, 40 л отправлялись на фронт, а 10 л - в местные госпитали. Костромская и Рыбинская городские станции переливания крови ежедневно сдавали 40 и 50 л соответственно [12].

Есть немало примеров безвозмездной сдачи крови: костромичи, например, за первый квартал 1944 г. пожертвовали в Фонд обороны 3475 руб. денежной компенсации за донорство, ивановские доноры перечислили в Фонд обороны к маю 1942 г. около 100 тыс. руб. [13]. Но важно помнить, что большая часть доноров сдавала кровь за продукты, деньги и пр. Как только возникали перебои с поставкой, например, продуктов на станции переливания крови, немедленно снижался кровозабор. Его увеличению так же мешали низкая техническая готовность станций, отрыв населения на сезонные работы и пр.

Кровь принималась у лиц не моложе 18 лет, но многие 16 - 17-летние комсомольцы так же стремились сдавать кровь и для этого пытались обмануть администрацию. «Северный рабочий» писал: "В большинстве случаев это цветущие юноши и девушки. О своих годах такие посетители стараются не говорить. А чтобы предупредить нежелательный вопрос о возрасте, описывают в ярких красках свое здоровье, физическую закалку, успехи в спорте и даже ссылаются на оборонные значки" [14]. За первые два года войны в донорском движении приняли участие более 14 тыс. комсомольцев-калнинцев [15]; в этот же период 4,8 тыс. молодых ивановцев стали застрельщиками сдачи крови, а из 66914 доноров Ивановской области около 47 тыс. были молодыми людьми в возрасте до 30 лет [16].

Вовлечению в донорское движение способствовала различная политико-воспитательная работа, проводимая партийными, советскими, военными и комсомольскими органами. Лучше эта работа была поставлена в Ивановской области, где уже 5 и 22 июля 1941 г. на заседаниях соответственно городского и областного комитетов партии был обсужден вопрос массового вовлечения горожан в донорское движение. 25 июля 1941 г. отдел пропаганды и агитации Ивановского обкома ВКП(б) собрал городское совещание доноров и агитационного актива. С докладом выступила директор областной станции переливания крови С.Л. Максимова [17]. Показателен пример действий партбюро завода №314 (г. Рыбинск), где после заранее подготовленной лекции "О значении донорства" была организована массовая сдача крови. Инициативная группа во главе с секретарем комсомольской организации Ярославского завода "Парижская коммуна" З.И. Балашовой создала на предприятии опорный донорский пункт, имевший в своем составе 19 доноров-активистов [18].

Большое значение имели публикации в прессе о пе-

редовиках донорского движения. За годы войны медсестра из Костромы А.И. Прянишникова и почтальон Г.М. Крылов сдали соответственно 12 и 8 л крови [19]. Многие владимирцы за отличие в сдаче крови были награждены правительственными наградами: Л. Трофимова, сдававшая в годы войны кровь более 20 раз - орденом "Знак почета" [20], председатель фабрично-заводского комитета завода "Автоприбор" Н.И. Шменькова, сдававшая кровь 47 раз, и станочник того же предприятия И.С. Блохин, сдавший 18 л крови, - орденами «Красной звезды» [21]. К 25 сентября 1941 г. калининские комсомолки Мария Немкина и Анастасия Волкова безвозмездно сдали соответственно 1,3 и 1,4 л крови [22]. Именно в это время начались массовые поступления раненых в госпитали Верхнего Поволжья, и донорская кровь пришлась как нельзя кстати.

Донорство подчас охватывало целые семьи. В этом отношении показателен пример Беляковых, проживавших во Владимире (ул. Федосеева, дом 27) жена сдавала кровь 23 раза, муж - 11. Старшая дочь - Валентина - сдала государству 16 литров крови, младшая - Нина - 8 литров. Все члены семьи были награждены знаками "Отличник санобороны" [23]. Пропагандой подобных примеров занимались работники здравоохранения системы переливания крови, партийно-комсомольский актив, военнослужащие местных органов военного управления.

В политико-воспитательной работе на местах с большой эффективностью обыгрывались многочисленные факты связей доноров с фронтом. Нередко с донорской кровью на фронт отправлялись записки, адресованные фронтовикам, пожелания "кровным братьям" скорейшего выздоровления. Тысячи благодарственных писем приходили в ответ. «Дорогая моя, - писал в Иваново раненый боец, - я не знаю, кто вы. Возможно, мы с вами разных лет и разного характера, но крови одной - русской крови, которой

мы не жалеем во имя нашей цветущей Родины, во имя победы над заклятым врагом человечества - фашизмом. Мы проливаем ее на полях сражений, вы отдаете свою кровь в тылу для нас. Таким образом, мы люди одной семьи, братья по крови, непоколебимые советские люди» [24].

Относительно самостоятельным направлением все-народной помощи фронту являлся сбор трофеев с полей сражений. Эта задача ставилась перед молодежью Калининской области, на территории которой шли боевые действия. Работа начиналась сразу после освобождения какой-либо территории от оккупантов. В соответствии с решением бюро обкома партии за каждой комсомольской организацией закреплялся определенный участок территории, куда сначала отправлялись небольшие разведгруппы для установления наличия и объемов трофеев, вероятности заминирования и пр. Затем на место выезжали специальные бригады, собиравшие трофеи и брошенное оружие, имущество и т.п. В тех же целях устраивались специальные воскресники, молодежь активно участвовала в социалистическом соревновании за звание победителя в сборе трофеев и пр.

Всего к 30 июня 1942 г. молодежью Калининской области было собрано 8715 винтовок, 231 пулемет, 303 автомата, 4620 гранат, 3963 мины, 10651 артснаряда, 4962646 патронов, 517 велосипедов, 36 мотоциклов, 16 танков, 38 автомашин, 2 893 противогАЗа, 7646 м медного провода (и 13 т в катушках), 314 саперных лопат. В сборе отличились комсомольцы и молодежь Калининского сельского и Старицкого районов [25].

Указанные выше направления патриотической помощи фронту, как и другие, сыграли огромную роль в обеспечении Победы нашего народа над Фашистской Германией.

Примечания:

1. Подсчитано по: ЦГА РФ, ф. 482, оп. 47, л. 1гд. 602, л. 97; д. 1335, л. 5, 31, 36, 55, 64, 81.
2. Здоровье. – 1965. – № 5. – С. 3.
3. Барсуков М.И. Красный Крест и Красный Полумесяц СССР. – М., 1955. – С. 110.
4. Великая Отечественная война 1941 - 1945: Энциклопедия. – М., 1985. – С.110.
5. ЦДНИ ИО, ф. 327, оп. 7, д. 20, л. Ю2.
6. ЦГА РФ, ф. 482, оп. 47, ч. 1, д. 602, л. 97.
7. Там же, д. 1 335, л. 5.
8. Там же, л. 55.
9. Поступь юности. – Ярославль, 1988. – С. 17.
10. Страницы народного подвига. – М., 1974. – С. 237.
11. ЦГА РФ, ф. 482, ол. 47, ч. 1, д. 602, л. 91, 100.
12. ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 224, д. 238, л. 54; Д. 660, л. 5.
13. Известия. – 1942. – 6 июня; Северная правда. – 1944. – 28 июля.
14. Северный рабочий. – 1941. – 4 сентября.
15. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 47, д. 119, л.9.
16. Подсчитано по: Еремин В.Г., Исаков П.Ф. Молодежь в годы Великой Отечественной войны. – М., 1984. – С. 210; История г. Иванова. Иваново социалистическое. – Иваново, 1962. – С. 228; Рабочий край. – 1943. – 6 октября.
17. ЦДНИ ИО, ф. 327, оп. 7, д. 20, л. 179.
18. ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 224, д. 308, л.178; Партийные организации Верхней Волги в годы Великой Отечественной войны. – Вып. 3. – Иваново, 1970. – С. 140.
19. Северная правда. – 1945. – 18 марта.
20. Еремин. В.Г., Исаков П. Ф. Указ. соч. – С. 219.
21. ЦДНИ ВО, ф. 830, оп. 1, д. 112, л. 7.
22. Страницы народного подвига. – С. 43.
23. ЦДНИ ВО, ф. 830, оп. 1, д. 112, л. 8.
24. Цит.по: Васильев П.Д. Боевые будни. – Иваново, 1954. – С. 43.

А.И. Сазонов

Инженерные войска в битве под Москвой

Одним из крупнейших событий Второй мировой войны является битва под Москвой, которая началась в конце сентября 1941 г. Она продолжалась более полугода и включает в себя ряд оборонительных и наступательных операций, проведенных советскими войсками. Количество инженерных частей, участвовавших в битве под Москвой, постепенно возрастало и к концу января 1942 г. выросло в три с лишним раза. Стрелковые дивизии к этому времени стали иметь штатные саперные подразделения. К концу 1941 г. в войска стали поступать изготовленные уже в период войны инженерная техника и минно-подрывные средства. Однако средств инженерного вооружения катастрофически не хватало, так как поступали они сравнительно в небольших количествах.

18 июля 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ о строительстве оборонительных рубежей для прикрытия подступов к столице нашей Родины – Москве. Одной из важных задач было создание оборонительных рубежей на волоколамском, Можайском и мало-ярославском направлениях. Каждый рубеж или полоса обороны должны были включать в себя систему батальонных районов обороны, огневые точки и позиции, а также заграждения и пункты управления. Но инженерными частями, необходимыми для строительства оборонительных рубежей ни Резервный фронт, ни Ставка Верховного Главнокомандования в то время не располагали. Так, в составе группы резервных армий из числа инженерных частей армейского и фронтового подчинения имелся только один 538-й минно-саперный батальон, а в резерве Ставки их не было вообще. Поэтому для выполнения работ и их матери-

ального обеспечения постановлением ГКО были привлечены строительные организации некоторых наркоматов (Главгидрострой, Управление строительством Дворца Совета, Акапемстрой, трест «Строитель», строительный трест НКВД и др.). Кроме того, по решению Московского областного и городского Советов депутатов трудящихся на строительство оборонительных сооружений было мобилизовано 450 тыс. жителей столицы, в том числе 50 тыс. студентов. Среди мобилизованных 75 % составляли женщины.

Кроме Вяземской, Можайской линий и Московской зоны обороны войска Западного, Резервного и Брянского фронтов совершенствовались в инженерном отношении оборону на рубеже соприкосновения с противником.

В целом возведенные укрепления оказали существенную помощь советским войскам, когда в октябре – ноябре 1941 г. развернулись ожесточенные бои с немецко-фашистскими войсками на подступах к Москве.

Второй важной задачей инженерных войск, как в период подготовки обороны, так и в ходе ее ведения было создание заграждений всех видов. Кроме минновзрывных противотанковых и противопехотных заграждений были применены и электризуемые заграждения. С помощью системы электропередач и подстанций вся энергетическая мощь Мосэнерго ставилась на службу защиты подмосковных рубежей от гитлеровских захватчиков. В августе была организована подготовка водных заграждений. На Волге, в верхнем течении Днепра, на Протве, Гжати, Угре и других реках было построено тринадцать плотин. Работы выполнялись силами местного населения и организациями Главгидростроя под руководством группы специалистов из числа профессорско-преподавательского состава Военно-инженерной академии. Большое внимание было уделено устройству заграждений на дорогах, ведущих к Москве. Для этого из слушателей Военно-инженерной академии и

курсантов Московского военно-инженерного училища было сформировано 10 отрядов заграждений по 50 человек в каждом. Отрядами заграждений были подготовлены к подрыву важнейшие сооружения на основных дорогах, установлены фугасы на перекрестках дорог и в трудно проходимых местах, заминированы вероятные пути движения вражеских колонн. Для этого было использовано свыше 23,5 тыс. противотанковых мин и большое количество взрывчатых веществ.

В ходе оборонительных операций инженерные части Западного, Резервного и Брянского фронтов принимали активное участие в боевых действиях по срыву танковых атак противника. Так, 25 октября в районе Спас-Рюховского (12 км южнее Волоколамска) 289-й противотанковый артиллерийский полк, 579-й отдельный саперный батальон и рота 42-го отдельного моторизованного инженерного батальона успешно отразили массированную танковую атаку врага. Саперы имели подвижный запас мин и, взаимодействуя с противотанковым артиллерийским полком, устанавливали их на направлениях движения танков противника. В результате успешных действий артиллеристов и саперов было уничтожено 59 танков врага. А 246-й отдельный саперный батальон, действуя в подвижном отряде заграждений фронта, передвигаясь на 14 автомашинах, взаимодействуя с артиллерийскими частями, способствовал нанесению потерь ударным группировкам противника и срыву его атак.

Неожиданностью для противника в ходе ведения оборонительных боев было применение мин и фугасов замедленного действия и управляемых по радио. В октябре 1941 г. в тылу противника было взорвано несколько хорошо охраняемых мостов и других важных объектов.

В процессе совершенствования обороны на московском направлении особое внимание было обращено на

дальнейшее усиление противотанковой обороны. В силу недостатка минновзрывных средств возникла необходимость более широкого возведения противотанковых рвов, эскарпов и контрэскарпов, лесных и минированных завалов, противотанковых ежей и надолбов. Непрерывные контратаки наших войск, а также возведенные противотанковые заграждения, сплошные разрушения на дорогах и минные поля резко снизили темпы продвижения танков противника. В начале декабря наши войска остановили наступление немецко-фашистских армий, а затем перешли в решительное контрнаступление.

Большую роль в срыве наступления противника и в изматывании его ударных группировок сыграли две оперативно-инженерные группы по устройству заграждений, которые были созданы 17 ноября 1941 г. по решению Ставки Верховного Главнокомандования. Одной из них командовал генерал-майор инженерных войск И. П. Галицкий. В ее состав входили шесть инженерных и саперных батальонов, две саперных роты и два мотострелковых батальона. Прикрывая заграждениями клинское направление, группа должна была производить разрушения в случае вынужденного отхода войск на правом фланге Западного фронта. Только за вторую половину ноября группой оперативных заграждений было взорвано и сожжено 310 мостов, устроено около 400 завалов на дорогах, установлено более 53 тыс. различных мин и фугасов, в том числе управляемых по проводам, взорвано 500 дорожных фугасов. Действия группы оперативных заграждений замедляли темпы продвижения противника, вынуждали его танки маневрировать вдоль фронта и подставлять свои борта под огонь нашей противотанковой артиллерии. На минах, установленных этой группой, подорвалось 408 автомобилей и бронетранспортеров и 43 танка противника [1].

На стыке Западного и Юго-Западного фронтов ус-

пешно действовала вторая оперативная группа заграждений под командованием генерал-майора инженерных войск В. Ф. Зотова. В ее состав входили 9 инженерных батальонов. Эта группа действовала в районах Каширы, Рязска, Рязани и установила свыше 100 минных полей.

Анализируя опыт применения инженерных заграждений в обороне под Москвой, командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков в донесении Председателю Государственного Комитета Обороны 8 декабря 1941 г. писал: «Применение противотанковых мин дает все больший эффект. Если за ноябрь месяц с. г., по неполным данным, было подорвано на минах 29 танков и 1 бронемашина, то в период с 1 по 4.12.41 г. только в двух армиях, 5-й и 33-й, подорвалось 17 танков и 2 бронемашин. Это объясняется прежде всего тем, что в последних боях значительно улучшилось взаимодействие с саперными частями на поле боя. Подразделения саперов – истребителей с противотанковыми минами выдвигались на направление движения танков и устанавливали быстро мины иногда в непосредственной близости от танков противника. В бою у деревни Акулово заградительным огнем артиллерии танки были загнаны на минные поля, где и понесли большие потери. Приняты меры к распространению этого опыта взаимодействия во всех армиях фронта» [2].

Все инженерные части и подразделения – войсковые, армейские и фронтовые – широко применялись в оборонительных операциях под Москвой. Они строили оборонительные сооружения полевого и долговременного типа, выделяли из своего состава руководителей и инструкторов на оборонительные работы, к которым привлекались стрелковые войска и гражданское население, ремонтировали и прокладывали дороги, а при вынужденном отходе войск разрушали их. Инженерные войска активно вели борьбу с танками противника и обеспечивали борьбу с ни-

ми других войск. С этой целью они широко осуществляли маневр средствами заграждения, минировали местность, действовали в группах истребителей танков, проявляя при этом мастерство, стойкость, самоотверженность и мужество.

Примером этому может служить бессмертный подвиг одиннадцати саперов 1077-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии. 18 ноября 1941 г. батальон пехоты противника с двадцатью танками подошел к деревне Строково в 7,5 км северо-восточнее Волоколамска, где находился штаб полка. В распоряжении командира полка в этот момент был только взвод саперов, которому и была поставлена задача – занять оборону и не пропустить вражеские танки. Саперы под руководством младшего лейтенанта П. И. Фирстова бутылками с горючей смесью и гранатами уничтожили несколько вражеских танков и десятки гитлеровцев, на некоторое время задержали врага и дали возможность нашим войскам организованно отойти на новый рубеж. Из одиннадцати саперов погибли восемь, а младшего лейтенанта П. И. Фирстова и двух саперов, тяжело раненных, гитлеровцы взяли в плен и зверски замучили. Все одиннадцать отважных воинов были посмертно награждены орденом Ленина.

В ходе контрнаступления под Москвой основными задачами инженерных войск были: обеспечение прорыва обороны противника и продвижения наступающих войск в оперативной глубине; отражение контратак и контрударов противника, закрепление достигнутых рубежей; разрушение коммуникаций в тылу противника; выполнение маскировочных мероприятий; участие и штурме сильных укреплений и опорных пунктов противника, устройство и содержание путей подвоза и эвакуации и др.

К этому времени в составе инженерных войск армейского и фронтового подчинения находилось 44 баталь-

она: 19 инженерных, 19 саперных и 6 понтонных батальонов, в состав стрелковых полков и бригад были введены саперные роты, а в каждой стрелковой дивизии находился саперный батальон. В составе Западного фронта была 1-я саперная армия, имевшая 10 бригад по 8 батальонов в каждой.

Обеспечивая наступление войск правого фланга Западного фронта, саперы в декабре 1941 г. строили ледяные и мостовые переправы через канал Москва – Волга, участвовали в штурме огневых точек противника, делали проходы в его минновзрывных заграждениях, прикрывали минными полями фланги наступающих войск. Так, при уничтожении опорного пункта противника в Крюково 7–8 декабря 1941 г. саперы 2-го гвардейского отдельного саперного батальона 8-й гвардейской стрелковой дивизии и саперной роты 17-й стрелковой бригады показали замечательные образцы мужества и находчивости. В этом бою они не только обеспечили проходами в заграждениях противника атакующие части, но и сами активно участвовали в уничтожении отдельных огневых точек врага. Двигаясь по ходам сообщения, отрытым в снегу, они скрытно подползали к вражеским танкам и взрывали их зарядами ВВ.

С началом отхода противник стал широко применять минновзрывные заграждения и производить разрушения. Поэтому в ряде случаев саперам приходилось идти впереди наступающих танков, производя разведку и снимая мины. Так, на левом фланге Западного фронта при обеспечении ночного штурма города Михайлово 7 декабря 1941 г. саперы 607-го отдельного саперного батальона в течение нескольких часов сняли свыше 830 мин. В последующем, благодаря героическим усилиям 103-го отдельного инженерного батальона и 269-го отдельного саперного батальона войска 49-й армии без задержек переправились через реки Протва и Ока. В результате чего создались бла-

гоприятные условия для стремительного преследования и овладения с ходу крупным узлом дорог областного центра – городом Калуга. В ходе боев за Калугу 20 – 30 декабря 1941 г. саперы 557-го саперного батальона, обеспечивая преследование противника, в течение трех дней проложили 140 км колонного пути, построили и восстановили шесть мостов. С захватом нашими войсками Калуги, создавая завалы и минируя дороги, 557-й саперный батальон содействовал срыву контратак противника, что лишило его возможности вывести из Калуги военное имущество. Противник вынужден был бросить в Калуге несколько железнодорожных эшелонов, в том числе два эшелона с танками.

На Калининском фронте, обеспечивая наступление соединений 31-й и 29-й армий, 57-й отдельный понтонно-мостовой батальон осуществил переправу танков КВ на правый берег Волги под Калинином. Им пришлось подорвать лед и в образовавшейся майне навести переправу, так как замерзшая река не выдержала бы тяжелых машин, а сплошной лед делал невозможным наводку наплавного моста [3].

В ходе общего наступления характер задач, которые решали инженерные войска, был такой же, как и в период контрнаступления. В январе – марте 1942 г. инженерные войска Западного фронта устроили 58 переправ по льду, проложили 5387 км колонных путей, построили 118 низководных деревянных мостов, обезвредили и сняли 21644 мины противника [4].

Таким образом, инженерные войска внесли большой вклад в дело разгрома фашистских армий в битве под Москвой и в общее наступление наших войск на Западном направлении. В ходе сражений с новой силой проявился массовый героизм воинов-саперов. Сотни бойцов и командиров инженерных войск были награждены орденами и медалями. В боях отличились не только отдельные воины, но и

целые части. 11-ти саперным батальонам и другим специальным инженерным частям, было присвоено почетное наименование гвардейских.

За образцовое выполнение заданий правительства по строительству укрепленных рубежей против фашистских захватчиков Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1942 г. орденами и медалями Советского Союза награждены 926 человек. Орденом Ленина были награждены 9 человек, Красного Знамени – 10, Трудового Красного Знамени – 76, Красной Звезды – 63 и «Знак почета» – 196 человек. Среди награжденных орденом Ленина – начальник инженерных войск Красной Армии генерал-майор инженерных войск Л. З. Котляр, орденом Красного Знамени – командующий 5-й саперной армией бригадинженер А. Н. Комаровский и другие [5].

Опыт инженерного обеспечения битвы под Москвой и боевого применения инженерных войск явился важным источником дальнейшего развития военно-инженерного искусства. Опыт применения инженерных заграждений и оперативных групп заграждений были использованы и развиты в дальнейшем ходе Великой Отечественной войны.

Примечания

1. Беспримерный подвиг // Материалы научной конференции, посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. – М., 1968. – С. 175.
2. ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 7034, д. 3, л. 183.
3. ЦАМО РФ, ф. 69, оп. 14065, д. 29, лл. 179, 183.
4. Цирлин А.Д. Советские инженерные войска. – М., 1965. – С. 24.
5. Красная Звезда. – 22 февраля. – 1942 г.

А.С. Воронцов

Некоторые особенности тылового обеспечения советских войск в ходе Сталинградской битвы (осень 1942 г.)

Немалая роль в успехе, достигнутом советскими войсками в ходе ожесточенных сражений под Сталинградом осенью-зимой 1942 года, принадлежит работникам тыла, сумевшим в сложных погодных условиях, под непрерывным артиллерийским обстрелом и бомбежками наладить снабжение войск, сражающихся в разрушенном городе, оружием, боеприпасами, продовольствием и другими необходимыми материальными средствами.

Осенью 1942 г. обстановка на фронтах складывалась таким образом, что для тыла Красной Армии основной и наиболее сложной задачей стало военно-экономическое обеспечение войск, действовавших в районе Сталинграда и в большой излучине Дона. Под мощными ударами противника объединения, соединения и части Красной Армии потеряли большое количество боеприпасов, горючего и других видов материальных средств; маломощный войсковой транспорт, в основном гужевого, в ходе боевых действий был уничтожен. Центральные и фронтовые органы тыла, имея на базах (складах) необходимые запасы средств снабжения, по причине отсутствия в своем распоряжении достаточного количества автотранспорта не могли подать грузы в боевые порядки обороняющихся войск.

Особенно осложнилась обстановка с выходом противника 23 августа 1942 года к Волге – главной транспортной артерии страны. Подвоз боеприпасов, горючего и других материальных средств в район Сталинграда по железной дороге Поворин – Сталинград и по Волге на участке Саратов – Сталинград был прерван. Единственным доступным путем оставалась рокадная железная дорога Саратов - Урбах – Баскунчак – Астрахань, имевшая пропускную спо-

способность лишь 6-8 пар поездов в сутки. Потребность же в перевозках была значительно большей.

К сентябрю 1942 г. сеть железных дорог по сравнению с июлем еще сократилась, произошла потеря большого количества подвижного состава. Железные дороги, подходившие в район Сталинграда, систематически подвергались массированным налетам авиации противника. Если в июле на железную дорогу Урбах – Астрахань и узел Саратов было совершено 20 самолето-вылетов и сброшено 32 бомбы, то в октябре противник произвел 1026 самолето-вылетов и сбросил 3232 бомбы [1]. Несмотря на столь интенсивное воздействие авиации противника на железнодорожные магистрали, они в кратчайшие сроки восстанавливались железнодорожными войсками и местным населением.

Большую помощь в успешной обороне города сыграли моряки Волжской военной флотилии, которая с августа 1942 г. поддерживала боевые действия сухопутных войск на оборонительном обводе города, обеспечивая коммуникации на участках Камышин – Астрахань и переправу войск через Волгу. Только за оборонительный период Сталинградской битвы (с июля по ноябрь 1942 г.) корабли Нижне-Волжского пароходства и Волжской флотилии перевезли 124 тыс. человек, около 20,5 тыс. лошадей, до 300 орудий, 121 танк, 1740 автомашин и свыше 240 тыс. т различных материальных средств [2].

Напряженно трудились солдаты и офицеры автомобильных войск. Обеспечивая боевые действия войск на дальних подступах к Сталинграду, автотранспорт работал с предельной интенсивностью, часто круглосуточно. Только с конца августа по октябрь 1942 г. автотранспортом было перевезено около 20 стрелковых дивизий и других формирований на расстояние 120 – 250 км.

Вследствие острого недостатка автомобилей для

укомплектования развертываемых и вновь формируемых соединений и частей, требовалось неоднократно пересматривать их штаты и таблицы в сторону сокращения в них единиц автотранспорта. В связи с этими сокращениям штатная потребность Красной Армии в автомобилях к 1 августа 1942 г. уменьшилась до 397,3 тыс. против 744 тыс., установленных мобилизационными планами. Однако и сокращенная потребность была удовлетворена лишь на 83%. Особенно тяжелое положение создалось с обеспечением войск 62 армии оборонявшей Сталинград. Армейские склады находились в районе Ленинска, откуда грузы армейским и войсковым транспортом подвозились к переправам. На другой стороне Волги переброска материальных средств осуществлялась вручную. Большое количество грузов было перевезено воздушным и гужевым транспортом[3].

Шоссейные и грунтовые дороги, а также мостовые переправы через Дон, Волгу и другие реки в тыловых районах полностью отсутствовали. Дорожные условия были крайне неблагоприятными: дорог с твердым покрытием не было, грунты в основном полевые суглинки, затрудняли движение, интенсивность которого была очень высока. Из-за больших выбоин скорость автомобилей не превышала 30 – 35 км/ч.

5 января 1942 г. на заседании Государственного Комитета Обороны был заслушан доклад генерал-полковника Хрулева А.В. *, в котором он, в частности сказал: «Наличие в составе фронтов дорожных частей настолько мизерно, что ни в какой степени не обеспечивает своевременного восстановления и содержания в проезжем состоянии шоссе- ских и грунтовых дорог... В резерве ВГК нет ни одной дорожной части» [4].

В ходе материально-технического обеспечения бое-

* Хрулев А.В. – генерал армии.

вых действий войск в оборонительных боях на волжском рубеже наравне с поставками вооружения, боевой техники, транспортных средств значительную роль играл своевременный подвоз боеприпасов, горючего и других видов материальных средств.

Серьезной задачей начала Великой Отечественной войны стало создание на крупных стратегических направлениях запасов *боеприпасов*, которым предстояло стать стратегическими резервами Ставки. К апрелю 1942 г. такой запас на сталинградском направлении был создан, однако в результате летних боев и связанных с ними расходами и потерями боеприпасов (только Юго-Западный фронт с 15 мая по 12 июня 1942 г. израсходовал 1400 вагонов боеприпасов и потерял 1165 вагонов) к октябрю 1942 г. размеры резерва Ставки были на исходе. Расход боеприпасов в оборонительном сражении под Сталинградом был очень велик. Так, с 12 июля по 18 ноября 1942 г. войсками Юго-Западного, Донского, Сталинградского фронтов израсходовано 7610 тыс. снарядов и мин, в том числе около 5 млн. снарядов и мин войсками Сталинградского фронта.

Серьезным фактором, осложнявшим снабжение войск фронтов в ходе оборонительных сражений, стали значительные потери вооружения, боевой техники, боеприпасов и других материальных запасов. Только за период с 12 июля по 30 ноября 1942 г. потери фронтов в самолетах разных марок составили 775 единиц. Войска Сталинградского фронта за август и сентябрь потеряли 420 танков. Потери стрелкового, артиллерийского и зенитного вооружения, автомобильной и другой техники насчитывали десятки тысяч единиц [5].

Обеспечение войск *горючим* в оборонительном сражении под Сталинградом осуществлялось в основном за счет запасов, оставшихся в этом районе на базах Главнефтеснаба. Однако подача его непосредственно в части и под-

разделения была сопряжена с определенными трудностями. Снабжение войск непосредственно оборонявших Сталинград, автобензином, дизтопливом и техническими маслами, производилось минуя дивизионное звено. В городе было организовано 8 заправочных пунктов, укрытых в блиндажах. Горючее в бочках и бидонах из отделения армейского склада, расположенного на левом берегу Волги, переправлялось баркасами и на весельных лодках на заправочные пункты, на которых поддерживались 3-5 суточные запасы горючего. В последующем через Волгу был проложен трубопровод, по которому подавалось горючее на правый берег реки.

В войсках велась поистине борьба за экономию в расходовании горюче-смазочных материалов. С этой целью изымались сверхштатные машины, сокращались по минимуму автомобили личного пользования, прекращались перевозки грузов автотранспортом, если имелась возможность использовать гужевой транспорт, организовывалось автобусное сообщение между первым и вторым эшелоном построения войск в соединениях и объединениях, выезд машины из тыловых районов производился только с разрешения соответствующего начальника тыла и т. п. Строго контролировались мероприятия планов экономии горючего при хранении, транспортировке и расходовании.

Обеспечение военнослужащих *продуктами питания* всегда находилось под пристальным вниманием политического руководства страны и военного ведомства. Тем не менее, в первой половине 1942 г. продовольственные ресурсы фронтов были крайне низкими. Поезда с продовольствием нередко задерживались, а то и совсем не приходили к месту назначения, попав под огонь противника. На основании постановления СНК СССР в июле 1942 г. во фронтах и армиях были сформированы штатные группы для заготовки продовольствия и фуража из местных ресурсов. На-

пример, в тыловом районе Брянского фронта из урожая 1942 г. удалось вывезти на фронтовые и армейские продовольственные склады зерна и овощей в размере годовой потребности войск фронта.

Питание личного состава войск Красной армии в этот период осуществлялось по нормам, объявленным приказом Наркома обороны СССР от 22 сентября 1941 г. № 312.

По норме №1 довольствовались красноармейцы и начальствующий состав действующей армии, за исключением летно-технического состава. Его калорийность составляла зимой 3547 ккал и 3357 в летнее время и обеспечивала покрытие энергозатрат военнослужащих, а набор продуктов позволял готовить горячую пищу 2-3 раза в день. В состав сухого пайка входили продукты, калорийность которых была: для частей действующей армии 2890 ккал, для частей внутренних военных округов 2530 ккал.

Обеспеченность войск Сталинградского фронта продуктами питания к концу 1942 г. отражена в таблице 1. Четко видно, что подвижные запасы даже в этот сложный период в соединениях и частях поддерживались в размере 4-5 суточных выдач, на армейских складах 2-3, на фронтовых 6-8 суточных выдач. Если в обороне такие запасы вполне обеспечивали бесперебойное снабжение войск, то при переходе в наступление в связи с трудностями в подвозе эти запасы могли быть повышены с 15 до 20 суточных норм [6].

Таблица 1

Обеспеченность войск Сталинградского фронта
продовольствием и его расход в период
8 августа-10 октября 1942 г. [7]

№ п/п	Наименование продуктов	Состояло в наличии к началу операции	Завезено транспортом и заготовлено из местных средств, т	Израсходовано продовольствия за операцию	
				тонн	Суточных выдач
1	Мука, сухари	4039	23000	1980	64
2	Крупа, макароны	1705	7460	7600	64
3	Мясо, консервы	659	7600	6350	64
4	Жиры	472	1400	1760	64
5	Чай	27	25	28	64
6	Сахар	793	960	1210	64
7	Соль	519	2312	1470	64
8	Табак, махорка	285	1165	1050	64

Значительные потери запасов *вещевого имущества* в начале войны потребовали в 1942 г. увеличения производства обмундирования, обуви и снаряжения, для чего требовались большие финансовые затраты. Если до войны в военных поставках вещевого имущества по Народному комиссариату легкой промышленности участвовало 146 предприятий, то к концу 1942 г. их количество возросло до 296. Однако обстановка осложнялась тем, что не хватало сырья.

Практика снабжения войск показала, что для бесперебойного обеспечения действующей армии вещевым имуществом необходимо создание во фронтах неснижаемых запасов хотя бы по основным предметам снабжения. Постановлением ГКО от 25 марта 1942 г. устанавливается отпуск имущества для создания 10-процентного запаса об-

мундирования и обуви от списочной численности фронта. Однако впоследствии этот запас был сокращен до 3%, а к концу года, из-за недостатка ресурсов, перестал отпускаться совсем.

Для перехода на зимнюю форму одежды Управление вещевого снабжения отправило фронтам 10300 вагонов теплых вещей. Военный совет Сталинградского фронта уже 18 сентября рассмотрел и утвердил план подготовки к зиме. В нем, в частности, предусматривалось усилить сбор теплых вещей среди населения в тыловом районе фронта, использовать местные сырьевые ресурсы и разместить заказы на теплые вещи на предприятиях местной промышленности и промкооперации, для чего выделялись необходимые денежные средства.

Своевременное поступление теплых вещей по нарядам центра, как и использование местных ресурсов, во многом способствовало организованному переходу войск на зимнюю форму одежды.

Тяжелые условия оборонительных боев, особенно в войсках 62-й армии, не давали возможности отводить подразделения в тыл для замены предметов вещевого имущества на личном составе. Поэтому смена производилась непосредственно в боевых порядках войск.

По состоянию на 10 ноября 1942 г. войска передовой линии были полностью обеспечены шапками-ушанками, перчатками, теплым бельем, портянками и на 80% ватными телогрейками и шароварами.

Большое внимание уделялось обеспечению войск *осветительными приборами*. Их заготавливали как централизованно, так и изготавливали непосредственно в войсках. Так, по воинским частям Воронежского фронта по состоянию на 1 октября 1942 г. обеспеченность лампами составляла 39,8%, фонарями 33,1%. Войска действующей армии обеспечивались топливом в основном путем собст-

венных заготовок.

Во второй год войны наблюдается резкий рост расходов финансовых средств на бытовые потребности войск, выплату денежного содержания военнослужащим, на продовольствие, вещевое имущество, медицинское обслуживание, что связано не только с увеличением численности войск, но и с введением новых видов денежного довольствия, усиленных продовольственных пайков, специального и теплого обмундирования, обуви и другого имущества.

Важное значение придавалось *эвакуации подбитой техники* и вооружения с поля боя, их ремонту и возврату в строй. Премия исчислялась в зависимости от типа танка, самолета, авиадвигателя, вида оружия, степени ремонта. Военнослужащие и граждане СССР поощрялись материально за собранные и сданные на приемные пункты стреляные гильзы.

На финансовое обеспечение Красной Армии положительное влияние оказала система вкладных операций, принятая в действующей армии. Полевые учреждения Госбанка кроме прямых функциональных обязанностей выполняли на фронте еще и роль сберегательных касс. В результате большой разъяснительной работы среди военнослужащих число вкладчиков и суммы вкладов постоянно возрастали. Если на 1 января 1942 г. число вкладчиков было 98 тыс. человек, а сумма вкладов 68 млн. рублей, то на 1 января 1943 г. число вкладчиков стало 1674 тыс. человек, а сумма вкладов составила 1720 млн. рублей. Вложенные военнослужащими деньги внесли свою лепту в победу над врагом.

Материальные и финансовые расходы на *медицинское и ветеринарное обеспечение войск* в Сталинградском сражении также являлись значительной составной частью тылового обеспечения войск. В крайне тяжелых условиях приходилось работать военным медикам. Не зная устали,

забыв о голоде, не ведая страха, под непрерывными разрывами бомб, снарядов и мин работали они, движимые одним стремлением - как можно скорее и лучше оказать медицинскую помощь раненым бойцам и командирам. В оборонительном сражении под Сталинградом санитарные потери советских войск, которым была оказана медицинская помощь только на этапе эвакуации составили 414163 человека. Более подробные данные по санитарным потерям можно получить из таблицы 2.

Таблица 2

Санитарные потери войск Сталинградского
направления в оборонительных боях
(лето-осень 1942 г.) [8]

№ п/ п	Фронты	Санитарные потери				
		Раненые	Обож- женные	Обмо- рожен ные	Больные	Всего
1	Сталинградский (с 1.10.1942 г. Донской)	264 699	562	237	41 395	306893
2	Юго-Восточный (с 1.10.1942 г. Сталинградский)	68 146	350	138	17 308	85 942
3	Юго-Западный (создан 25.10.1942 г.)	17 266	101	258	3703	21 328
	Итого за три фронта:	350 111	1013	633	62 406	414163

В июне 1942 г. во фронтовых и тыловых эвакуогоспиталях всего имелось 1 180 000 коек, на которых лежало 900 000 раненых и больных, на содержание и лечение которых расходовалось большое количество материальных и финансовых средств.

Таким образом, во второй половине 1942 г. на Сталинградском направлении и непосредственно при защите

города действия войск во многом зависели от тылового обеспечения. Оперативный и войсковой тылы в результате неудачных сражений и боев практически оказались не в состоянии обеспечивать соединения и части боеприпасами, горячим, продовольствием и другими видами материальных средств. Войска потеряли почти все запасы материальных средств, автомобильный и гужевой транспорт. Принятыми мерами по усилению фронтов резервами, подвозу необходимого количества боеприпасов, горячего непосредственно при обороне города удалось стабилизировать фронт и перейти к жесткой обороне.

Всеми видами и разной подчиненности транспорта органы управления, соединения, части и учреждения тыла в ходе оборонительного сражения обеспечивали подачу фронтам как воинских пополнений, так и необходимых грузов не только на склады объединений, соединений и частей, но и непосредственно в боевые порядки к оружию, танку, боевой машине, каждому бойцу.

Примечания

1. Миренков А. И. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и курской битве. – М: РИЦ МО РФ, 2005.
2. Миренков А. И. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и курской битве. – М: РИЦ МО РФ, 2005.
3. Миренков А. И. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и курской битве. – М: РИЦ МО РФ, 2005.
4. Карпов В. В. Генерал армии Хрулев. Все для победы. Великий интендант.

5. Миренков А. И. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и курской битве. – М: РИЦ МО РФ, 2005.
6. ЦАМО РФ, ф. 2, оп. 795437, д. 4, л. 94.
7. Основные показатели работы тыла Советских Вооруженных Сил в операциях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М: Воениздат, 1970. – С. 53.
8. Основные показатели работы тыла Советских Вооруженных Сил в операциях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М: Воениздат, 1970. – С. 53.

С.Л. Воронцов

Действия штурмовых групп и штурмовых отрядов при ведении боевых действий в Сталинграде (осень-зима 1942-1943 гг.)

Слова о том, что опыт Великой Отечественной войны не потерял актуальности в наши дни не являются просто расхожей фразой, выражающей традиционное уважение к героизму советских солдат и офицеров, проявленному в боях с фашистскими захватчиками. Несмотря на серьезные изменения в средствах вооруженной борьбы, произошедшие за последние шестьдесят лет, многие принципы военного искусства остаются неизменными. Их творческое применение в сочетании с новыми тактическими приемами, рожденными вновь появившимися или усовершенствованными средствами вооруженной борьбы, обеспечивает возможность одержать победу с минимальными потерями. У лучших из лучших в когорте полководцев и военачальников такой подход всегда был признаком «хорошего тона».

В своей статье мне хотелось бы более подробно остановиться на ведении боя в городе. Испокон веков города, подготовленные к обороне, являлись серьезным препятствием для любой армии. Вспомним маленький русский го-

род Козельск, почти на неделю задержавший продвижение орд хана Батыя. В конце XIX века во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. теперь уже русские войска несут огромные потери, предприняв несколько безуспешных попыток взять штурмом небольшой городок Плевну, окруженный цепью полевых укреплений. Двадцатый век не стал исключением. Хвастливое заявление министра обороны России П.С. Грачева о возможности взять город Грозный силами парашютно-десантного полка стало своеобразным сигналом для начала штурма чеченской столицы. В результате – горы сгоревшей, искореженной техники, изуродованные трупы российских солдат и офицеров и огромное черное пятно позора, накрывшее на долгие годы некогда блистательную армию чудо-богатырей А.В. Суворова и М.И. Кутузова.

Не только для российской армии города становились крупным препятствием на пути движения войск. В начале XXI века при ведении боевых действий в Ираке с проблемой штурма крупных городов сталкиваются хваленые американские войска. И опять тяжелые бои, серьезные, по западным меркам потери среди личного состава и боевой техники. Возникает резонный вопрос: есть ли в аналах военной истории убедительные примеры успешных боев на городских улицах, которые могут стать своеобразным фундаментом для развития такого искусства в наших Вооруженных Силах? С уверенностью можно сказать: есть, это искусство было сформировано и проверено советскими войсками при взятии больших и малых населенных пунктов в годы Великой Отечественной войны.

Первый весомый опыт наступления в подобных условиях был получен советскими войсками в ходе боев за Сталинград, позднее был обобщен и распространен в войсках, нашел свое отражение в боевых уставах. Так Полевой устав Красной Армии 1943 г., отмечая особенность боев в

городе, подчеркивал, что наступательные действия внутри города «распадаются на ряд отдельных местных столкновений, что исход боя решают самостоятельные, инициативные действия даже небольших подразделений» [1]. Требования устава постоянно проверялись, совершенствовались в ожесточенных боях на улицах Сталинграда, Харькова, Кенигсберга, Будапешта, Берлина и других городов.

Особым элементом боевых порядков частей и подразделений, ведущих бой в городских условиях, являлись специально созданные *штурмовые отряды* и *штурмовые группы*. Они создавались для овладения важными, хорошо укрепленными объектами противника, взять которые силами обычных стрелковых подразделений было достаточно сложно. Впервые широкое распространение действия штурмовых групп получили во время боев в Сталинграде осенью 1942 года. Кому принадлежит приоритет начала использования в ожесточенных городских боях небольших мобильных подразделений доподлинно не известно, хотя историк В. Бешанов в своем исследовании, посвященном боевым действиям советских войск в 1942 году, уверяет, что «... немцы первыми начали действовать небольшими штурмовыми группами, ведь они же их и придумали еще в 1918 году» [2].

Об успешных действиях советских штурмовых групп в сталинградских боях упоминают практически все авторы, касающиеся данной темы. Вот один из примеров, содержащийся в мемуарах известного военачальника, в прошлом начальника штаба легендарной 62-й армии генерала Н.И. Крылова: в декабре 1942 года во время ожесточенных боев в Сталинграде перед частями 13-й гвардейской стрелковой дивизии стояла задача уничтожения крупного опорного пункта противника, включавшего Дом железнодорожника и стоявший в 70-80 м от него шестизэтажный дом. Дома господствовали над местностью, что давало

возможность немецким минометчикам обстреливать расположение двух полков дивизии генерала Родимцева и дивизионную переправу. Дома соединялись между собою и с тылами ходами сообщения, подступы к ним прикрывались проволочными заграждениями и минными полями. Попытки выбить врага из зданий силами обычных стрелковых подразделений результата не дали. Для взятия опорного пункта был сформирован штурмовой отряд в количестве 60 человек, 36 из них входили в состав трех штурмовых групп, каждая из которых имела свою конкретную задачу.

Как упоминалось выше, действия штурмовыми группами во время как наступательных, так и оборонительных боев для обеих воюющих сторон в Сталинграде стали нормой. Отсутствие четкой линии фронта, большое количество разбитых зданий, сеть городских подземных коммуникаций создавали почти идеальные условия для действий небольших мобильных групп, вооруженных всем необходимым для огневого боя на коротких дистанциях, захвата и удержания в течение небольшого промежутка времени укрепленного здания или другого важного в тактическом плане сооружения. В типовое вооружение подобных групп с советской стороны входили: автоматическое оружие, гранаты, толовые заряды, огнеметы, ампулометы, ножи и малые пехотные лопатки для рукопашной схватки. Иногда в группе имелось дополнительное «вооружение». Так в воспоминаниях уже упоминавшегося Н.И. Крылова приводится пример, когда бойцы штурмовой группы имели при себе два железных лома для пробития брешей в стенах домов и межкомнатных перегородках [3].

Успешные действия штурмовых групп, в описанном выше примере, должны были закрепляться специальными «подгруппами закрепления», в состав которых входили бойцы, вооруженные тяжелым оружием – пулеметчики, минометчики, бронебойщики и саперы. Другая подгруппа,

носившая название «обеспечивающей», отсекала объект атаки штурмовой группы от соседних укреплений, перехватывала ходы сообщения, не допуская подход резервов противника.

Состав штурмовых групп, применяемых советскими войсками в условиях уличных боев в Сталинграде, не был постоянным и зависел от условий обстановки. Так при боевых действиях в цехах завода «Красный Октябрь» вследствие загроможденности и так небольшого пространства цехов заготовками, остатками оборудования, развалинами рухнувшей крыши в состав штурмовых групп включалось по 5-6 бойцов, в задачу которых входило овладение каким-либо важным объектом внутри цеха с последующим закреплением результата главными силами стрелковых подразделений.

Действия штурмовых групп, как правило, тщательно подготавливались. Так, в уже упоминавшемся эпизоде из книги Н.И. Крылова описывается подготовка штурмовых групп к атаке опорного пункта: «Готовя операцию..., учили, кажется, все, что мыслимо было учесть. Признав необходимым максимально приблизить к объекту штурма исходный рубеж броска, сумели отрыть за две ночи 130-метровую подходную траншею, маскируя ее днем. Штурм неоднократно проигрывали на схеме. У Волги, под прикрытием обрывистого берега, организовали тренировки участников предстоящего боя и приняли от них практический зачет» [4].

Очень часто успех штурма зависел от внезапности для противника действий штурмовой группы. В приведенном выше эпизоде наступление групп решили начать без предварительной огневой подготовки в 6.40 утра, когда «только-только рассветает, но ночь уже позади» (как отмечает автор, до этого случая атаки начинались ночью). В данном случае замысел удался, и враг был застигнут врас-

плох.

Действия штурмовых групп и штурмовых отрядов стали одним из ключевых моментов в успешных действиях советских войск в городских боях в Сталинграде. Опыт подобных действий обобщался и доводился до командного состава полков и дивизий, а иногда батальонов и рот. Как отмечает Н.И. Крылов, представители штаба армии присутствовали «всюду, где выбивали гитлеровцев из крупного дома или укрепленной позиции», чтобы своими глазами увидеть новые тактические приемы, применяемые штурмующими группами [5].

В ходе ожесточенных боев в 62-й армии возникло и сформировалось четкое представление об оптимальной структуре штурмовой группы. Помимо упоминавшихся выше штурмующих групп, были группы закрепления, в состав которых включались резерв командира или обеспечивающая группа.

Штурмовые формирования в Сталинграде по праву стали «любимым детищем» командующего 62-й армией В.И. Чуйкова. «Быть готовым к штурмам, искать их!» – так формулировал командарм требование ко всему командному составу. Отказавшись от формирования штатных штурмовых подразделений, Чуйков поставил вопрос следующим образом: уметь штурмовать должен каждый! [6]. Короткие лозунги-наставления командарма, адресованные подчиненным, словно сошли со страниц суворовской «Науки побеждать»: «Чем ближе к противнику, тем лучше», «Твою задачу за тебя никто не выполнит», «Саперу – почетное место в штурмовой группе» и другие. Словно строка поэмы, звучал наказ бойцу, идущему на штурм: «Врываись вдвоем с гранатой. Оба налегке: ты без вещевого мешка, граната – без рубашки. Граната - впереди, ты – за ней. Так проходи весь дом!» Бойцам и командирам, входившим в состав штурмовых групп предписывалось прояв-

лять инициативу, разумную смекалку, избегать шаблона в действиях. Позднее опыт сталинградских боев в 8-й гвардейской армии генерала В.И. Чуйкова был сведен в свод правил, сыгравший важную роль в успешных действиях объединения в апреле 1945 года на улицах Берлина. Вот некоторые из них.

1. «Ворвавшись в дом, не зевай, действуй быстро, решительно, глуши противника всем, что имеешь под рукой.

2. Прежде чем ворваться в комнату, брось туда гранату. Если противник засел в подвале, применяй зажигательные бутылки или огнеметы.

3. Поднимаясь по лестничной клетке на верхние этажи, бросай перед собой дымовые гранаты и прочесывай площадки огнем из автомата. С площадки на площадку поднимайся броском.

4. Очутившись на следующем этаже, сразу же врывайся в квартиру. Если дверь заперта, подвесь к дверной ручке гранату и, отбежав, подорви ее. От взрыва гранаты дверь разлетится в щепки, а стоящие за дверью вражеские солдаты будут оглушены. Бой в здании ведется без передышки до полного уничтожения противника.

5. Если верхние этажи уже очищены, а в подвале еще находится враг, причем вход в подвал закрыт и туда нельзя бросить гранату или зажигательную бутылку, то, не раздумывая долго, открой пожарные или водопроводные краны: вода, проникнув в подвал, затопит сопротивляющихся.

6. Для перехода из одного дома в другой (соседний) или из одной квартиры в другую стены подрывай толком. Используй для этого также трофейные фаустпатроны» [7].

Действия штурмовых групп поддерживались огнем артиллерии, минометов, и танков. В приведенном выше примере для поддержки штурмовых групп выделялись две

батареи тяжелых минометов и батарея полковой артиллерии, а в определенный момент в целях отвлечения внимания противника предусматривалось «вести в действие все находящиеся на переднем крае огневые средства дивизии» [8].

Значительное внимание уделялось и морально-психологической подготовке бойцов, назначенных в штурмовые группы. Во-первых, в одну группу старались подбирать людей, уже воевавших вместе, например, из одной стрелковой роты. Во-вторых, без бойцов-членов ВКП(б) не формировалась ни одна группа. Ведь именно коммунисты обязаны были подавать пример мужества и героизма в трудных условиях, а здесь это «было необходимо вдвойне и втройне» [9]. Вместе с командиром в группу назначался и парторг, отвечавший за морально-психологическое состояние офицерского и солдатского состава вверенного подразделения.

Подводя итог, необходимо отметить, что действия советских штурмовых групп, активно применявшихся в уличных боях в Сталинграде, были значительным шагом вперед в развитии военного искусства. Впоследствии этот опыт был расширен и углублен в ходе боевых действий советских войск при взятии крупных городов.

Российские войска, столкнувшись в конце XX века в Чечне с проблемой ведения боя в городе, вынуждены были вновь обращаться к незаслуженно забытому опыту 50-летней давности.

Примечания

1. Тактика в боевых примерах (дивизия). – М.: Воениздат МО СССР, 1976 – С. 132.
2. Бешанов В.В. Год 1942 – «учебный». – Минск: Харвест, 2002. – С. 552.

3. Крылов Н.И. Сталинградский рубеж. – М.: Воениздат, 1984. – С. 318.
4. Крылов Н.И. Сталинградский рубеж. – М.: Воениздат, 1984. – С. 317.
5. Крылов Н.И. Сталинградский рубеж. – М.: Воениздат, 1984. – С. 320.
6. Крылов Н.И. Сталинградский рубеж. – М.: Воениздат, 1984. – С. 321
7. Монетчиков С. Штурмовые группы в Берлинской операции// Братишка. Май. – 2003. – С. 18-21.
8. Крылов Н.И. Сталинградский рубеж. – М.: Воениздат, 1984. – С. 323.
9. Крылов Н.И. Сталинградский рубеж. – М.: Воениздат, 1984. – С. 322.

С.В. Шалыгин

Действия бандформирований на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны

Этапы становления бандгрупп и их классификация

С началом Великой Отечественной войны деятельность бандформирований в отдельных регионах Северного Кавказа - ЧИ АССР, горном Дагестане, Кабардино-Балкарии, Калмыцкой АССР, Карачаевской автономной области заметно осложнилась. Особое место в этом списке играла Чечня, по докладам Военного Совета Северо-Кавказского округа, там отмечалось резкое ухудшение положения, которое характеризовалось массовым уклонением мужского населения от призыва.

С течением времени и в зависимости от складывавшихся условий обстановки менялась структура, система управления и вооружение банд-групп. При этом прослеживаются определённые тенденции, и предоставляется возможность выделить ряд этапов становления бандгрупп.

Первый этап: лето 1941 – зима 1942 гг. В связи с ослаблением и определенными трудностями в системе государственной власти, произошедшими в связи с началом войны, этот этап характеризовался активизацией деятельности бандгрупп. Уже в начале октября 1941 г. в Шатоевском, Итум-Калинском, Галанчожском, Чеберлоевском районах бандитами были организованы массовые вооруженные восстания. Повстанцы, используя тяжелое положение Красной Армии на фронтах, совершали террористические акты в отношении местных партийных и советских работников, нападали на сельские исполкомы и колхозы, сеяли панику и разложение среди рабочих и местного населения, нарушали работу коммуникаций, нападали на воинские гарнизоны и обозы. Банды удерживали за собой целые районы и сохраняли в них фашистский порядок. Для достижения этого бандгруппы объединялись в крупные группировки численностью в несколько сотен человек с единым руководством. Так, на территории Галанчожского района ЧИ АССР действовала повстанческая банда в составе 250 человек, которая 30 октября 1941 г. пленила и расстреляла группу курсантов Грозненского пехотного училища Красной Армии [1].

Вооружение – в основном времен гражданской войны, не изъятое в ходе специальных операций, проводимых в довоенный период [2]. Действия бандгрупп в этот период отличались хорошей организацией разведки путем наблюдения с высот и через своих родственников-пособников. Повстанцы принимали с войсковыми подразделениями открытый бой, стремясь захватить оружие, боеприпасы, нанося урон войскам.

Второй этап (весна 1942 г. – зима 1943 г.) характеризовался повышением активности в связи с подготовкой и последующим наступлением немецко-фашистских войск на южном направлении, благодаря активной работе немец-

кой агентуры, а так же постоянной подпиткой повстанцев оружием, боеприпасами и другими средствами для ведения подрывной деятельности. Непокойные районы стали благодатной почвой для действий немецкой агентуры. Участились нападения на отдельные воинские подразделения, тылы и транспорты. Стали массовыми случаи террористических актов против военнослужащих и отдельных граждан, диверсий на коммуникациях, предприятиях, линиях связи. Немецкая агентура пыталась координировать действия местных повстанческих отрядов, а также спровоцировать в тылу Красной Армии вооруженные выступления против советской власти. Например, 15 августа 1942 г. под руководством и при непосредственном участии немецко-фашистских десантников было поднято вооруженное восстание в Итум-Калинском и Шатоевском районах ЧИ АССР. Оно имело целью свержение Советской власти в горных районах и оказание помощи немецко-фашистским войскам в захвате города Грозного и Ордженикидзе. Восставшие жгли районные центры, убивали руководителей местной власти, проводили диверсии в тылу действующей Красной Армии. Немецкие самолеты высаживали десанты в районе города Грозного, забрасывали в горные районы оружие и боеприпасы для бандитов [3]. Восставшие разгромили районный центр Химой, блокировали войсковые гарнизоны в районном центре Итум-Кали, уничтожили почти все сельские исполкомы и колхозы Шатоевского и частично Чеберлоевского районов Чечено-Ингушской АССР и начали наступательные действия в тылу Красной Армии [4].

Бандиты имели большие по численности группировки. Так, например, только на территории четырех районов Дагестанской АССР и Азербайджанской ССР (Дербентско-Татасаринского, Кайтакского, Хивского и Касушкентского) в сентябре 1942 г. действовало 33 бандгруппы

численностью до 500 чел. Банды имели налаженную систему управления, широко применяли средства связи, их акции были менее спонтанны, чем в первый период, и отличались тщательным планированием. После отхода немецко-фашистских войск с Северного Кавказа в 1942 г., ими была оставлена широко разветвленная шпионско-диверсионная сеть из числа бывших пособников и дезертиров для борьбы против Советской власти и частей Красной Армии. Об этом свидетельствуют докладные записки районных отделений НКВД КБ АССР и ЧИ АССР [5].

На вооружении в этом и последующих периодах были минометы, крупнокалиберные пулеметы, автоматическое оружие как советского, так и немецкого производства, в основной массе подобранное на местах прошедших боев.

Третий период (зима 1943 – осень 1944 г.) был началом распада крупных бандформирований на значительное количество мелких разрозненных банд численностью до 50 человек, вследствие активных действий войск по уничтожению бандитов и их баз, а также уменьшением помощи со стороны фашистской Германии. Банды стали базироваться в районах и вокруг населенных пунктов, жителями которых они являлись, поддерживая тесную связь с родственниками и пособниками. Руководителями этих банд были закоренелые преступники-рецидивисты, немецкие агенты и изменники Родины, бывшие немецкие бургомистры, старосты и полицейские. Этот и следующий период характеризуются спадом активности и большим количеством случаев сдачи бандитов с повинной [6].

Четвертый период (зима 1943 г. – зима 1944 г.) характеризовался дальнейшим распадом банд на мелкие группы до 10 человек. Они отличались строгой конспирацией, постоянно маневрировали, меняя места своих стоянок.

Пятый период (весна 1944 г. – весна 1945 г.) характеризовался увеличением численности и количества банд-групп, за счет присоединения части населения, уклонившейся от выселения. Лишенные основных баз, но, располагая значительным количеством оружия, группы активизировали свои действия, избегая открытого боя, нападая на небольшие группы и одиночных военнослужащих, совершали убийства с особой жестокостью.

Анализ документов свидетельствует об увеличении бандпроявлений в весенние и летние месяцы года. С наступлением холодов, когда дальнейшее пребывание бандитов в лесах, степях и горах становилось затруднительным, банда самораспускалась, а с приходом тепла возобновляла активные действия. Это, однако, не означало, что деятельность бандгрупп в определенные периоды года полностью свертывалась и проявлялась только "сезонно". Следует отметить, что в период Великой Отечественной войны банды, не прекращали свою подрывную работу и не останавливались ни перед какими трудностями в осуществлении своих преступных намерений против властей. Поэтому ушедшая в подполье банда рассматривалась органами власти, не как фактор снижения бандпроявлений, а как тактический маневр для внезапного и более активного возобновления своих действий.

Бандитские группы военного времени, действовавшие на территории Северного Кавказа, можно было условно поделить на три группы [7].

Первая группа: банды имели политическую окраску и ставили перед собой политические задачи. Эти банд-группы состояли из активных старост и полицаяв и имели связь с немецкой агентурой. Снабжаемые немцами, бандиты имели задачу: в случае успеха последних на фронте, занять горные перевалы, не допустить в горы и леса партизан, производить террор и диверсии.

Вторая группа: бандгруппы не имели политической окраски, но были связаны с немецкой агентурой, состояли из менее активных полицаев, старост и отъявленных дезертиров. Эти банды имели криминальную направленность, занимались грабежом для своего существования, не редко совершали убийства и имели тенденцию перерасти в первую группу.

Третья группа: это мелкие банды, состоявшие в основном из дезертиров. Много одиночек находилось в своих станицах и аулах, имели связь со своими родственниками, питались за счет своих хозяйств. Активности не проявляли, но имели тенденцию перерасти во вторую группу.

Основные тактические приемы действий бандгрупп

В основном бандформирования действовали в горах, как правило, большие отряды делились на небольшие группы, которые устраивали свои базы в труднодоступной местности в хуторах, пещерах, землянках и шалашах. Там же они создавали запасы продовольствия и одежды. На подступах к базам создавалась система наблюдения и охраны. В прилежавших к постоянным укрытиям населенных пунктах бандиты имели связников и пособников, которым вменялось в обязанность уведомлять их о появлении войск, а также обо всех мероприятиях, проводимых в населенных пунктах.

Для того чтобы скрыть места своего расположения и дезориентировать органы и войска, бандиты совершали акции иногда на значительном удалении от мест своего постоянного базирования, применяя тактику просачивания мелкими группами. Передвижение в горах с целью грабежей, совершения убийств, добычи продовольствия, смены мест своего расположения проводились под прикрытием охранения, которое двигалось на удалении до 200 м, зачастую с применением маскировки [8]. Имелись случаи переодевания бандитов в форму военнослужащих и милицио-

неров, иногда инсценировалось передвижение в горах советской войсковой группы и т. п. Чаще всего бандиты передвигались ночью. Передвижение в дневное время использовалось в исключительных случаях по наиболее скрытым маршрутам.

При внезапной встрече с крупными войсковыми рядами бандиты открывали сильный огонь, создавая видимость большой численности, при этом часть банды с главарем начинали отход. Его обеспечивали 1-2 человека, а иногда большая группа бандитов, которые вели стрельбу с дальних и средних дистанций, задерживая преследователей. Ядро банды в дальнейшем уходило в сторону одного из флангов. Нередки были случаи использования верховых лошадей, как правило, с их помощью бандиты уходили от преследования.

В ряде случаев бандиты открывали огонь, и, рассыпаясь на мелкие группы, уходили в разных направлениях, стараясь заставить преследователей действовать мелкими группами, чтобы в дальнейшем уничтожить их по частям. Иногда бандиты без стрельбы рассыпались в разные стороны и, используя складки местности, уходили от преследования.

В случае окружения бандиты старались вести бой до наступления темноты, под покровом которой выходили из кольца, используя отличные знания местности, так, например, произошло в июле 1943 г. при ликвидации банды в районе р. Малка [9].

На пути передвижения войсковых групп бандиты нередко устраивали ряд последовательных засад, совершив нападение, бандиты одной из них уходили и усиливали следующую засаду. Так, например, они действовали 9-10 февраля 1943 г. против истребительного батальона 284 СП ВВ на маршруте Микоян-Шахар, Уччулан [10].

Нередко применяли демонстративные отходящие

действия, заманивая преследователей, а затем уничтожали в круговой засаде. При подходе помощи быстро уходили, как, например, при нападении на вторую роту 178 ОМСБ в районе хутора Кенахой 3 ноября 1941 г. [11].

При проведении террористических акций нападали, как правило, днем, преимущественно во второй его половине, с тем, чтобы к вечеру оторваться от боевого сопротивления и под покровом темноты уйти к местам своего постоянного базирования, не дав возможности обнаружить их убежища.

В основном действия бандитов имели наступательный характер, представляли рейдовые действия с просачиванием к объекту нападения, устройством засад, проведением налётов.

В целом тактика действий бандформирований на Северном Кавказе определялась:

- основными принципами партизанской борьбы;
- национально-историческими традициями (в регионе на протяжении столетий функционировала так называемая "набеговая система", суть которой составляли организованные набеги банд на соседние поселения с целью грабежа, угона скота, похищения людей с последующим их выкупом или продажей в рабство);
- сложными физико-географическими условиями.

Действовавшие в годы ВОВ на территории Северного Кавказа бандформирования постоянно эволюционировали, структура их менялась, тактика действий была разнообразной и носила активный характер. Это серьезно усложняло обстановку в регионе. Для борьбы с бандитизмом было привлечено большое количество сил и средств, и, прежде всего, из состава СКО НКВД. И округ со своей задачей справился.

Примечания

1. РГВА, ф. 38663, оп. 1, д. 28, л. 4

2. РГВА, ф. 38663, оп. 1, д. 28, л. 6
3. ЦАВВ, ф. 2, оп. 1, д. 22, л. 15
4. ЦАВВ, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 17
5. РГВА, ф. 38654, оп. 1, д. 2, л. 6,22
6. РГВА, ф. 38654, оп. 1, д. 2, л. 3,4
7. РГВА, ф. 38654, оп. 1, д. 2, л. 54
8. РГВА, ф. 38663 оп. 1 д. 8 л. 58
9. РГВА, ф. 38663 оп. 1 д. 8 л. 58
10. РГВА, ф. 38654, оп. 1, д. 2, л. 19
11. РГВА, ф. 38663, оп. 1, д. 28, л. 8

Научное издание
Вестник Верхне-Волжского отделения Академии
военно-исторических наук
Материалы научной конференции

Редактор С.А. Викторова
Компьютерная вёрстка - Ю.В. Машонина

Подписано в печать 25.12.2006

Формат бумаги 60х92/16
8,6 уч.-изд. л. 13 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ 1045.

Издательство Ярославского государственного педагогического
университета имени К. Д. Ушинского
(ЯГПУ)
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльная наб., 44